

МИЭТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования *Научный журнал*

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс в АО Агентство «Роспечать»:
80114

№ 2(30)

Апрель — июнь 2021 г.

ISSN 2409-1073

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research *Scientific Journal*

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription index of AO Rospechat agency:
80114

No. 2(30)

2021 April — June

ISSN 2409-1073

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishings doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

© «Экономические и социально-гуманитарные исследования», 2021
© МИЭТ, 2021

© “Economic and Social Research”, 2021
© MIET, 2021

Редакционный совет

Председатель редсовета

Чаплыгин Ю. А., академик РАН, доктор технических наук, профессор

Сопредседатель редсовета

Чумаков А. Н., доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИФ РАН

Агапов В. С., д. псих. н., Моск. ун-т МВД РФ

Андрюченко Е. В., д. филос. н., проф. Донецкого нац. университета (ДНР)

Анискин Ю. П., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Гаврилов С. А., д. техн. н., проф., НИУ МИЭТ

Гагарин А. В., д. пед. н., проф. РАНХиГС

Данильченко А. В., д. экон. н., проф. БНТУ (Республика Беларусь)

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. психол. н., проф., РАНХиГС

Захлебный А. Н. д. пед. н., проф., академик РАО, Центр экологического образования РАО

Инфанте Д., PhD, проф. Университета Калабрии (Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф., Бакинский Центральный технологический колледж (Азербайджан)

Князев В. Н., д. филос. н., проф., МПГУ

Ковальчук К. Ф., д. экон. н., проф. Нац. Металлургическая академия Украины (г. Днепр, Украина)

Лаце Н., Dr. Sci. (Econ.), проф. Рижского университета (Латвия)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф., МАИ

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф., МГППУ

Моисеева Н. К., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Мрочко Л. В., д. филос. н., проф., Моск. гуманитар. ун-т

Пабединскайте А. О., Dr. Sci. (Econ.), проф., Вильнюсский технический ун-т им. Гедиминаса (Литва)

Пирогов А. И., д. филос. н., проф., НИУ МИЭТ

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф., Евроакадемия (Эстония)

Растимешина Т. В., д. полит. н., доцент, НИУ МИЭТ

Реморенко И. М., канд. филос. н., доцент, ректор МГПУ

Редакционная коллегия

Главный редактор

Растимешина Т. В., доктор политических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Пирогов А. И., доктор философских наук, профессор

Агапов В. С., д. псих. н., Моск. ун-т МВД РФ

Алексеев С. В., д. пед. н., проф., РГПУ им. Герцена

Андрюченко Е. В., д. филос. н., проф. Донецкого нац. университета (ДНР)

Анискин Ю. П., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Алексеева И. Ю., д. филос. н., проф., ИФ РАН

Гриценко Н. Ф., д. ист. н., проф., Дом русск. зарубежья им. А. Солженицына

Гуськова Н. Д., д. экон. н., проф., МГУ им. Н.П. Огарева

Даниелян Н. В., д. филос. н., доцент, НИУ МИЭТ

Данильченко А. В., д. экон. н., проф., БНТУ (Республика Беларусь)

Евдокимова М. Г., д. пед. н., доцент, НИУ МИЭТ

Емец В. С., д. полит. н., проф., Правительство Рязанск. обл.

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. психол. н., проф., РАНХиГС

Захлебный А. Н., д. пед. н., проф., академик РАО, Центр экологического образования РАО

Иванова Г. П., д. пед. н., проф. МГОУ

Ильин В. В., д. филос. н., проф., ИППК при МГУ им. Ломоносова

Инфанте Д., PhD, проф. Университет Калабрии (Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф., Бакинский Центральный технологический колледж (Азербайджан)

Кальней В. А., д. пед. н., проф., РМАТ

Ковальчук К. Ф., д. экон. н., проф. Нац. металлургическая академия Украины (г. Днепр, Украина)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф., МАИ

Лоза Г. Г., д. полит. н., проф., Ин-т экономики и права «Академия труда и соц. отношений»

Лукичева Л. И., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Мамедов Н. М., д. филос. н., проф., РАНХиГС

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф., МГППУ

Моисеева Н. К., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Мушта А. А., к. филос. н., доцент (Республика Беларусь)

Пабединскайте А. О., Dr. Sci. (Econ.), проф., Вильнюсский технический ун-т им. Гедиминаса (Литва)

Панов А. И., д. полит. н., проф., МГОУ

Прокофьев А. А., д. пед. н., к. ф.-м. н., доцент, НИУ МИЭТ

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф. Евроакадемии (Эстония)

Реморенко И. М., канд. филос. н., доцент, ректор МГПУ

Родин В. Ф., д. пед. н., проф. Моск. ун-т МВД РФ

Смирнова Ж. Вяч., Dr. Sci. (Econ.), проф. Университет Калабрии (Италия)

Степанов С. А., д. пед. н., проф., прорект. МНЭПУ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.

Заведующий редакцией — **А. И. Пирогов**

Научный редактор — **Т. В. Растимешина**

Компьютерная верстка — **С. О. Брылев**

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ. **Тел.:** 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Сайт: <http://esgi-miet.ru>

Подписано в печать 20.06.2021. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 23,2 усл. печ. л., 13,6 уч. изд. л. Заказ № 18.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Editorial Council

Chairman

Chaplygin Yu. A., Dr. Sci. (Tech.), Prof., Acad. RAS

Co-Chairman

Chumakov A. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof., RAS Institute of Philosophy

Agapov V. S., D. crazy. Sciences, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the RF

Andriyenko O. V. (Donetsk People's Republic), Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Donetsk National University

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Gavrilov S. A., Dr. Sci. (Tech.), Prof. MIET

Danilchenko A. V. (Republic of Belarus), Dr. Sci. (Econ.), Prof. of Belarusian National Technical University

Zakhlebnyi A. N. Dr. Sci. (Ped), Acad. RAO, Center for environmental education of RAO

Zazykin V. G., Dr. Sci. (Psych.), Prof., RANEPa

Infante D. (Italy), PhD (Polit. Econ.), Prof. University of Calabria

Ismailov V. I., Dr. Sci. (Philos.), Dir. Baku Central technological College (Azerbaijan)

Knyazev V. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof. Moscow State Pedagogical University

Kovalchuk K. F. (Ukraine), Dr. Sci. (Econ.), Prof. National Metallurgical Academy of Ukraine

Lace N. (Latvia), Dr. OEc., Prof. Riga Technical University

Lobastov G. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof. Moscow Aviation Institute

Mikhalkin N. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof. MSPPU

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Mrochko L. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., Moscow State University for the Humanities

Pabedinskaite A. O. (Lithuania), Dr. OEc., Prof. Vilnius Gediminas Technical University

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MIET

Põlajeva T. (Estonia), Dr. OEc., Prof. Euroacademy

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., MIET

Remorenko I. M., Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Rector of MGPU

Editorial Board

Editor-in-Chief

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.

Deputy Editor-in-Chief

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Agapov V. S., D. crazy. Sciences, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the RF

Andriyenko O. V. (Donetsk People's Republic), Dr. Sci. (Philos.), Prof. Donetsk National University

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Alekseeva I. Yu., Dr. Sci. (Philos.), Prof. Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences

Gagarin A. V., Dr. Sci. (Ped), Prof., RANEPa

Gritsenko N. F., Dr. Sci. (Hist.), Prof., Home Russian. foreign to them. Alexander Solhenitsyn

Guskova N. D., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Ogarev Moscow state University

Danielyan N. V., Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., MIET

Danilchenko A. V. (Republic of Belarus), Dr. Sci. (Econ.), Prof. Belarusian National Technical University

Emets V. S., Dr. Sci. (Polit.), Prof., The Government of the Ryazan. areas.

Evdokimova M. G., Dr. Sci. (Ped), Assoc. Prof.

Zakhlebnyi A. N. Dr. Sci. (Ped), Acad. RAO, Center for environmental education of RAO

Zazykin V. G., Dr. Sci. (Psych.), Prof., RANEPa

Ivanova G. P., Dr. Sci. (Ped), Prof., MRSU

Ilyin V. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., IPPK at Lomonosov Moscow state University

Infante D. (Italy), PhD (Polit. Econ.), Prof. University of Calabria

Ismailov V. I., Dr. Sci. (Philos.), Dir. Baku Central technological College (Azerbaijan)

Kalney V. A., Dr. Sci. (Ped), Prof.

Kovalchuk K. F. (Ukraine), Dr. Sci. (Econ.), Prof.

of National Metallurgical Academy of Ukraine

Lobastov G. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Loza G. G., Dr. Sci. (Polit.), Prof., Institute of Economics and law «Academy of labor and social relations»

Lukicheva L. I., Dr. Sci. (Econ.), Prof., MIET

Mamedov N. M., Dr. Sci. (Philos.), Prof. RANEPa

Mikhalkin N. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof. MSPPU

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Mushta A. A. (Republic of Belarus), Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.

Pabedinskaite A. O. (Lithuania), Dr. OEc., Prof. Vilnius Gediminas Technical University

Panov A. I., Dr. Sci. (Polit.), Prof. Moscow state University

Põlajeva T. (Estonia), Dr. OEc., Prof. of Euroacademy

Prokofiev A. A., Dr. Sci. (Ped), Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., MIET

Remorenko I. M., Cand. Sci. (Ped), Assoc. Prof., Rector of MGPU

Rodin V. F., Dr. Sci. (Ped), Prof., RF MoI University

Smirnova J. V. (Italy), Dr. Sci. (Econ.), Prof. of University of Calabria

Stepanov S. A., Dr. Sci. (Ped), Vice-rector of MNEPU

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Managing editor — **A. I. Pirogov**

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Digital page makeup — **S. O. Brylev**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET. **Tel.:** +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Web: <http://esgi-miet.ru>

Signed to print 20.06.2021. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 23.2. Published sheets: 13.6. Order No. 18.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Senior editor — **T. V. Rastimeshina**

Editor — **E. V. Malinkina**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

<i>Бударов А.Ю.</i> Теоретические положения концепции управления развитием научно-производственного комплекса на основе системно-синергетического подхода	6
<i>Гладков И.С.</i> Международная торговля: основные тренды за первые 20 лет XXI века (2001—2020 гг.)	16
<i>Прима Я.Г., Свечников Н.С., Аганиязова М.</i> Человеческий капитал проектной команды в условиях Agile-трансформации бизнеса	28
<i>Олейник С.П., Матына Л.И.</i> Международный бизнес-проект и компетентностный профиль команды управления проектом (часть 1)	37

Философия: мир в человеке и человек в мире

<i>Андрюченко Е.В., Горбачева И.М.</i> Феномен «мягкой силы» в аспекте философского осмысления политического бытия	47
<i>Бондарева Я.В., Бурмакин В.М.</i> Алгоритм философского анализа коррупции и антикоррупционная просветительская деятельность	54
<i>Заложных Ю.С.</i> К вопросу об идейно-теоретических источниках раннего славянофильства	63
<i>Князев Н.П.</i> «Вненаходимые пространства» технопарков позднего социализма	70
<i>Костров Г.Л.</i> Онтология и методология исследования культурной травмы в социально-философском дискурсе	77
<i>Ксенофонов В.В.</i> Историческая правда о Великой Отечественной войне — императив духовной жизни российского общества (социально-философский анализ)	89
<i>Малинкина Е.В.</i> Лирико-философское начало в малом литературном жанре как детерминанта культуры	97
<i>Морозов М.Ю.</i> Платон против «диамата»: спор о предмете философской науки в свете диалектики тотального и фрагментарного	107
<i>Мушта А.А., Растимешина Т.В.</i> Историческая политика в контексте трансформаций концепций национальной безопасности Беларуси и России: теоретические основания	120
<i>Некрасов А.С., Некрасова Н.А., Некрасов С.И.</i> Воздействие информационных технологий на человека и его сознание	130
<i>Огородов Д.А.</i> К генезису спорта: функции спорта в обществе модерна	136
<i>Равочкин Н.Н., Бобриков В.Н., Щенников В.П., Рахинский Д.В.</i> Институциональная проблематика в зеркале социальной философии. Социологические и философские подходы	144
<i>Самохвалова В.К.</i> От Декарта к Фромму: интеллектуальная и нравственная деградация	154
<i>Соколова Т.Ю., Фазлыязнова Г.И., Ефграфова Е.Е., Астапович Е.В.</i> Виртуальная реальность как объект и инструмент познания: прикладные аспекты	161
<i>Филиппов И.М.</i> Молодежное лидерство в управленческой деятельности: аксиологические аспекты	167
<i>Ковалев А.А.</i> Секст Эмпирик и Августин Блаженный: к вопросу о генезисе средневековой концепции природы зла	175

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

<i>Хижак Н.П.</i> Методические подходы к разработке комплексных электронных образовательных ресурсов по прикладным экономическим дисциплинам на базе LMS Moodle	185
---	-----

Информация

К сведению авторов	194
Этические нормы публикационного процесса	196

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

<i>Budarov A.Yu.</i> Theoretical provisions of the concept of managing the development of scientific and industrial complex on the basis of the system-synergetic approach	6
<i>Gladkov I.S.</i> International trade: key trends for the first 20 years of the XXI century (2001—2020 гг.)	16
<i>Prima Ya.G., Svechnikov N.S., Aganiyazova M.</i> Human capital of the project team in the context of Agile business transformation	28
<i>Oleynik S.P., Matyna L.I.</i> International business project and competence profile of the project management team (part 1)	37

Philosophy: Universe in Man and Man in Universe

<i>Andriyenko E.V., Gorbacheva I.M.</i> The phenomenon of «soft power» in the aspect of philosophical understanding of political being	47
<i>Bondareva Ya.V., Burmakin V.M.</i> Algorithm of philosophical analysis of corruption and anti-corruption education activities	54
<i>Zalozhnych Y.S.</i> Regarding the Ideological and Theoretical Sources of Early Slavophilism	63
<i>Knekht N.P.</i> «Non-discoverable-spaces» of full-fledged socialism's technological parks	70
<i>Kostrov G.L.</i> Ontology and Methodology of studying cultural trauma in social-philosophical discourse	77
<i>Ksenofontov V.V.</i> The historical truth about the Great Patriotic War — the imperative of the spiritual life of Russian society (socio-philosophical analysis)	89
<i>Malinkina E.V.</i> The lyric-philosophical beginning in the small literary genre as a determinant of culture	97
<i>Morozov M.Y.</i> Plato vs. «dialectical materialism»: the dispute about the subject of philosophical science in the light of the dialectic of totality and fragmentarity	107
<i>Mushta A.A., Rastimehina T.V.</i> Historical Policy in the context of Transformations of the National security Concepts in Belarus and Russia: theoretical foundations	120
<i>Nekrasov A.S., Nekrasova N.A., Nekrasov S.I.</i> Impact of information technology on a person and his consciousness	130
<i>Ogorodov D.A.</i> Towards the Genesis of Sport: the Functions of sport in Modern Society	136
<i>Ravochkin N.N., Bobrikov V.N., Shchennikov V.P., Rakhinsky D.V.</i> Institutional issues in the mirror of social philosophy. Sociological and Philosophical Approaches	144
<i>Samokhvalova V.K.</i> From Descartes to Fromm: Intellectual and Moral Degradation	154
<i>Sokolova T.Yu., Fazylyanova G.I., Efgrafova E.E., Astapovich E.V.</i> Virtual reality as an object and a tool of cognition: applied aspects	161
<i>Filippov I.M.</i> Youth Leadership in Management Activities: Axiological Aspects	167
<i>Kovalev A.A.</i> Sextus Empiricus and Aurelius Augustinus: on the genesis of the medieval concept of the nature of evil	175

Pedagogical coordinate system education, upbringing, human development

<i>Khyzhak N.P.</i> Methodological approaches to the development of complex electronic educational resources in applied economic disciplines based on LMS Moodle	185
--	-----

Information

For the Authors	194
Ethical Norms of Publishing	196

ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH: THEORY AND PRACTICE

УДК 334.012

DOI: 10.24151/2409-1073-2021-2-6-15

Теоретические положения концепции управления развитием научно-производственного комплекса на основе системно-синергетического подхода

А.Ю. Бударов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

fmn@miee.ru

Автор раскрывает не только основные теоретические положения концептуального подхода к управлению развитием научно-производственных комплексов, но и основные аспекты практической реализации этого подхода. Показана особенность подхода, связанная с учетом системных свойств и закономерностей при формировании комплексных стратегий и механизмов управления развитием научных производственных комплексов как сложных социально-экономических систем.

Ключевые слова: системно-синергетический подход, научно-производственный комплекс, механизм управления, социально-экономическая система.

Theoretical provisions of the concept of managing the development of scientific and industrial complex on the basis of the system-synergetic approach

A. Yu. Budarov

National Research University MIET

fmn@miee.ru

The author reveals not only the main theoretical provisions of the conceptual approach to managing the development of scientific and production complexes, but also the main aspects of the practical implementation of this approach. The article shows the peculiarity of the approach related to the consideration of systemic properties and regularities in the formation of integrated strategies and mechanisms for managing the development of scientific production complexes as complex socio-economic systems.

Keywords: system-synergetic approach, scientific-production complex, management mechanism, socio-economic system.

Формирование комплексных стратегий и организационно-экономических механизмов управления развитием конкретного научно-производственного комплекса (НПК) в рамках разработанного концептуального подхода [1—5] начинается с выбора из множества целей совокупности целевых параметров, адекватных реализуемой стадии и существующим бизнес-условиям. Такой выбор основывается на применении теоретического базиса и предполагает анализ совокупности актуальных для конкретной стадии развития НПК управленческих проблем, обусловленных особенностями системно-синергетического подхода. Другими словами, это выбор способа практической реализации принципов концепции в существующей проблемной ситуации. Так, если деятельность НПК характеризуется низкой деловой активностью бизнес-единиц, то необходимо выбрать целевые параметры — в отношении формирования адекватного потенциала развития и достижения за счет этого неравновесности бизнес-среды.

В момент свершения радикальных преобразований на стадии качественного скачка актуальным является выбор целевых параметров, характеризующих сам переходный процесс и целевые ориентиры достижения нового качественного уровня развития НПК.

Разработанные теоретические основы управления развитием НПК [1—5] включают понятийный аппарат и принципы, обеспечивающие реализацию управляющих воздействий на всех стадиях цикла развития НПК. Иными словами, управляющие воздействия осуществляются на всех фазах отрицания-синтеза, которые проходит НПК на каком-либо качественном уровне развития. Рассмотрение данной проблемы с позиции диалектического подхода позволило сформулировать две фазы развития НПК: фазу освоения потенциала и фазу использования потенциала. Каждая из этих фаз имеет свои управленческие проблемы и свою специфику, которая должна быть учтена в методологии управления развитием НПК, при разработке целевых

параметров. Это означает, что в основу требований к управлению положен принцип учета специфики фаз развития НПК [1—5].

Механизмом практического воплощения этого принципа выступают выбор и формирование методов, средств и инструментов управления, таких, которые обеспечат максимально возможную скорость роста валового дохода и деловую активность в фазе освоения и повышения устойчивости, конкурентоспособности и эффективности в фазе использования.

Фаза освоения. Чтобы добиться максимально возможной скорости роста валового дохода и минимизации упущенных предпринимательских возможностей при построении системы управления развитием, необходимо руководствоваться принципом комплексной готовности. Это необходимо для создания условий, в которых минимизируются транзакционные издержки различного характера.

Транзакционные издержки могут быть обусловлены материальными, кадровыми, финансовыми, информационными факторами. Необходимо обеспечить рентабельность деятельности предприятий НПК — выше определенного критического уровня. При этом учитывается среднерыночная рентабельность и рентабельность, достаточная для покрытия транзакционных издержек, препятствующих самоорганизации интегрированных бизнес-структур в рамках НПК.

Немаловажно, что предварительное обеспечение комплексной готовности НПК позволяет максимально полно и в короткие сроки освоить созданный потенциал развития и использовать все потенциальные возможности данного качественного уровня. Здесь критерием выступает наличие и размер синергетических эффектов в интегрированных бизнес-структурах. Таким образом, обеспечение комплексной готовности должно быть достаточным для того, чтобы величина транзакционных издержек в бизнес-структурах была ниже размера дополнительных прибылей в результате объединения.

Методы, средства и инструменты обеспечения комплексной готовности являются

частью методологии управления развитием НПК. Это комплексная проблема, обусловленная различными факторами возникновения транзакционных издержек, и включает материальную, кадровую, финансовую, информационную составляющую. Основным ориентиром обеспечения комплексной готовности является ликвидация барьеров, создающих различные транзакционные издержки в процессах самоорганизации интегрированных бизнес-структур и процесса саморазвития НПК.

Материальная составляющая предполагает комплексное обеспечение процесса упреждающего формирования требуемой для освоения потенциала развития материальной инфраструктуры НПК. Например, должны быть созданы центры коллективного пользования требуемым для деятельности на новом качественном уровне развития НПК оборудованием, создана технологическая инфраструктура для инновационных проектов, решена проблема с производственными и офисными площадями. Такие мероприятия позволят снизить транзакционные издержки бизнес-структур на приобретение или лизинг различных видов оборудования, а также уменьшат размер их капитальных вложений в системообразующие проекты.

Кадровая составляющая предполагает реализацию упреждающих мер по формированию кадрового потенциала бизнес-единиц НПК, который будет задействован в перспективных инновационных проектах. В качестве стратегических мероприятий в рамках управления развитием НПК должна быть создана инфраструктура подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров наиболее значимых или уникальных для данного комплекса профессий. В результате будут снижены транзакционные издержки на обеспечение системообразующих проектов и бизнеса НПК высококвалифицированными кадровыми ресурсами.

Финансовая составляющая включает организацию адекватной сложившимся усло-

виям комплексной системы бюджетного и внебюджетного финансирования проектов, реализуемых в научно-производственном комплексе. При этом особое значение должно иметь организация внебюджетного финансирования посредством создания инвестиционных венчурных фондов.

Информационная составляющая обеспечения комплексной готовности НПК к освоению созданного потенциала развития представляет собой единое информационное пространство. Возможной формой его реализации является применение информационно-телекоммуникационных технологий для интеграции всего множества бизнес-единиц НПК в единой информационной системе. Посредством этого будет снижена асимметричность информации и усилена взаимная координация бизнес-единиц, что внесет положительный вклад в снижение транзакционных издержек информационного характера и обеспечит повышение эффективности их взаимодействия в рамках системообразующих проектов.

В фазе использования потенциала развития НПК основной управленческой проблемой является обеспечение устойчивости и снижение колебаний значений основных параметров научно-производственного комплекса. Исходя из этого, компонентом совокупности разработанных механизмов управления развитием НПК является научно-методическое обеспечение практической реализации данного принципа, подразумевающее применение инструментов и методов оптимизации бизнес-процессов. Данный вид методического обеспечения предназначен для управления качеством, стандартизации и унификации бизнес-процессов в системообразующих проектах, повышения коэффициентов выхода годных и обеспечения гарантированного сбыта инновационной продукции, повышения финансовой устойчивости и сбалансированности интегрированных бизнес-структур.

Система управления развитием НПК должна включать совокупность методов

и организационно-экономических инструментов обеспечения комплексной устойчивости вновь появившихся интегрированных предпринимательских структур. В качестве материальной основы реализации данного направления необходимо формирование централизованных инфраструктурных элементов (например, централизованное подразделение технопарка или специализированная фирма), задачей которых является внедрение системы менеджмента качества в рамках новых инновационных проектов, обеспечение текущего финансирования, финансовой устойчивости и ликвидности бизнес-единиц или интегрированных предпринимательских структур НПК, аудит и различные виды консалтинга и др.

Для формирования методологической концепции управления развитием научно-производственного комплекса необходимо систематизированное рассмотрение всех вышеперечисленных принципов и механизмов их практической реализации с позиции содержания управления как обособленного вида деятельности. В теории менеджмента содержание управления раскрывают основные управленческие функции, среди которых планирование, организация, мотивация, контроль, координация. Управление развитием НПК представляет собой систематически повторяющийся цикл управленческих действий, включающий в себя все эти функции с конкретизацией адекватно особенностям управления таким видом объекта.

К основным особенностям относится масштабность и сложность объекта управления, состоящего из множества самостоятельных бизнес-единиц. Причем каждая бизнес-единица имеет свои предпринимательские цели и мотивацию своих действий. Немаловажной особенностью является характер управления, предполагающий стимулирующие управленческие воздействия.

В сущности, управление развитием научно-производственного комплекса представляет собой систематизированную реали-

зацию управленческих функций с целью обеспечить полное и эффективное использование внутреннего потенциала НПК посредством создания условий неравновесности, самоорганизацию интегрированных бизнес-структур и формирование в них синергетического взаимодействия бизнес-единиц. В результате успешной реализации этих процессов будет обеспечен процесс саморазвития научно-производственного комплекса.

Начальным этапом управления развитием научно-производственного комплекса является планирование развития НПК. Этот этап содержит такие виды деятельности как исследование текущего состояния комплекса, выявление наиболее значимых внутренних факторов («точек роста»), обуславливающих возникновение эндогенных противоречий. Спецификой этого этапа является определение управляемых факторов, по отношению к которым может быть разработана и успешно реализована система мер управленческих воздействий.

Далее осуществляется прогнозирование сценариев развития НПК в условиях реализации этих воздействий и формирование целеориентированного и достаточного потенциала развития. Должна быть разработана планово-контрольная программа развития НПК, содержащая оптимальную стратегию наиболее полного использования созданного потенциала развития в максимально короткие сроки. Основной акцент при этом должен быть сделан на планирование взаимодействия бизнес-единиц в системообразующих проектах, имеющее целью максимально использовать стратегические соответствия между ними и потенциальные синергетические эффекты.

Вместе с этим, проводится анализ внешней бизнес-среды. Причем в качестве одной из основных составляющих этот анализ должен включать исследование цикличности соответствующих рыночных сегментов для обеспечения гармонизации цикличности бизнес-единиц НПК с цикличностью конъюнктур этих сегментов.

Программа развития НПК должна учитывать закономерности изменения его основных свойств и характеристик в процессе развития на одном качественном уровне. В рамках какого-либо качественного уровня изменение характеристик НПК имеет закономерность, характеризующуюся моделью жизненного цикла системы. В терминах разработанного и предложенного в [1—5] понятийного аппарата данная закономерность определяется как динамика качественного уровня и имеет вид логистической функции. Нелинейность экономического роста НПК с позиции динамики качественного уровня наглядно характеризуется параметрами логистической функции (ее наклоном). Частью методологии управления должна быть организация контроля эффективности процесса развития. В качестве основных составляющих он должен включать модель динамики качественного уровня и совокупность обеспечивающих планово-контрольных расчетов. С помощью этого является возможным адекватное прогностическое моделирование развития НПК. Также эта модель позволит обеспечить инструмент выбора оптимальных стратегий развития.

Содержание организационной и мотивационной функций управления состоит в комплексе мероприятий по обеспечению особых организационно-экономических условий. С данной позиции сущностью системы управляющих воздействий является обеспечение воздействия на «точки роста» с целью создания условий неравновесности для бизнес-единиц НПК, которые в дальнейшем будут мотивировать увеличение их деловой активности. Для этого должны быть выполнены управляющие воздействия нормативно- правового и финансово-экономического характера, имеющие цель стимулирования деловой активности, формирования инвестиционной привлекательности НПК и снижения экономических барьеров процессов самоорганизации интегрированных бизнес-структур.

Разработанный и представленный в [1—5] теоретический базис, последовательность

этапов управления развитием, состав и структура механизмов, используемых на тех или иных этапах и в условиях определенных тенденций динамики параметров НПК, конкретизация и систематизация функций управления являются основой методологического концептуального подхода к управлению развитием НПК. Особенностью данного концептуального подхода является использование в качестве основы положений системно-синергетической теории.

Вышеуказанные результаты позволили конкретизировать содержание и выделить основные составляющие системно-синергетического концептуального подхода к теоретико-методологическому обеспечению процесса управления развитием научно-производственного комплекса в следующих концептуальных положениях:

1. Ориентация процесса развития научно-производственного комплекса на *саморазвитие*, то есть использование внутреннего потенциала и системности (целостности) НПК в качестве основы, а экзо-эндогенного варианта развития как формы. При этом эндогенные противоречия выступают как основная движущая сила (в соответствии с принципом первичности эндогенных противоречий), в то время как экзогенные — это инициирующий и управляющий импульс.

2. Саморазвитие научно-производственного комплекса основывается на следующих составляющих: в целях мотивации развития формирование условий возникновения *неравновесности* бизнес-среды НПК, обусловленной эндогенными противоречиями; существование процессов *самоорганизации* интегрированных бизнес-структур в неравновесных условиях как организационно-экономической формы реализации инновационных системообразующих проектов программы развития НПК и разрешения этим самым возникших противоречий; формирование *синергетического взаимодействия* бизнес-единиц в интегрированных бизнес-структурах как механизма обеспечения их существования в НПК, максимального

использования потенциала и постоянного увеличения системности (целостности) НПК. Все это обеспечит реализацию экзо-эндогенного варианта развития (или саморазвития);

3. Неравновесность бизнес-среды НПК обеспечивается посредством создания соответствующих организационно-экономических условий (экзогенных противоречий), изменяющих эволюционно сложившуюся структуру распределения рентабельности деятельности предприятий определенного сегмента НПК и обуславливающих в результате появление конструктивных эндогенных противоречий между потенциальными предпринимательскими возможностями и фактически достигнутыми результатами НПК, то есть создает потенциал развития, стимулирует деловую активность и саморазвитие НПК. Причем критерием достаточности и эффективности созданных организационно-экономических условий является существование определенного порогового значения темпов экономического развития, обуславливающего качественные преобразования.

Предложены два подхода формирования таких организационно-экономических условий: «затратный», ориентированный на увеличение рентабельности деятельности посредством снижения затрат на нее и «доходный», который направлен на повышение рентабельности посредством создание возможностей увеличения валового дохода в результате такой деятельности.

4. Объективной и имманентно присущей основой самоорганизации и синергетического взаимодействия интегрированных бизнес-структур НПК является колебательная природа социально-экономических процессов, представляющая собой существование множественной цикличности и наличие флуктуаций в деятельности объектов экономики. Обеспечение самоорганизации, синергетического взаимодействия и повышение целостности системы НПК достигается посредством комплексной гармонизации взаимодействия элементов и достижения когерентности их

функционирования. Гармонизация взаимодействия бизнес-единиц представляет собой формирование соразмерности, взаимосвязанности, когерентности их деятельности, достижение единого ритма и сбалансированности в динамике экономической сферы бизнес-единиц.

При этом комплексность гармонизации предполагает совокупность ее направлений, источника возникновения управляющего ритма. Сюда входит гармонизация с конъюнктурами соответствующими отраслевыми рынками (динамика цикличности конъюнктуры - основа формирования цикличности НПК). Также значимым направлением является гармонизация групп нововведений и совокупностей инновационных проектов программы развития НПК для использования возможностей взаимодополнения и синергии. Для формирования синергетического взаимодействия необходима гармонизация деятельности бизнес-единиц и фирмы-лидера (системообразующего центра) в какой-либо интегрированной бизнес-структуре НПК на основе ритма деятельности лидера.

Существенной сферой гармонизации является гармонизация конкурентных отношений нескольких системообразующих центров. У каждого центра свои параметры функционирования и свой уровень рентабельности. Задачей управления развитием является содействие формированию нескольких системообразующих центров и поддержание конструктивной конкуренции для стимулирования развития рыночного сегмента.

5. Самоорганизация интегрированных бизнес-структур обусловлена возникновением неравновесности бизнес-среды НПК в условиях гармонизации взаимодействия ее элементов. Рост неравновесности приводит к увеличению степени корреляции основных параметров и согласованности действий бизнес-единиц. При этом необходимы управляющие мероприятия по гармонизации. Когда увеличение корреляции достигает макроскопических по отношению к ним

масштабов, возникают процессы формирования кластеров, а затем самоорганизации интегрированных бизнес-структур, элементов которых осуществляют синергетические взаимодействия.

6. Синергетическое взаимодействие является механизмом осуществления качественных изменений свойств НПК, предполагающих нелинейный рост основных параметров его деятельности (валовой продукт, валовой доход, темпы экономического роста, уровень занятости, налоговые отчисления и др.). Такое взаимодействие возникает при достижении когерентности деятельности элементов системы НПК в результате мероприятий по гармонизации. Когерентность проявляется появлением эффектов синергии и увеличением системности (целостности) научно-производственного комплекса.

7. Основным признаком и критерием системности (целостности) научно-производственного комплекса является существование эффектов синергии. При этом целостность основана на многоаспектности синергетического взаимодействия бизнес-единиц и включает в себя материальную, финансовую, кадровую и информационную составляющие. С позиции управления развитием такого объекта как научно-производственный комплекс значимой является информационная составляющая.

Для снижения влияния сдерживающих факторов («ингибиторов») информационного характера, повышения комплексной готовности к быстрому освоению созданного потенциала развития и уменьшения энтропии системы НПК необходим информационный механизм управления развитием НПК. Он предполагает формирование единого информационного пространства.

Совокупность способов практической реализации разработанной системно-синергетической концепции управления развитием научно-производственного комплекса посредством формирования потенциала развития по своему характеру можно классифи-

цировать на финансово-экономическую и информационно-координационную составляющую. Финансово-экономическая составляющая, в сущности, играет стимулирующую роль и включает создание условий возникновения неравновесности бизнес-среды, стимулирование деловой активности и экономическую поддержку системообразующих проектов. Тогда как ролью информационно-координационной составляющей является снижение различных видов барьеров и интенсивности проявления сил, сдерживающих эволюционные процессы в НПК. Эта составляющая включает снижение энтропии и минимизация асимметрии информации, что позволит снизить в рамках НПК информационные издержки ее элементов (например, по поиску и выбору партнеров в различных транзакциях). Усиление координации между бизнес-единицами НПК обеспечит благоприятные условия формирования интегрированных бизнес-структур и снизит транзакционные издержки при реализации масштабных инновационных проектов. Формирование единого информационного пространства будет способствовать созданию объединенного интеллектуального и информационного потенциала НПК. Всё это позволит сформировать комплекс механизмов управляющих воздействий на динамику развития научно-производственного комплекса, повысит его конкурентный потенциал и конкурентоспособность как целостной структуры на соответствующих мировых рынках и обеспечит тем самым его саморазвитие.

Основным отличием разработанной концепции управления развитием научно-производственного комплекса на основе системно-синергетического подхода является использование в качестве движущей силы развития внутреннего потенциала и возможностей множества бизнес-единиц, входящих в НПК. В сущности, такой подход сводится к управлению самоорганизацией интегрированных бизнес-структур, формирования синергетического взаимодействия входящих в них бизнес-единиц и стимулирования, таким

образом, процессов саморазвития как последовательности стадий самоорганизации.

Методическое, ресурсное и инструментальное обеспечение реализации разработанных концептуальных положений структурировано адекватно функциям управления и формирует комплексный механизм управления развитием НПК.

Реализация каждой функции управления предполагает финансово-экономическую и информационно-координационную составляющую, что позволит обеспечить достаточность и целенаправленность потенциала развития научно-производственного комплекса.

Основные составляющие системно-синергетической концепции управления развитием НПК диалектически взаимосвязаны между собой. С одной стороны неравновесность бизнес-среды НПК является причиной возникновения процессов самоорганизации и возникновения синергетического взаимодействия, но в свою очередь самоорганизация и синергия взаимодействия создают основу эволюции системы и появления новых предпринимательских возможностей. Новые предпринимательские возможности увеличивают потенциал развития и тем самым положительно влияют на неравновесность НПК. С другой стороны самоорганизация является организационной основой для возникновения синергетического взаимодействия, ибо такой вариант взаимодействия возможен лишь в целостных системах, имеющих естественный эволюционный характер. Наконец, синергия взаимодействия выступает в качестве механизма, создающего центроостремительные силы и интегративность самоорганизовавшейся бизнес-структуры. В результате этого такие структуры не распадаются сразу после возникновения и успешно функционируют на протяжении всего своего жизненного цикла, производя продукт труда и положительно воздействуя на потенциал развития всего НПК посредством генерации новых предпринимательских возможностей.

Самоорганизация интегрированных бизнес-структур выступает в качестве внешнего проявления саморазвития. В сущности, морфогенез предпринимательских структур создает материальную основу системообразующих инновационных проектов, которые не могут быть реализованы мощностями отдельных бизнес-единиц. В свою очередь реализация инновационного проекта представляет собой элементарный акт саморазвития НПК, вносящий значимый вклад в позитивное изменение основных свойств комплекса. С данной позиции качество развития НПК меняется в результате реализации совокупности таких проектов.

Теоретические аспекты и базовые модели процессов самоорганизации систем различного характера являются неотъемлемой частью работ по синергетике. Управление самоорганизацией интегрированных бизнес-структур НПК является масштабной проблемой, требующей развития существующих теоретических положений и разработки соответствующего методологического обеспечения.

Эта проблема включает такие задачи, как экономическое моделирование формирования взаимодействия элементов самоорганизующейся структуры, определение критериев и ограничений целесообразности формирования отношений между потенциальными элементами структуры, выявление стадий морфогенеза, определение способов его стимулирования и координации.

Проблема управления самоорганизацией включает в себя ряд направлений работ методического и инструментального обеспечения. К ним относится формирование методики планирования взаимодействия бизнес-единиц в рамках интегрированной бизнес-структуры, методики факторного анализа, обеспечивающего создание системы оптимальных стимулов морфогенеза. Также значимыми вопросами являются разработка методических положений и инструментов информационно-координационного

сопровождения процессов самоорганизации бизнес-структур, а также системы оптимальных планово-контрольных расчетов, позволяющих осуществлять мониторинг и контроль эффективности таких структур, методическое обеспечение разработки корректирующих мероприятий. Значимой особенностью управления таким процессом как морфогенез бизнес-структуры является весьма ограниченные возможности по прямому директивному вмешательству в этот процесс. Необходимы гибкие, адаптивные способы управления, основанные на стимулировании, использующие механизм, аналогичный механизму гетерогенного катализа процессов морфогенеза физико-химических и биологических структур. Иными словами, методическое и инструментальное обеспечение управляющих воздействий должно учитывать стимулирующий характер таких воздействий и быть ориентировано главным образом на управляемые трансформации самой бизнес-среды НПК, а не на конкретные бизнес-единицы.

Закономерным результатом самоорганизации и критерием системности (целостности) возникшей интегрированной бизнес-структуры является формирование синергетического взаимодействия между элементами этой структуры.

Проблемы синергии взаимодействия достаточно широко рассмотрены не только в рамках собственно синергетики как междисциплинарного научного направления, содержащего свод универсальных положений и моделей, применимых к системам различного характера, но и в работах по менеджменту и управлению бизнесом.

Тем не менее, для управления таким сложным объектом как научно-производственный комплекс необходимо развитие теоретико-методологического обеспечения применительно к комплексу с учетом его особенностей как системы.

Среди этих особенностей выделяется характер элементов системы НПК. Бизнес-единица - это активный, хозяйственно само-

стоятельный элемент, имеющий свои собственные цели и мотивы присоединения к интегрированной бизнес-структуре. Данная особенность обуславливает такие направления развития существующих теоретических положений синергетики как выявление форм и видов синергетического взаимодействия элементов предпринимательской структуры НПК, определение механизмов формирования такого взаимодействия и подходов к управлению.

Немаловажной проблемой управления синергетическим взаимодействием является рассмотрение в динамике данного процесса и определение возникающих в результате этого эффектов синергии. Динамика синергетического взаимодействия предполагает гармонизацию цикличности элементов предпринимательской структуры. Когерентность функционирования и наличие положительной обратной связи обуславливают появление эффектов синергии в результате резонансных явлений.

Таким образом, разработанная методологическая концепция управления развитием НПК в качестве основных составляющих включает в себя: теоретический базис концепции, объединяющий основной понятийный аппарат и принципы; последовательность стадий управления развитием НПК, учитывающая ориентацию и особенности управления в зависимости от этапа процесса развития НПК; совокупность механизмов, являющихся комплексными элементами методологии и непосредственно направленных на решение проблем методологического характера; совокупность концептуальных положений, раскрывающих сущность управления развитием НПК на основе разработанной методологии.

Все разработанные составляющие методологической концепции дают комплексное и систематизированное представление о направлениях и подходах к методологическому обеспечению процесса управления развитием НПК.

Литература

1. Бударов А. Ю. Теоретические положения системно-синергетического подхода к управлению развитием научно-производственных комплексов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. М.: МИЭТ, 2014. № 3—4. С. 9—14.
2. Бударов А. Ю. Принципы системно-синергетического подхода к управлению развитием научно-производственных комплексов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. М.: МИЭТ, 2014. № 3—4. С. 3—12.
3. Бударов А. Ю. Теоретические положения управления развитием научно-производственных комплексов на основе диалектического синтеза // Экономические и социально-гуманитарные исследования. М.: МИЭТ, 2015. № 4. С. 23—26.
4. Бударов А. Ю. Организационно-экономические условия стимулирования развития научно-производственных комплексов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. М.: МИЭТ, 2016. № 1. С. 10—17.
5. Бударов А. Ю. Концепция управления развитием научно-производственного комплекса на основе системно-синергетического подхода // Экономические и социально-гуманитарные исследования. М.: МИЭТ, 2020. № 4(28). С. 6—17.

Поступила 28.05.2021

Бударов Андрей Юрьевич — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, менеджмента и финансов (ЭиМ) НИУ МИЭТ (124498 Москва Зеленоград пл. Шокина, д.1), fmn@miee.ru

References

1. Budarov A. Ju. Teoreticheskie polozhenija sistemno-sinergeticheskogo podhoda k upravleniju razvitiem nauchno-proizvodstvennyh kompleksov // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya. M.: MIJeT, 2014. № 3—4. S. 9—14.
2. Budarov A. Ju. Principy sistemno-sinergeticheskogo podhoda k upravleniju razvitiem nauchno-proizvodstvennyh kompleksov // Jekonomicheskie i

social'no-gumanitarnye issledovaniya. M.: MIJeT, 2014. № 3—4. S. 3—12.

3. Budarov A. Ju. Teoreticheskie polozhenija upravlenija razvitiem nauchno-proizvodstvennyh kompleksov na osnove dialekticheskogo sinteza // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya. M.: MIJeT, 2015. № 4. S. 23—26.

4. Budarov A. Ju. Organizacionno-jekonomicheskie uslovija stimulirovanija razvitija nauchno-proizvodstvennyh kompleksov // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya. M.: MIJeT, 2016. № 1. S. 10—17.

5. Budarov A. Ju. Konceptija upravlenija razvitiem nauchno-proizvodstvennogo kompleksa na osnove sistemno-sinergeticheskogo podhoda // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya. M.: MIJeT, 2020. № 4(28). S. 6—17.

Submitted 25.05.2021

Budarov Andrei Yu., Ph. D. in Economics, Associate Professor, professor of Economics, Management and Finances Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), fmn@miee.ru

Международная торговля: основные тренды за первые 20 лет XXI века (2001—2020 гг.)

И.С. Гладков

Российская академия наук, Москва, Россия

professorgis@rambler.ru

Рассмотрены наиболее важные изменения в динамике международного товарооборота первых двух десятилетий XXI века. Впервые проанализированы сдвиги в географической структуре глобального вывоза и ввоза товарной продукции. Сделан вывод о неоднократной перегруппировке сил среди 25 крупнейших стран — экспортеров и импортеров, по-прежнему контролирующих примерно четыре пятых совокупного стоимостного объема общемирового товарооборота. Показаны основные тренды во внешнеторговой деятельности ведущих субъектов международной товарной торговли, включая Российскую Федерацию. Использована методология сравнительного и статистического анализа на базе новейших статистических материалов, ряда официальных и расчетных авторских данных, вводимых в российский научный оборот впервые.

Ключевые слова: международная торговля, внешняя торговля, товарный экспорт, товарный импорт, внешнеторговый оборот, турбулентность, санкции, кризис, вирусная инфекция, ВТО, Европейский Союз, ЕС, Германия, Нидерланды, Италия, Франция, Великобритания, Китай, США, Япония, Республика Корея (РК), Российская Федерация.

International trade: key trends for the first 20 years of the XXI century (2001—2020)

I.S. Gladkov

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

professorgis@rambler.ru

The most important changes in the dynamics of international commodity turnover of the first two decades of the XXI century are considered. For the first time the shifts in the geographical structure of global exports and imports of commodity products are analyzed. A conclusion is made about the repeated regrouping of forces among the 25 largest exporting and importing countries, still controlling approximately four fifths of the total value of the global commodity turnover. It shows the main trends in foreign trade activities of the leading subjects of international commodity trade, including the Russian Federation. The methodology of comparative and statistical analysis on the basis of the latest statistical materials, a number of official and estimated author's data, introduced in the Russian scientific turnover for the first time, is used.

Keywords: international trade, foreign trade, commodity exports, commodity imports, foreign trade turnover, turbulence, sanctions, crisis, viral infection, WTO, European Union, Germany, Netherlands, Italy, France, United Kingdom, China, USA, Japan, Korea, Russian Federation.

На протяжении первых двух десятилетий XXI века в системе мирового хозяйства и международной товарной торговли отмечались многочисленные — различные «по этимологии» и разнонаправленные — тренды, отражавшие заметно участвовавшие в ней кактаклизмы и кризисные проявления.

Так, следует отметить, что рассматриваемый период (2001—2020 гг.) получил своеобразное кризисное обрамление, сопровождаемое падением стоимостных объемов общемирового товарооборота. Если в 2001 г. снижение данного показателя составило незначительным более 4,0 %, то в 2020 г. (в условиях рецессии на фоне распространения вирусной инфекции) — 7,6 % (здесь и далее см. расчеты автора в табл. 1, 2).

При более подробном исследовании динамики международного товарообмена в рассматриваемом периоде можно выделить различные сдвиги, которые обуславливались переменами в мирохозяйственной эволюции. На семилетнем этапе (2002—2008 гг.) происходило заметное восстановительное повышение стоимостных параметров глобального товарооборота с темпами роста от 4,9 % в 2002 г. до 21,6 % в 2004 г. (при усредненных двузначных показателях расширения общемирового экспорта на уровне 14,7 %). В 2009 г. на фоне повсеместно развившегося финансово-экономического кризиса отмечалось резкое падение объемов международного товарного вывоза/ввоза по стоимости примерно на 22,7 %.

Посткризисный период принес многочисленные новые проблемы, среди которых наиболее существенными вызовами следует считать такие, как негативные сдвиги в ценовой конъюнктуре ряда мировых товарных рынков (прежде всего, топливно-сырьевых и полуфабрикатов, где падение цен могло составлять от 4,4 % до 47,2 %), заметное расширение зоны

протекционистских настроений и действий среди ведущих субъектов международного обмена, а также участвовавшееся применение ими санкций в торговле с нежелательными конкурентами, попытки создания «своих» торговых союзов «нового типа» с высокими стандартами взаимоотношений между участниками в обход правил Всемирной торговой организации (ВТО), конфликты между крупнейшими экспортерами и импортерами (США и КНР), неожиданное повсеместное распространение в 2020 г. новой вирусной инфекции.

Результатом проявления этих негативных сдвигов стало неустойчивое развитие международной торговли на протяжении 2010—2020 гг. Так, после сравнительно краткого компенсирующего повышения стоимостных объемов мирового экспорта в 2010—2011 гг. наступил период низких темпов его роста на этапе 2012—2013 гг. Четырехлетие в целом позволило достичь довольно высокого уровня в расширении международного товарного вывоза, равного 18,88 трлн долл. США. Но наметившееся с 2013 г. падение цен на топливно-сырьевые товары и полуфабрикаты, активизация санкционных мероприятий по отношению к ряду стран Восточной Европы, включая Российскую Федерацию, привели к затяжному спаду в динамике глобального экспорта в 2014—2016 гг. Как следствие, его стоимостные параметры сократились до 15,93 трлн долл. США (стоимость международного импорта при этом снизилась до 16,08 трлн долл. США).

Новейший четырехлетний этап (2017—2020 гг.) в развитии мирового товарного экспорта продемонстрировал сначала повышение его объемов по стоимости до достижения исторического максимума — 19,3 трлн долл. США в 2018 г. (с ежегодными темпами роста около 10,0 %), а затем снижение в преддверии

наступления очередного мирового циклического кризиса до 17,3 трлн долл. США в 2020 г. Стоимостные параметры импорта товаров в мире показывали аналогичный рост до максимальных значений 19,69 трлн долл. США в 2018 г. и сокращение до нынешних 17,54 трлн долл. США [17; 18].

Таким образом, за двадцатилетний период эволюция международной товарной торговли продемонстрировала в целом *синусоидный тренд*. Но на докризисной стадии движение по траектории было повышательным и более плавным, а на посткризисной — скачкообразное, с повторяющимися каждые двух-трехлетие резкими переходами от позитивной к негативной динамике с последующим реверсом.

Несмотря на многочисленные катаклизмы и кризисные проявления, за рассматриваемые 2 десятилетия параметры глобального товарного экспорта по стоимости возросли в 2,83 раза (в 2001—2018 гг. с учетом достижения в 2018 г. максимальных значений данного показателя — в 3,15 раза), товарного импорта — соответственно — в 2,79 раза (3,13 раза).

При этом позиции наиболее крупных субъектов международного обмена оставались, согласно подсчетам автора, достаточно прочными (см. табл. 1, 2).

Прежде всего, следует отметить, что к группе лидеров международной торговли относятся 25 крупнейших стран — экспортеров и импортеров, которым удавалось контролировать на протяжении всего рассматриваемого периода примерно 80,0 % совокупного стоимостного объема общемирового товарооборота.

При рассмотрении динамики *глобального товарного экспорта* можно выявить следующие его особенности. Долевой вклад лидирующих 25 стран в международный вывоз товаров по стоимости составлял в 2001 г. 79,1 %, а в 2020 г. — 79,4 %. На дистанции 20 лет параметры их участия в общемировых поставках изменялись: они снижались на

фоне роста объемов совокупного экспорта (в 2002—2008 гг. до 74,3 %), но в условиях кризиса 2009 г. заметно возросли (до 77,0 %). В последующем просматривается аналогичный тренд. При повышении стоимостных объемов международного вывоза несколько снижалась доля группы 25 стран-лидеров, но при сокращении этих объемов наблюдался рост удельного веса первенствующей группы экспортеров. При достижении в 2018 г. исторического максимума по стоимости мирового товарного вывоза на долю 25 лидеров пришлось, согласно расчетам, 77,4 % всех товарных поставок, а в кризисном 2020 г. — на 2 п. п. больше (расчеты по данным табл. 1).

Схожие сдвиги отмечались и в сфере международного импорта на этапе 2002—2008 гг. В этот период наблюдалось снижение удельного веса 25 крупнейших импортеров в общемировом показателе с 80,7 % до 76,5 %. Но на фоне разворачивания глобального финансово-экономического кризиса 2009 г. вклад группы продолжил снижаться, хотя и незначительно. Затем в 2010—2014 гг. доля лидирующей группы сокращалась — от 77,4 % до 76,6 %, а в 2015—2020 гг. возросла до 78,6 %. По сравнению с наивысшим показателем стоимости импортных закупок 2018 г. (19,69 трлн долл. США) параметры международного товарного ввоза в 2020 г. оказались существенно ниже (17,54 трлн долл. США), но долевой вклад 25 ведущих стран увеличился с 77,1 % на 1,5 п. п. (см. расчеты автора по данным табл. 2).

Таким образом, вполне закономерным является вывод о том, что на этапах поступательного развития международного товарообмена долевой вклад группы 25 крупнейших экспортеров и импортеров имел тенденцию к некоторому снижению на фоне активизации прочих участников, а в периоды кризиса и сокращения стоимостных объемов общемирового товарооборота, напротив, к повышению — за счет занимаемых этими странами доминирующих позиций

в системе современной международной товарной торговли.

При этом, согласно расчетам автора, как в сфере мирового вывоза, так и в сфере ввоза товаров неоднократно отмечалась *перегруппировка сил*, прежде всего между ведущими субъектами (см. табл. 1, 2).

Следует отметить, что за два десятилетия менялся состав ведущей группы экспортеров товарной продукции по входящим в нее странам. В частности, в 2001 г. Вьетнам показывал невысокие результаты и, соответственно, не мог входить в «элитную» группу крупнейших глобальных экспортеров, но к 2021 г. (благодаря резкому расширению товарного вывоза) занимал в ней 15-е место. Кстати, Вьетнам стал *самым крупным бенефициаром развития мировой торговли*: за 20 лет стоимостные объемы его экспорта могли возрасти в 23,2 раза (!) — с 15,0 млрд долл. США до 348,0 млрд долл. США (хотя приведена только предварительная оценка его товарного вывоза за 2020 г.; см. расчеты автора в табл. 1). Но в остальном состав лидирующей группы оставался во многом стабильным, с учетом того, что экспортная экспансия Вьетнама содействовала вытеснению из группы ОАЭ, которые на протяжении рассматриваемого периода демонстрировали вполне достойные результаты эволюции своего товарного вывоза (в 2007 г. — 156,6 млрд долл. США; в 2018 г. — 321,0 млрд долл. США; в 2019 г. — 315,9 млрд долл. США, в 2020 г. — 278,3 млрд долл. США) [2; 7; 12; 13]. *Вторым бенефициаром*, ставшим мировым лидером по стоимости экспорта товаров, выступает Китай, показатели которого за 2001—2020 гг. повысились в 9,73 раза (!) — с 266,1 млрд долл. США до рекордных 2 509,6 млрд долл. США. Если учесть при этом, что проходящий отдельной строкой в рейтинге экспортеров Гонконг остается специальным административным районом (САР) Китая, то их совокупный показатель составил в 2001 г. 457 млрд долл. США, а в 2020 г. — 3061,1 млрд долл. США (!). Стоит обратить

внимание на совокупный результат страны и ее территории в 2001 г.: он позволил этому тандему опередить традиционно находившуюся на 3-м месте (после США и Германии) в международном рейтинге ведущих экспортеров Японию (403,3 млрд долл. США).

Таким образом, Китай нарушил в 2001 г. ранее сложившийся триумvirат бессменных мировых лидеров (США, Германия, Япония) по стоимостным показателям товарного экспорта, сформировав «четверку» крупнейших в XXI столетии поставщиков товарной продукции: совокупная доля в мировом товарном вывозе составляла в 2001 г. 35,27 %, а в 2020 г. 37,62 %. Причем тройка традиционных лидеров уступала свои прежние позиции, ее удельный вес равнялся соответственно 27,81 % и 19,93 %. Это значит, что долевой вклад Китая (с Гонконгом) на протяжении 20 лет возрос с 7,46 % до 17,69 % (!), примерно в 2,3 раза. Китай контролирует сейчас 1/7 международного товарного экспорта, но в совокупности с САР Гонконгом — свыше 1/6 (расчеты по данным табл. 1).

На пути к мировому первенству Китай занимал сначала четвертую позицию в рейтинге при лидерстве США, Германии и Японии (2001—2003 гг.), затем третью — после Германии, США (2004—2006 гг.), вторую вслед за Германией (2007—2008 гг.), наконец, первую — с кризисного 2009 г. по настоящее время.

На фоне поступательного развития международного товарного экспорта на предкризисном этапе (2003—2008 гг.) *мировое первенство по стоимости своего вывоза удавалось удерживать Германии*, которая в условиях кризиса 2009 г. уступила его Китаю, по-прежнему превосходя США в 2009 г. и затем в 2011 г. Можно констатировать, что этап 2003—2011 гг. характеризовался заметным нарастанием конкурентной борьбы за лидерство между основными субъектами современной международной торговли с присущими процессу перестановками в рейтинге ведущих мировых экспортеров (см.: [3; 4; 9; 10]).

Динамика мирового товарного экспорта,

Страна-экспортер	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Мир, всего	6 127,1	6 424,1	7 485,8	9 100,8	10 342,4	11 955,7	13 784,8	15 967,6	12 345,1	15 095,7	18 143,5
Темпы роста, %	-4,07	4,85	16,53	21,58	13,64	15,60	15,30	15,83	-22,69	22,28	20,19
В том числе:											
(1) Китай	266,1	325,6	438,2	593,3	761,9	968,9	1 220,1	1 430,7	1 201,6	1 577,7	1 898,4
(2) США	729,1	693,1	724,7	814,8	901,1	1 037,0	1 162,5	1 299,8	1 056,7	1 278,1	1 481,7
(3) Германия	571,4	615,9	748,5	911,7	977,1	1 121,9	1 328,8	1 457,5	1 125,8	1 267,7	1 483,8
(4) Япония	403,3	416,7	472,0	565,7	594,9	646,7	714,3	781,4	580,7	769,7	823,2
(5) Нидерланды	216,2	219,8	264,8	318,0	349,8	400,7	477,6	545,8	431,5	492,6	530,6
(9) Гонконг **	191,1	201,9	228,7	265,6	292,1	322,6	349,4	370,2	329,4	400,7	455,5
(7) Респ. Корея	150,4	162,5	193,8	253,8	284,4	325,5	371,5	422,0	363,5	466,4	555,2
(8) Италия	244,2	254,2	299,5	353,5	373,0	417,1	500,2	541,8	406,5	446,8	523,2
(6) Франция	289,6	304,9	358,1	413,7	434,4	479,0	539,7	594,5	464,1	511,7	585,7
(12) Бельгия	190,3	215,8	255,5	307,7	335,7	366,8	431,7	471,8	370,9	407,6	475,9
(11) Мексика	158,3	160,7	164,9	187,9	214,2	249,9	271,8	291,3	229,7	298,3	349,3
(10) Великобритания	279,4	285,9	312,1	355,0	392,7	458,6	454,0	482,0	359,6	422,0	517,2
(13) Канада	261,1	252,6	272,2	317,1	360,5	388,2	419,8	455,6	315,2	386,6	450,4
(15) Сингапур	121,8	125,2	159,9	198,6	230,3	273,3	301,6	341,1	271,1	353,2	416,3
(22) Вьетнам	15,0	16,7	20,1	26,5	32,4	39,8	48,6	62,7	57,1	72,2	96,9
(17) Тайвань	122,9	130,7	143,9	174,3	189,4	223,8	245,8	254,2	203,0	274,6	307,5
(14) Россия	99,8	106,7	133,7	181,6	241,5	301,6	352,2	467,9	301,8	397,1	516,9
(20) Швейцария	82,1	91,9	104,9	123,0	130,9	147,9	172,2	200,6	172,7	195,6	234,8
(16) Испания	116,2	125,9	156,0	182,7	192,7	214,1	253,7	279,2	223,1	246,3	298,2
(18) Индия	43,8	50,1	59,3	75,9	100,4	121,2	145,9	181,9	176,3	220,4	301,5
Итого, долл.	4 537,1	4 756,8	5 510,8	6 620,4	7 389,4	8 504,6	9 761,4	10 932,0	8 757,9	10 485,3	12 302,2
Итого, %	74,05	74,05	73,62	72,75	71,45	71,13	70,81	68,46	70,94	69,46	67,80
(21) Австралия	63,3	64,9	70,3	86,5	106,0	123,3	141,2	186,9	153,9	212,1	269,4
(23) Польша	35,4	40,3	52,8	73,8	89,4	109,6	138,8	171,9	136,6	157,1	188,1
(26) Малайзия	88,0	93,3	104,9	126,6	141,6	160,7	175,9	198,7	157,2	198,8	227,0
(25) Таиланд	64,9	68,1	80,3	96,3	110,1	130,6	153,6	177,7	152,5	195,3	228,8
(27) Бразилия	58,3	60,4	73,2	96,7	118,5	137,8	160,6	197,9	153,0	201,9	256,0
Итого, долл.	309,9	327,0	381,5	479,9	565,6	662,0	770,1	933,1	753,2	965,2	1 169,3
Итого, %	5,05	5,09	5,09	5,27	5,47	5,54	5,59	5,84	6,10	6,39	6,44
Всего, %	79,10	79,14	78,71	78,02	76,92	76,67	76,40	74,30	77,04	75,85	74,24

Примечание. Составлено и подсчитано автором по статистическим данным: [11; 19; 20].

* Предварительная оценка. ** Специальный административный район (САР) Китая.

(1) Нумерация показывает место страны-экспортера в рейтинге 2019 г.

Таблица 1

2001–2020 гг. (млрд долл. США, %)

2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Рост 2020 к 2019, %	Страна-экспортер
18 396,5	18 880,9	18 852,1	16 413,4	15 932,2	17 570,1	19 324,3	18 733,8	17 308,9		Мир, всего
1,39	2,63	-0,15	-12,94	-2,93	10,28	9,98	-3,06	-7,61		Темпы роста, %
										В том числе:
2 048,7	2 209,0	2 342,3	2 281,8	2 118,9	2 271,8	2 494,2	2 498,6	2 590,6	3,68	(1) Китай
1 544,9	1 577,5	1 619,7	1 503,1	1 451,5	1 546,5	1 666,0	1 645,2	1 431,4	-13,00	(2) США
1 410,1	1 450,9	1 498,2	1 323,7	1 332,5	1 444,7	1 556,6	1 486,8	1 377,9	-7,34	(3) Германия
798,6	715,1	690,2	625,0	645,5	698,0	738,1	705,8	641,0	-9,12	(4) Япония
552,5	571,2	571,3	464,7	468,1	527,9	587,9	576,8	551,6	-4,37	(5) Нидерланды
492,9	535,2	524,1	510,5	516,6	549,8	569,1	535,7	551,5	2,95	(9) Гонконг **
547,9	559,6	573,1	526,9	495,5	573,7	605,1	542,3	512,8	-5,44	(7) Респ. Корея
501,5	518,1	529,5	457,0	461,7	507,4	549,9	537,8	496,0	-6,91	(8) Италия
558,5	568,0	569,4	495,4	490,2	523,8	569,1	555,1	475,1	-14,41	(6) Франция
446,9	511,5	472,2	397,7	398,3	430,1	468,6	446,9	419,5	-6,13	(12) Бельгия
370,7	379,9	396,9	380,8	373,9	409,5	450,9	460,7	418,1	-9,25	(11) Мексика
481,2	548,0	511,1	466,3	411,5	441,8	490,8	468,3	399,6	-14,67	(10) Великобритания
454,1	456,6	475,2	410,7	390,2	421,1	450,8	446,5	389,9	-12,67	(13) Канада
415,6	419,9	415,4	346,6	329,8	373,0	412,1	390,3	373,9	-4,20	(15) Сингапур
114,5	132,0	150,2	162,0	176,6	215,1	243,7	264,6	348,0*	31,52	(22) Вьетнам
300,9	304,5	313,1	279,9	279,0	315,7	334,2	329,5	346,6	5,19	(17) Тайвань
524,8	527,3	497,8	333,5	285,4	357,0	449,4	422,8	337,1	-20,27	(14) Россия
312,2	357,9	311,2	290,4	302,9	299,5	310,7	314,2	318,9	1,50	(20) Швейцария
285,9	310,9	318,6	276,9	283,8	311,6	346,1	337,2	312,1	-7,44	(16) Испания
289,6	336,6	317,6	263,8	260,9	295,9	323,9	323,3	275,5	-14,79	(18) Индия
12 452,0	13 229,0	13 289,9	11 935,2	11 591,3	12 612,3	13 694,5	13 339,7	12 567,1		Итого, долл.
67,69	70,07	70,50	72,72	72,75	71,78	70,87	71,21	72,60		Итого, %
262,7	256,7	252,7	191,3	189,4	229,7	254,5	272,6	254,5	-6,64	(21) Австралия
179,6	203,8	214,5	194,5	196,5	221,3	261,8	251,9	254,2	0,91	(23) Польша
227,5	228,3	234,1	200,9	189,9	217,7	247,5	238,2	233,6	-1,93	(26) Малайзия
229,5	228,5	227,6	211,2	213,6	235,9	249,9	245,3	229,3	-6,52	(25) Таиланд
242,6	242,0	225,1	191,1	185,2	217,7	239,9	224,0	209,2	-6,61	(27) Бразилия
1 141,9	1 159,3	1 154,0	989,0	974,6	1 122,3	1 253,6	1 232,0	1 180,8		Итого, долл.
6,21	6,14	6,12	6,03	6,12	6,39	6,49	6,58	6,82		Итого, %
73,90	76,21	76,62	78,75	78,87	78,17	77,36	77,79	79,42		Всего, %

Динамика мирового товарного импорта,

Страна-импортер	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Мир, всего	6 295,7	6 600,7	7 700,4	9 393,2	10 609,9	12 260,2	14 098,8	16 338,5	12 621,7	15 321,5	18 354,9
Темпы роста, %	-3,92	4,84	16,66	21,98	12,95	15,55	15,00	15,89	-22,75	21,39	19,80
В том числе:											
(1) США	1 140,9	1 200,1	1 302,8	1 525,3	1 734,8	1 918,9	2 017,1	2 164,8	1 601,9	1 968,3	2 263,6
(2) Китай	243,6	295,2	412,8	561,2	659,9	791,5	956,1	1 132,6	1 005,5	1 396,0	1 743,4
(3) Германия	486,0	490,5	601,7	718,1	779,8	922,2	1 059,3	1 192,6	928,9	1 060,7	1 261,6
(4) Япония	349,3	337,6	383,5	455,3	515,9	579,1	622,2	762,5	551,9	694,1	855,4
(5) Великобритания	358,7	372,1	425,4	502,9	528,5	614,8	679,9	705,3	552,0	627,6	717,6
(7) Гонконг **	202,0	208,0	233,2	273,0	300,2	335,8	370,1	393,0	352,2	441,4	510,9
(6) Франция	293,9	303,8	362,5	434,2	475,9	529,9	611,4	695,0	540,5	599,2	713,7
(8) Нидерланды	195,6	194,1	234,0	284,0	310,6	358,5	421,4	494,9	382,2	440,0	492,8
(9) Респ. Корея	141,1	152,1	178,8	224,5	261,2	309,4	356,8	435,3	323,1	425,2	524,4
(11) Италия	236,1	246,6	297,4	355,3	384,8	442,6	511,8	561,0	414,8	487,0	558,8
(13) Канада	221,6	222,4	240,4	273,9	314,4	350,3	380,6	408,8	321,2	392,1	450,6
(14) Бельгия	178,7	198,1	234,9	286,5	319,1	353,1	413,0	466,3	354,6	391,3	466,3
(12) Мексика	168,4	168,7	170,5	196,8	221,8	256,1	281,9	308,6	234,4	301,5	350,8
(10) Индия	50,7	57,5	72,4	99,0	140,9	178,2	218,6	315,7	266,4	350,0	462,4
(15) Испания	154,9	165,9	208,5	259,3	289,6	330,0	391,2	418,7	287,5	315,5	362,8
(16) Сингапур	116,0	116,4	136,3	173,6	200,7	240,0	264,8	323,0	247,2	313,1	372,6
(18) Швейцария	84,1	87,3	100,4	116,0	126,6	141,4	161,3	183,5	155,6	176,3	208,2
(17) Тайвань	107,2	112,9	127,4	168,6	182,0	203,0	219,3	239,6	174,3	252,1	281,8
(20) Вьетнам	16,2	19,7	25,3	32,0	36,8	44,9	62,8	80,7	70,0	84,8	106,7
(21) Польша	49,4	54,3	67,1	88,2	101,5	125,6	164,2	210,5	149,6	174,1	209,2
(22) Россия	41,8	46,2	57,3	75,6	98,7	137,8	199,7	267,1	170,8	228,9	306,1
Итого, долл.	4 836,2	5 049,5	5 872,6	7 103,3	7 983,7	9 163,1	10 363,5	11 759,5	9 084,6	11 119,2	13 219,7
Итого, %	76,82	76,50	76,26	75,62	75,25	74,74	73,51	71,97	71,98	72,57	72,02
(25) Турция	41,4	51,3	69,3	97,5	116,8	139,6	170,1	201,9	140,9	185,5	240,8
(23) Таиланд	62,0	64,6	75,8	94,4	118,2	128,6	143,8	180,4	133,8	182,4	228,5
(24) Австралия	64,3	73,0	89,1	109,5	125,2	139,4	165,5	200,6	165,6	201,7	234,2
(26) Малайзия	73,8	86,1	83,6	105,1	114,3	131,1	146,1	155,7	123,6	164,6	187,6
Итого, долл.	241,5	275,0	317,8	406,5	474,5	538,7	625,5	738,6	563,9	734,2	891,1
Итого, %	3,84	4,17	4,13	4,33	4,47	4,39	4,44	4,52	4,47	4,79	4,85
Всего, %	80,66	80,67	80,39	79,95	79,72	79,13	77,95	76,49	76,45	77,36	76,87

Примечание. Составлено и подсчитано автором по статистическим данным: [11; 19; 20].

*Предварительная оценка. **Специальный административный район (САР) Китая.

(1) Нумерация показывает место страны-импортера в рейтинге 2019 г.

Таблица 2

2001–2020 гг. (млрд долл. США, %)

2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Рост 2020 к 2019, %	Страна-импортер
18 500,8	18 886,5	18 897,8	16 561,8	16 076,4	17 795,3	19 690,6	19 112,3	17 536,5		Мир, всего
0,79	2,08	0,61	-12,36	-2,93	10,69	10,65	-2,94	-8,25		Темпы роста, %
										В том числе:
2 334,7	2 326,6	2 410,8	2 315,3	2 249,1	2 406,4	2 612,4	2 568,4	2 407,6	-6,26	(1) США
1 818,2	1 949,9	1 959,2	1 681,7	1 588,7	1 840,9	2 134,9	2 068,9	2 055,6	-0,64	(2) Китай
1 161,3	1 187,3	1 214,9	1 053,4	1 056,7	1 164,6	1 286,0	1 236,2	1 171,6	-5,23	(3) Германия
886,0	833,2	812,2	648,4	608,1	672,1	749,1	721,0	634,7	-11,97	(4) Япония
689,1	657,2	694,3	630,3	636,4	640,9	671,7	692,5	631,2	-8,85	(5) Великобритания
553,5	621,4	600,6	559,3	547,1	589,3	627,3	578,6	573,1	-0,95	(7) Гонконг **
666,7	671,3	667,6	563,2	559,3	609,1	660,2	637,9	568,3	-10,91	(6) Франция
500,6	506,2	508,0	412,6	408,1	461,9	521,0	514,9	482,8	-6,23	(8) Нидерланды
519,6	515,6	525,6	436,5	406,1	478,4	535,2	503,3	467,5	-7,11	(9) Респ. Корея
489,1	479,3	474,1	410,9	406,7	453,6	503,6	474,9	422,7	-10,99	(11) Италия
462,4	461,8	463,1	420,2	402,6	432,9	460,1	453,2	404,3	-10,79	(13) Канада
437,9	488,5	452,8	371,0	379,4	409,5	455,1	427,7	395,9	-7,44	(14) Бельгия
370,8	381,2	400,0	395,2	387,1	420,4	464,3	455,3	383,3	-15,81	(12) Мексика
489,0	466,0	459,4	390,8	356,7	443,9	509,3	478,9	367,9	-23,18	(10) Индия
325,8	332,3	351,0	304,7	302,9	341,4	391,1	375,5	329,7	-12,20	(15) Испания
385,8	388,0	377,9	296,8	283,0	327,5	370,9	359,0	328,8	-8,41	(16) Сингапур
295,1	321,1	275,1	253,5	270,1	269,7	279,2	277,2	291,0	5,00	(18) Швейцария
271,5	270,1	273,6	228,4	229,1	257,5	285,1	285,9	287,2	0,45	(17) Тайвань
113,8	132,0	147,8	165,8	175,0	213,2	236,9	253,4	280,3*	10,62	(20) Вьетнам
191,4	205,6	216,7	189,7	188,5	218,0	267,7	246,7	254,7	3,24	(21) Польша
316,2	314,9	286,6	177,3	182,3	227,0	238,1	243,8	231,7	-4,96	(22) Россия
13 278,5	13 509,5	13 571,3	11 905,0	11 623,0	12 878,2	14 259,2	13 853,2	12 969,9		Итого, долл.
71,77	71,53	71,81	71,88	72,30	72,37	72,42	72,48	73,96		Итого, %
236,5	251,7	242,2	207,2	198,6	233,8	223,0	210,3	219,5	4,37	(25) Турция
247,6	250,7	227,9	202,1	195,7	225,0	251,1	240,1	208,6	-13,12	(23) Таиланд
251,2	234,1	228,9	201,2	189,2	221,1	227,7	214,3	202,3	-5,60	(24) Австралия
196,2	205,8	208,8	176,6	168,8	195,1	217,6	205,0	189,6	-7,51	(26) Малайзия
931,5	942,3	907,8	787,1	752,3	875,0	919,4	869,7	820,0		Итого, долл.
5,03	4,99	4,80	4,75	4,68	4,92	4,67	4,55	4,67		Итого, %
76,80	76,52	76,61	76,63	76,98	77,29	77,09	77,03	78,63		Всего, %

Следует обратить внимание также на то, что с 2012 г. в международном товарном вывозе сформировалась современная иерархия среди крупнейших экспортеров: за возглавляющим ее Китаем следуют США и Германия, причем все обладают ежегодными стоимостными показателями свыше 1 трлн долл. США. Япония остается на 4-м месте, с объемами экспорта примерно в 2,15 раза ниже, чем в Германии — третьей по стоимости товарного вывоза.

Ситуация с прочими странами — участниками группы лидеров — сложилась так, что страновой состав ее оказывался в основном стабильным (исключая Вьетнам и ОАЭ). При этом ряд стран и САР Китая Гонконг смогли существенно нарастить за два десятилетия экспортные показатели и повысить свои места в общемировом рейтинге. Рекордсменами выступили Индия (рост стоимости ее вывоза составил 6,3 раза), Швейцария (3,9 раза), Россия и РК (3,4 раза), Нидерланды и Сингапур (примерно 3,1 раза), Гонконг (2,9 раза) — по расчетам автора. Остальные ведущие экспортеры мира продемонстрировали более скромные результаты: вывоз по стоимости увеличился за 20 лет примерно в 1,5—2,6 раза, что оказалось ниже мирового показателя (2,8 раза).

В итоге, пятерку крупнейших стран по стоимостным объемам экспорта замыкают Нидерланды, далее следуют Гонконг, Республика Корея, Италия, Франция, Бельгия. Причем Нидерланды поднялись за два десятилетия с 9-го на 5-е место, САР Китая Гонконг — с 10-го на 6-е, РК — с 13-го на 7-е, а Бельгия — с 11-го на 10-е. Среди «отступивших» стран — Франция, перешла с 4-го на 9-е место, а также Великобритания — с 5-го на 12-е место в мировом рейтинге. Но следует учитывать, что некоторые экспортеры заметно сократили свой вывоз на фоне распространения в 2020 г. вирусной инфекции. Вполне очевидно, это несколько изменило реальное соотношение сил в сфере международного товарного вывоза, так как потери

Великобритании за год составили свыше 68 млрд долл. США (а в 2019 г. страна находилась на десятой позиции в рейтинге).

Среди ведущих экспортеров, занимающих в данном списке места с 11-го по 20-е, можно выделить прогрессирующие — Индию, Сингапур, Вьетнам, Тайвань, Россию, Швейцарию. Однако распространение коронавирусной инфекции оказало заметно негативное воздействие на поступательное расширение их товарного вывоза. Поэтому немного повысить свои позиции в рейтинге смогли только Вьетнам, Тайвань, Сингапур и Швейцария, остались на прежнем месте — Мексика и Канада, а Великобритания, Россия, Испания и Индия переместились вниз, несмотря на все прежние достижения. Помимо кризисных процессов 2020 г. на позицию Российской Федерации в международном экспорте отрицательно повлияло продолжение санкционного давления на нее со стороны ряда западных стран [1; 5; 6; 8].

Наконец, в состав лидирующей группы стран по стоимости вывоза входят остро конкурирующие Австралия и Польша, Малайзия и Таиланд, а также Бразилия. Несколько уступая по ряду показателей во внешней торговле Индии, эти страны смогли в непростой ситуации 2020 г. сохранить свои прежние позиции (Австралия), или повысить их (Польша, Малайзия, Таиланд). На смену ОАЭ в эту подгруппу вошла Бразилия, за год она поднялась с 27-го на 25-е место в мировом рейтинге. Этому способствовала значительная по масштабам экспортная экспансия пяти стран: за 20 лет Австралия повысила стоимостные параметры товарного экспорта в 4,0 раза, Польша — в 7,2 раза, Малайзия — в 2,7 раза, Таиланд — в 3,5 раза, Бразилия — в 3,6 раза. Кроме того, снижение объемов вывоза по стоимости оказалось менее глубоким, если сравнить с мировым показателем, а Польше удалось нарастить свой товарный экспорт в 2020 г. до 254,2 млрд долл. США.

Важно отметить, что среди 25 стран — лидеров в сфере международного товарного

вывоза — только шесть экспортеров в 2020 г. смогли повысить свои стоимостные показатели. Первенствовал, по подсчетам автора, Вьетнам, с ростом экспорта на 31,5 % (!), далее следовали Тайвань (5,2 %), Китай (3,7 %), САР Гонконг (3,0 %), Швейцария (1,5 %) и Польша (почти на 1,0 %).

Следует иметь в виду и то, что в составе данной группы находилось семь (включая Великобританию, восемь) стран-членов крупнейшего интеграционного объединения — Европейского Союза, который являлся ведущим экспортером товаров в современном мировом хозяйстве. За период 2001—2020 гг. на фоне неоднократных расширений совокупный товарный вывоз ЕС возрос с 2,43 трлн долл. США до 5,69 трлн долл. США, т. е. в 2,3 раза. Долевой вклад Союза в международный экспорт по стоимости за два десятилетия понизился с 39,6 % до 32,9 %, но перипетии ряда прошедших лет не помешали его росту на 0,2 п. п. Таким образом, до 1/3 всех стран-участниц лидирующей группы представлены государствами-членами Европейского Союза, что позволяет ЕС сохранять первенствующие позиции в системе современной торговли.

На протяжении рассматриваемых 20 лет сдвиги в сфере *международного товарного импорта* соответствовали трендам в экспорте, но лидерство в нем среди группировок остается за Европейским Союзом, среди стран — за США. На долю ЕС приходилась часть мирового объема закупок товаров, которая снизилась с 38,8 % до 32,1 %, при сохранении активного внешнеторгового баланса, а удельный вес США демонстрировал также сокращение с 18,1 % до 13,7 % на фоне заметного отрицательного сальдо баланса внешней торговли. Но другие лидеры в системе импорта товаров (Китай, Германия) зачастую сводили активные балансы, как и Япония, находящаяся на четвертой позиции в 2020 г. При этом замыкающая пятерку ведущих импортеров Великобритания показывала традиционно значительное по размеру

отрицательное сальдо, которое имело тренд к росту в 2018—2020 гг. (расчеты по данным табл. 2).

Сопоставление статистических данных по динамике положительного сальдо внешне-торгового баланса других крупнейших импортеров мира дает возможность выделить имеющих наибольшие его размеры. К ним относятся (по убыванию) Россия, Италия, Нидерланды, Вьетнам, Тайвань, Австралия, Республика Корея, Сингапур, Малайзия, Мексика, Швейцария, Бельгия, а также Таиланд. Вместе с тем Канада, Франция и Индия показывали отрицательное сальдо. Таким образом, подавляющее число стран — лидеров по закупкам товаров — стремились к сохранению активного внешнеторгового баланса в плане поддержания поступательного экономического развития.

При подведении итогов проведенного анализа можно констатировать, прежде всего, что международный товарооборот за два десятилетия столкнулся с новыми трудностями и вызовами, к преодолению которых многие страны-лидеры оказались слабо подготовленными. Неурядицы в сфере социально-экономической дополнились прочими потрясениями, усилением сепаратизма, протекционизма в международной торговле в обход правил ВТО. Все это предопределило формирование синусоидного тренда в динамике глобального товарного обмена. При сохранении лидирующего положения группы стран в мировой торговле неоднократно отмечалась перестановка сил среди 25 ее ведущих субъектов. Негативные тренды обусловили снижение позиций тех, которые подвергались санкционному давлению (страны Восточной Европы, включая РФ), хотя и принимались ответные контрмеры. Однако последние прогнозы экспертов Международного валютного фонда (см.: [14; 15; 16]) предполагают выравнивание общей ситуации: потенциал роста мирового экспорта в 2021 г. — на уровне 7,9 %, в 2022 г. — на уровне 6,4 %. На фоне повсеместного

противодействия коронавирусной инфекции появились надежды на появление перспектив в решении многих непростых, но актуальных проблем в системе современной международной товарной торговли.

Литература

1. **Гладков И.С.** Внешняя торговля Европейского Союза: новые тренды в условиях глобальной неопределенности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2020. № 3 (27). С. 14—23.
2. **Гладков И.С.** Международная торговля на фоне замедления мировой экономики // Международная экономика. 2019. № 12. С. 44—50.
3. **Гладков И.С.** Международная товарная торговля 2001-2015: тренды и провалы 2015 г. // Власть. 2016. Т. 24, № 6. С. 92—100.
4. **Гладков И.С.** Международная товарная торговля в 2001—2013 гг.: тренды в группе лидеров // Власть. 2014. № 5. С. 15—18.
5. **Гладков И.С.** Меняющаяся конфигурация международной торговли: роль ЕС // Международная экономика. 2019. № 10. С. 18—37.
6. **Гладков И.С.** Внешняя торговля Европейского Союза в зеркале международной статистики // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 3 (23). С. 22—29.
7. **Гладков И.С.** Внешняя торговля Европейского Союза 2018: presto с тюльпанами // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 161—166.
8. **Гладков И.С.** Внешняя торговля России в 2018 г.: подъем продолжается // Международная торговля и торговая политика. 2019. № 1 (17). С. 60—71.
9. **Гладков И.С.** Внешняя торговля ЕС — РФ: современная динамика // Журнал экономических исследований. 2018. Т. 4, № 3. С. 1—8.
10. **Гладков И.С.** Внешняя торговля Европейского Союза: тренды 2001-2014 годов // Международная экономика. 2015. № 11—12. С. 37—50.
11. ЮНКТАД: Официальный сайт [Электронный ресурс] / ЮНКТАД — 1995—2020. Электрон. дан. Режим доступа: <https://unctad.org/> (дата обращения 01.06.2021).
12. URL: <http://www.worldstopexports.com/worlds-top-export-countries/> (дата обращения 01.06.2021).
13. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/home?> (дата обращения 01.06.2021).
14. WEO: A Long and Difficult Ascent. October 2020. Washington, DC, IMF. 182 p.
15. WEO Update, January 2021: Policy Support and Vaccines Expected to Lift Activity. January 20, 2021.
16. WEO: Managing Divergent Recoveries. April 2021. Washington, DC. IMF. 2021. 170 p.
17. WTO forecasts: trade shows signs of rebound from COVID-19, recovery still uncertain// https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr862_e.htm (дата обращения 01.06.2021).
18. World Bank. 2020. World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains. Washington, DC: World Bank. — 267 p.
19. World's Top Export Countries [Electronic resource] // Genesis Framework. URL: <http://www.worldstopexports.com/worlds-top-export-countries> (дата обращения 06.06.2021).
20. Annual International Trade Statistics by Country (HS02) [Electronic resource] // Trendeconomy.com: data warehouse. Режим доступа: <https://trendeconomy.com/> (дата обращения 06.06.2021).

Поступила 07.06.2021

Гладков Игорь Сергеевич — доктор экономических наук, профессор; главный научный сотрудник, руководитель Центра международной торговли, Российская академия наук (РАН) (125009, Москва, Никитский переулок, д. 2), professororgis@rambler.ru

References

1. Gladkov I.S. Vneshnjaja trgovlja Evropejskogo Sojuza: novye trendy v uslovijah global'noj neopredelennosti // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. 2020. № 3 (27). S. 14—23.
2. Gladkov I.S. Mezhdunarodnaja trgovlja na fone zamedlenija mirovoj jekonomiki // Mezhdunarodnaja jekonomika. 2019. № 12. S. 44—50.

3. Gladkov I.S. Mezhdunarodnaja tovarnaja trgovlja 2001-2015: trendy i provaly 2015 g. // *Vlast'*. 2016. T. 24, № 6. S. 92—100.
4. Gladkov I.S. Mezhdunarodnaja tovarnaja trgovlja v 2001—2013 gg.: trendy v gruppe liderov // *Vlast'*. 2014. № 5. S. 15—18.
5. Gladkov I.S. Menjajushhajasja konfiguracija mezhdunarodnoj trgovli: rol' ES // *Mezhdunarodnaja jekonomika*. 2019. № 10. S. 18—37.
6. Gladkov I.S. Vneshnjaja trgovlja Evropejskogo Sojuza v zerkale mezhdunarodnoj statistiki // *Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija*. 2019. № 3 (23). S. 22—29.
7. Gladkov I.S. Vneshnjaja trgovlja Evropejskogo Sojuza 2018: presto s tjul'panami // *Vlast'*. 2019. T. 27. № 3. S. 161—166.
8. Gladkov I.S. Vneshnjaja trgovlja Rossii v 2018 g.: pod#em prodolzhaetsja // *Mezhdunarodnaja trgovlja i trgovaja politika*. 2019. № 1 (17). S. 60—71.
9. Gladkov I.S. Vneshnjaja trgovlja ES — RF: sovremennaja dinamika // *Zhurnal jekonomicheskikh issledovanij*. 2018. T. 4, № 3. S. 1—8.
10. Gladkov I.S. Vneshnjaja trgovlja Evropejskogo Sojuza: trendy 2001-2014 godov // *Mezhdunarodnaja jekonomika*. 2015. № 11—12. S. 37—50.
11. JuNKTAD: Oficial'nyj sajt [Elektronnyj resurs] / JuNKTAD — 1995—2020. Elektron. dan. Rezhim dostupa: <https://unctad.org/> (data obrashhenija 01.06.2021).
12. URL: <http://www.worldstopexports.com/worlds-top-export-countries/> (data obrashhenija 01.06.2021).
13. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/home?> (data obrashhenija 01.06.2021).
14. WEO: A Long and Difficult Ascent. October 2020. Washington, DC, IMF. 182 p.
15. WEO Update, January 2021: Policy Support and Vaccines Expected to Lift Activity. January 20, 2021.
16. WEO: Managing Divergent Recoveries. April 2021. Washington, DC. IMF. 2021. 170 p.
17. WTO forecasts: trade shows signs of rebound from COVID-19, recovery still uncertain// https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr862_e.htm (data obrashhenija 01.06.2021).
18. World Bank. 2020. World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains. Washington, DC: World Bank. — 267 p.
19. World's Top Export Countries [Electronic resource] // Genesis Framework. URL: <http://www.worldstopexports.com/worlds-top-export-countries> (data obrashhenija 06.06.2021).
20. Annual International Trade Statistics by Country (HS02) [Electronic resource] // Trendeconomy.com: data warehouse. Rezhim dostupa: <https://trendeconomy.com/> (data obrashhenija 06.06.2021).

Submitted 07.06.2021

Gladkov Igor S., Dr. Sci. (World Econ.), Full Professor; Senior Researcher, Head of the Center for International trade, the Russian Academy of Sciences (2 Nikitskiy Lane, Moscow, Russia, 125009), professorgis@rambler.ru

Человеческий капитал проектной команды в условиях Agile-трансформации бизнеса

¹Я.Г. Прима, ¹Н.С. Свечников, ¹М. Аганиязова

¹Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

post.prima@yandex.ru

Статья посвящена исследованиям гибких практик управления, включая Scrum. Подробно рассмотрено их распространение, эффекты от их использования компаниями в условиях Agile-трансформации бизнеса в России и за рубежом. Выявлены факторы, влияющие на эффективность использования человеческого капитала самоорганизующихся команд. Проведен анализ основных моделей оценки человеческого капитала с позиции их применимости для Scrum-команд.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, человеческий капитал, управление проектами, гибкие практики управления, Agile, Scrum, производительность команды, масштабирование, SAFe, Agile-трансформация, OKR, модели оценки, VersionOne, Standish Group.

Human capital of the project team in the context of Agile business transformation

¹Ya.G. Prima, ¹N.S. Svechnikov, ¹M. Aganiyazova

¹National Research University of Electronic Technology

post.prima@yandex.ru

The article is devoted to research on agile management practices, including Scrum. Their distribution and the effects of their use by companies under conditions of Agile business transformation in Russia and abroad are considered in detail. The factors influencing the efficiency of using human capital of self-organizing teams were revealed. The main models of human capital assessment from the position of their applicability to Scrum teams were analyzed.

Keywords: intellectual capital, human capital, project management, agile management practices, Agile, Scrum, team productivity, scaling, SAFe, Agile transformation, OKR, evaluation models, VersionOne, Standish Group.

Вопросы повышения производительности труда и проблемы управления интеллектуальным капиталом остаются сегодня объ-

ектом особого внимания специалистов, поскольку полноценное использование человеческого капитала оказывает значительное

влияние на эффективность экономики и менеджмента в масштабах компании и государства. Научная школа Национального исследовательского университета «МИЭТ» объединяет и уточняет существующие подходы к структуризации интеллектуального капитала с учетом специфики законодательства и рассматривает интеллектуальный капитал как сочетание человеческого капитала и интеллектуальных активов (включающих интеллектуальную собственность) в рамках конкретного предприятия: «Целью управления интеллектуальным капиталом предприятия является достижение максимального результата от использования ИК при минимизации затрат на него, возникающих в процессе деятельности предприятия, а также при условии обеспечения развития и преумножения человеческого капитала». Согласно определению, данному в учебном пособии, «человеческий капитал — это индивидуальные интеллектуальные способности, профессиональные знания и опыт (в том числе уровень образования и квалификации), уровень творческой активности и прочие характеристики процесса интеллектуальной деятельности как конкретных сотрудников, так и коллективов сотрудников данного предприятия <...> в этой части интеллектуальный капитал полностью не принадлежит предприятию, а выступает аналогом заемного капитала» [1, с. 33].

В целях повышения эффективности деятельности и конкурентоспособности современные компании все больше обращаются к бережливому (Lean) и гибким (Agile) практикам управления бизнесом, к проектам создания и вывода продуктов на рынок в тех сферах деятельности, где это возможно. Повышение эффективности использования человеческого капитала индивида и коллектива в целом требует: внимательного отношения к идеям самоорганизации и эволюционного перехода к так называемым бирюзовым принципам управления; осознания важности управления знаниями, организационного обуче-

ния, готовности к экспериментам, что способствует развитию внутреннего предпринимательства. Достижение этих требований в совокупности дает эффект синергии.

Гибкие практики управления получают все большее распространение в мире, о чем свидетельствуют результаты многочисленных исследований международных и российских консалтинговых компаний и профессиональных ассоциаций. Например, по данным ежегодного исследования компании VersionOne [2], в 2019 г. использование гибких практик не ограничивалось разработкой программного обеспечения и ИТ (36 % и 27 % соответственно). В 12 % случаев компании имели опыт адаптации к применению принципов гибкого управления в текущих операциях (12 %), маркетинге (7 %), продажах (6 %) и управлении персоналом (5 %). Среди основных мотивов перехода к практикам Agile респонденты отметили следующие:

- ускорить поставки готового программного обеспечения;
- расширить возможности управления приоритетами в условиях изменения;
- увеличить продуктивность команд, наладить взаимодействие бизнеса и ИТ,
- повысить качество разработки и снизить риски.

В целом ожидания специалистов подтверждаются, поскольку в результате внедрения гибких практик развивается способность управлять динамикой приоритетов, обеспечивается прозрачность проектов, изменяется моральный настрой команды и, как следствие, ее продуктивность, снижается рискованная нагрузка, а благодаря взаимодействию бизнеса с ИТ увеличивается скорость поставки готовых продуктов на рынок. Эти эффекты занимают лидирующие позиции.

Самой распространенной техникой по-прежнему остается Scrum (58 %), далее следуют по популярности комбинированные подходы ScrumBan, Scrum/XP, Kanban и др., в 2019 г. возрастает популярность методологии масштабирования SAFe. При этом только

15 % специалистов полагают Agile сформированной и целостной культурой. Вместе с тем 85 % отмечают потребность (разной степени) в развитии корпоративных компетенций в данной сфере. Кроме того, при масштабировании Agile выделяются значимые барьеры: сопротивление изменениям, недостаточная вовлеченность руководства, непоследовательность в использовании гибких техник в командах, несоответствие организационной культуры ценностям Agile.

Компания The Standish Group на протяжении многих лет занимается исследованием факторов, влияющих на успешность ИТ-проектов. По данным 2011—2018 гг., динамика успешности средних и малых проектов в целом положительная. [3] Обратим внимание на различие в подходах к реализации этих проектов в 2019 г.: число успешных проектов, реализованных в рамках Agile-подходов, вдвое превышает данный показатель для проектов, управляемых Waterfall. The Standish Group отмечает следующие факторы успеха: вовлеченность заказчика, понимание высшим руководством заказчика целей бизнеса, контроль требований и границ проекта, сокращение времени и управленческих затрат на принятие решений по проекту.

Тенденции распространения практик Agile в России в целом коррелируют с мировыми. Исследование, проведенное в 2019—2020 гг. компанией ScrumTrek при участии Project Management Institute [4], показывает распространение Agile в различных сферах бизнеса (в промышленности, торговле, финансах, энергетике, консалтинге и др.) и зрелость Agile-процессов. Среди положительных результатов Agile-трансформации главными, так же как и в международном исследовании VersionOne, названы: способность управлять динамикой приоритетов; прозрачность ведения проектов; высокая скорость поставки (объем ценности, предоставляемой клиенту в единицу времени). Рост скорости поставки продуктов на рынок отметили от 56 % до 80 % респондентов в за-

висимости от того, на каком этапе зрелости Agile-подходов находится компания. При этом компании готовы к отсутствию динамики прибыльности продуктов на этапе становления в пользу дальнейших результатов. Эффекты от внедрения Scrum заметны в работе и владельцев продуктов (Product Owner), и топ-менеджеров. Добавим, что среди подходов к масштабированию увеличением популярности отличается SAFe, что аналогично мировой тенденции.

Для достижения положительных результатов от использования Scrum необходимы определенные условия, а именно: развитая культура экспериментов при их невысокой стоимости, соблюдение правил, корректное распределение ролей в команде, широкие полномочия команды, ответственность и полномочия владельца продукта (Product Owner), внутренняя мотивация исполнителей, непрерывное обучение и ряд других условий, в том числе связанных с развитием человеческого капитала компании.

В сфере Agile-трансформации бизнеса и масштабирования гибких практик специалисты отмечают естественный переход междунароных и российских компаний от использования системы Key Performance Indicator (KPI) к внедрению подхода Objectives and Key Results (OKR), получившего развитие в 1970—80-х гг. В связи с этим представляет интерес оценка эффективности использования человеческого капитала в гибких практиках управления — для компании в целом и для отдельных команд. Объектом оценки может быть индивидуальный человеческий капитал (модели Мичиганского университета, Г. Беккера — Б. Чисуик, М. Фридмана и Т. Витстейна), корпоративный человеческий капитал (модели В. Царёва — А. Евстратова; В. Алавердяна; А. Пулика — М. Сухих, Е. Вайсман; Я. Фитценца), человеческий капитал государства (модель И. Гурбан — А. Мызиной). Рассмотрим возможности их применения к оценке человеческого капитала Scrum-команд.

Суть модели Мичиганского университета заключается в оценке потенциальной выгоды, которую принесет работник, где стоимость человеческого капитала — это стоимость товаров и услуг, произведенных конкретным работником. В данной модели важен вероятностный характер результатов, поскольку ожидаемая условная стоимость продукции, произведенной работником в промежуток времени, умножается на показатель вероятности дальнейшей работы в компании. Таким образом, модель учитывает не только потенциал работника, но и его лояльность и удовлетворенность трудом, что выражается в вероятностной оценке продолжительности работы в компании [5].

Модель Мичиганского университета подходит для оценки человеческого капитала Scrum-команды, поскольку отражает вклад каждого работника в обеспечение функциональности продукта, а также удовлетворенность рабочим процессом, что соответствует принципам Agile.

Можно предположить, что данная модель применима и для оценки человеческого капитала компании в целом посредством суммирования результатов расчета по отдельным командам и работникам.

По модели Г. Беккера — Б. Чисуик оценка стоимости человеческого капитала индивида осуществляется посредством исчисления заработка работника после того, как было завершено инвестирование в человеческий капитал. Доходы от человеческого капитала (способностей и навыков работника) до инвестирования суммируются с доходами от человеческого капитала после обучения, повышения квалификации работника [5].

Определенным сходством с предыдущей моделью обладает модель М. Фридмана. Ее суть заключается в представлении человеческого капитала индивида в качестве фонда, приносящего перманентный доход, равный средневзвешенной величине ожидаемых будущих поступлений [5].

Модель Т. Витстейна объединяет подходы Фарра и Энгеля. Подход Фарра — это оценка человеческого капитала посредством исчисления предполагаемых будущих чистых заработков индивида, определяется разность между заработком индивида в конкретном временном периоде и затратами на жизнь с поправкой на коэффициент смертности. Подход Энгеля учитывает затраты на становление человека как личности — воспитание, образование и др., — исходя из предположения, что величина заработка за время жизни индивидуума равна сумме затрат на его содержание и образование. Данная модель часто используется для определения суммы страхования жизни [5].

Отметим, что модели Беккера-Чисуик, Фридмана и Витстейна не подходят для оценки человеческого капитала Scrum-команды, так как в их основе отсутствует связь дохода индивида с его вкладом в создаваемую компанией ценность.

В модели В. Царёва — А. Евстратова человеческий капитал компании представляет собой сумму кадровых потенциалов ее работников. Кадровый потенциал работника рассчитывается как дисконтированная стоимость. Суммируются расходы на обучение, повышение квалификации работника и доля валовой прибыли, созданной специалистом, которая свидетельствует о полезности работника [6].

Расходы на получение профессионального образования более стабильны и предсказуемы, чем доходы Scrum-команды, поэтому данную модель можно использовать для оценки человеческого капитала одного работника. Однако нельзя измерить для команды эффективность использования человеческого капитала при создании ценности, поскольку отсутствует показатель вклада одного специалиста в разработку продукта.

Вместе с тем этот показатель рассчитывается в модели В. Алавердяна, где человеческий капитал компании представляет собой совокупную оценочную стоимость человеческого

капитала всех работников. При этом оценочную стоимость человеческого капитала работника составляет расчетная величина, равная произведению выплачиваемой заработной платы на гудвилл кадрового потенциала (коэффициент рыночной стоимости работника, зависит от способности специалиста решать конкретные задачи и выполнять определенные функции) [7].

В модели А. Пулика — М. Сухих, Е. Вайсман человеческий капитал компании представляет собой отношение добавленной стоимости компании за период к объему инвестиций в работников. Таким образом, в данной модели отображается экономическая эффективность инвестиций компании в человеческий капитал [8].

Модель Пулика — Сухих, Вайсман подходит для оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал Scrum-команды с учетом создаваемой стоимости. Модель Алавердяна позволяет рассчитать эффективность работы Scrum-команды через соотношение прибыли компании и номинального фонда рабочего времени, а также учитывает такие факторы, как возраст, стаж работы и образование.

Модель Я. Фитценца представляет человеческий капитал как соотношение прибыли от человеческого капитала и эквивалента полной занятости [5; 9].

Оценить эффективность использования человеческого капитала для участников Scrum-команды с помощью данной модели не представляется возможным, так как она учитывает использование трудовых ресурсов в целом, не включая потенциала конкретного работника.

Мы не рассматриваем модель И. Гурбан — А. Мызиной, поскольку она предназначена для оценки человеческого капитала региона или государства: классифицирует регионы (с учетом постоянного населения) по 45-ти индикаторам человеческого капитала [10].

Подведем итог. Для оценки человеческого капитала Scrum-команды могут быть

использованы: модель Мичиганского университета, модель А. Пулика — М. Сухих, Е. Вайсман и модель В. Алавердяна, так как эти модели учитывают связь вложений в развитие человеческого капитала с создаваемой стоимостью и позволяют оценить эффективность использования человеческого капитала согласно уровню образования, стажу работы и другим факторам.

В целях реализации всего потенциала Scrum-команд при масштабировании гибких техник управления проектами и продуктами компании необходимо учитывать ряд особенностей человеческого капитала, которые влияют на эффективность его использования.

Неотделимость человеческого капитала от его носителя требует максимальной вовлеченности в проект всех участников команды.

Зависимость человеческого капитала от периода трудоспособности работника обуславливает распределение во времени действий, связанных с реализацией проектов: вовлечение персонала, планирование состава постоянных команд и его обновление, — что необходимо для повышения эффективности реализации.

Зависимость человеческого капитала от постоянных инвестиций определяется важностью управления знаниями в компании, необходимостью развития навыков работников на регулярной основе за счет обучения и коучинга проектных команд, особенно на этапе активной фазы Agile-трансформации и наставничества. Такое взаимодействие команд дает *эффект синергии*, который также является особенностью человеческого капитала.

Непринадлежность компании означает, что человеческий капитал работника приносит доход компании только в период его трудовой деятельности и в рамках рабочего времени. Поэтому необходимо поддерживать эффективность системы мотивации и лояльность участников команды.

Высокая степень неопределенности и риска свидетельствует о том, что сложно или невозможно предсказать изменение эффективности использования человеческого капитала под влиянием внешних и внутренних факторов (например, морально-психологического климата в коллективе). Эта особенность предполагает проведение регулярного мониторинга факторов, влияющих на эффективность.

Успешность реализации проектов, управление которыми осуществляется по правилам Scrum, определяет ряд социально-психологических, организационно-методических и социально-экономических условий. К ним относятся: квалификация и инновационный потенциал членов проектной команды и компетентность заказчика, зрелость проектной команды и достойная оплата труда, регламентация процессов и готовность представителя заказчика к перманентному взаимодействию с проектной командой [11].

Подход Agile за единицу ресурса принимает не одного работника, а самоорганизованную команду, обладающую способностью достигать цели — создавать готовый продукт, поэтому оценивается производительность команды в целом.

Рассмотрим основные факторы, влияющие на эффективность использования человеческого капитала команды, работающей по правилам Scrum.

1. *Коллективная целеустремленность* Scrum-команды является залогом *достижения состояния потока*, в котором заинтересованность команды в результате минимизирует потери и увеличивает скорость поставки. Использование методик Lean Startup и Customer Development [12] и профессиональных методов сбора требований в комплексе с правилами Scrum [13] обеспечивает понимание цели, ценностное предложение клиенту и бережливый подход к созданию продукта, отвечающего требованиям заказчика. Обратная связь с заказчиком также является фактором обеспечения эффективности.

2. *Последовательность в организации работы команды* и вместе с тем *готовность к изменениям*, что является одним из главных принципов гибких подходов к управлению проектами. Ключевую роль в этом процессе играет Скрам-мастер (Scrum Master).

3. *Самоорганизация*, автономность планирования работ, определения приоритетов и совершенствования стратегии ориентирует команду на *качественное выполнение задач*. Команда непрерывно разрабатывает и внедряет решения, продиктованные созданием и продвижением продукта, тем самым влияя на *качество и скорость поставки ценности*.

4. *Комплексный подход к системе мотивации* Scrum-команд объединяет нематериальные методы: социальный, психологический, моральный и организационный. Условием *социальной мотивации* является личное участие всех членов проектной команды в обсуждении задач проекта. *Моральная мотивация* связана со здоровым климатом в команде и предполагает взаимное уважение и признание профессиональных качеств ее участников. *Психологическая мотивация* реализуется благодаря прозрачности процесса исполнения проекта, поскольку при условии прозрачности виден прогресс каждого участника проекта. Забота о качестве рабочих мест, организации отдыха и других средствах повышения результативности труда составляет *организационную мотивацию*. Снижение «индекса счастья» (термин дан Дж. Сазерлендом), приводит к снижению производительности команды [14].

5. *Управление конфликтами* становится первоочередной задачей в силу того, что функционирование Scrum-команд предполагает частые коммуникации между участниками проекта, а следовательно, вероятность конфликтов и разногласий в группе возрастает. Данная особенность обуславливает *развитие поведенческих компетенций* — фактор эффективности, действующий в условиях коротких итераций и нацеленности на повышение скорости реализации проекта.

6. *Использование современных цифровых средств* обеспечивает прежде всего наглядность рабочего процесса и высокую скорость информационного обмена в команде и между участниками проекта.

Производительность команд, работающих по правилам Scrum, возрастает в два раза и более, максимально в восемь раз, как отмечает Дж. Сазерленд [14]. В условиях масштабирования гибких практик управления Scrum-команда рассматривается как отдельная единица ресурса, поэтому помимо оценки результативности ее функционирования по традиционным показателям можно применять модели оценки (специалиста или компании), основанные на связи вложений в развитие человеческого капитала с создаваемой стоимостью. Проектно-ориентированные компании, функционирующие на высококонкурентных рынках, где важна скорость выхода продукта на рынок, разрабатывают стратегию деятельности на принципах Agile. Поэтому развитие человеческого капитала для них определяется нацеленностью на эффективное управление знаниями и организационное обучение в проектной деятельности, выбором подходов к созданию ценности команды и к организации ее работы, а также повышением мотивации работников. Развитие человеческого капитала проектных команд влияет в свою очередь на другие составляющие интеллектуального капитала компании — организационную и клиентскую, — которые вносят вклад в обеспечение ее прибыльности и конкурентоспособности.

Литература

1. *Лукичева Л.И.* Основы управления интеллектуальным капиталом организации: учеб. пособ. / Л.И. Лукичева, Д.Н. Егорычев, Е.В. Егорычева. М.: МИЭТ, 2020. 164 с.
2. State of Agile Report. 2020 [Electronic resource] // Digital.ai: [website]. Режим доступа: <https://stateofagile.com/#ufh-i-615706098-14th-annual-state-of-agile-report/7027494> (дата обращения: 18.03.2021).
3. Agile Project Success Rates are 2X Higher than Traditional Projects (2019) [Electronic resource] // VITALITY CHICAGO: [site]. URL: <https://vitality-chicago.com/blog/agile-projects-are-more-successful-traditional-projects/> (дата обращения: 18.03.2021).
4. Agile в России. 2020: отчет о ежегодном исследовании [Электронный ресурс] // ScrumTrek: провайдер обучения и консалтинга. URL: <https://scrumtrek.ru/userfiles/reports/AgileSurvey20.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).
5. *Тугускина Г. Н.* Сравнительный анализ методик и показателей оценки человеческого капитала предприятий // Современные технологии управления. 2015. № 6 (54). С. 61—70.
6. *Царёв В.В., Евстратов А.Ю.* Оценка индивидуальной стоимости работника коммерческого предприятия // Управление персоналом. 2008. № 24; URL: <https://wiseeconomist.ru/poleznoe/40610-ocenka-individualnoj-stoimosti-rabotnika-kommercheskogo-predpriyatiya> (дата обращения: 18.03.2021).
7. *Аллавердян В.* Оценка стоимости «кадрового потенциала» предприятия [Электронный ресурс] // Корпоративный менеджмент: интернет-проект (14.05.2003). URL: https://www.cfin.ru/management/people/value_people.shtml (дата обращения: 18.03.2021).
8. *Вайсман Е.Д., Сухих М.А.* К вопросу оценки человеческого капитала промышленного предприятия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2016. Т. 10. № 2. С. 135—141.
9. *Фитценц Як:* 1) Как измерить HR-менеджмент. 3-е изд. М.: Издательство ГИППО, 2009. С. 161—215; 2) Рентабельность инвестиций в персонал: измерение экономической ценности персонала. М.: Вершина, 2011. 320 с.
10. *Гурбан И.А., Мызин А.Л.* Системная диагностика человеческого капитала регионов России: методологический подход и результаты оценки // Экономика региона. 2012. № 4. С. 32—39.
11. Условия реализации Scrum-методологии управления проектами / М. Л. Романова, В. Г. Савченко, Д. А. Мишков [и др.] // Наука. Техника. Технологии (Политехнический Вестник). 2018. № 2. С. 315—318.

12. **Прима Я.Г., Прима П.А.** Применение универсальных методов сбора данных в маркетинге и проектном менеджменте // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 3(19). С. 57—70.

13. **Прима Я.Г. Сальников А.К.** Предпроектные исследования при создании цифрового продукта в рамках методологий Customer Development и Lean Startup // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. № 1 (29). С. 34—45.

14. **Сазерленд Дж.** Scrum. Революционный метод управления проектами. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2020. 272 с.

Поступила 02.05.2021

Прима Яна Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и управления проектами, доцент, ICAgile Certified Professional (ICP), Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (124498, Москва, г.Зеленоград, пл.Шокина, д.1), *post.prima@yandex.ru*

Свечников Николай Сергеевич — студент бакалавриата, профиль «Финансовый и инвестиционный менеджмент», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (124498, Москва, г.Зеленоград, пл.Шокина, д.1), *nick-s@inbox.ru*

Аганиязова Мерджен — студентка бакалавриата, профиль «Финансовый и инвестиционный менеджмент», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (124498, Москва, г.Зеленоград, пл.Шокина, д.1), *margi101999@gmail.com*

References

1. Lukicheva L.I. Osnovy upravlenija intelektual'nym kapitalom organizacii: ucheb. posob. / L.I. Lukicheva, D.N. Egorychev, E.V. Egorycheva. M.: MIJeT, 2020. 164 s.

2. State of Agile Report. 2020 [Electronic resource] // Digital.ai: [website]. Rezhim dostupa: <https://stateofagile.com/#ufh-i-615706098-14th-annual-state-of-agile-report/7027494> (data obrashhenija: 18.03.2021).

3. Agile Project Success Rates are 2X Higher than Traditional Projects (2019) [Electronic

resource] // VITALITY CHICAGO: [site]. URL: <https://vitalitychicago.com/blog/agile-projects-are-more-successful-traditional-projects/> (data obrashhenija: 18.03.2021).

4. Otchet ob issledovanii Agile v Rossii. 2020 [Elektronnyj resurs] // ScrumTrek: provajder obuchenija i konsaltinga. Rezhim dostupa: <https://agile-survey.ru/> (data obrashhenija: 18.03.2021)

5. Tuguskina G. N. Sravnitel'nyj analiz metodik i pokazatelej ocenki chelovecheskogo kapitala predpriyatij [A COMPARATIVE ANALYSIS OF METHODOLOGIES AND INDICATORS FOR ASSESSING HUMAN CAPITAL ENTERPRISES] // Sovremennye tehnologii upravlenija. 2015. № 6 (54). S. 61—70.

6. Carev V.V., Evstratov A.Ju. Ocenka individual'noj stoimosti rabotnika kommercheskogo predpriyatija // Upravlenie personalom. 2008. № 24; URL: <https://www.top-personal.ru/issue.html?1856> (data obrashhenija: 18.03.2021).

7. Allaverdjan V. Ocenka stoimosti «kadrovogo potenciala» predpriyatija // Korporativnyj menedzhment: internet-proekt. 2003. URL: https://www.cfin.ru/management/people/value_people.shtml (data obrashhenija: 18.03.2021).

8. Vajsman E.D., Suhij M.A. K voprosu ocenki chelovecheskogo kapitala promyshlennogo predpriyatija [ON THE ISSUE OF HUMAN CAPITAL VALUATION OF INDUSTRIAL ENTERPRISE] // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i menedzhment. 2016. T. 10. № 2. S. 135—141.

9. Fitcenc Jak: 1) Kak izmerit' HR-menedzhment. 3-e izd. M.: Izdatel'stvo GIPPO, 2009. S. 161—215; 2) Rentabel'nost' investicij v personal: izmerenie jekonomicheskoy cennosti personala. M.: Vershina, 2011. 320 s.

10. Gurban I.A., Myzin A.L. Sistemnaja diagnostika chelovecheskogo kapitala regionov Rossii: metodologicheskij podhod i rezul'taty ocenki [SYSTEM DIAGNOSTICS OF THE HUMAN CAPITAL STATE OF THE RUSSIAN REGIONS: CONCEPTUAL APPROACH AND ASSESSMENT RESULTS] // Jekonomika regiona, 2012. № 4. S. 32—39.

11. Uslovija realizacii Scrum-metodologii upravljenja proektami / M. L. Romanova, V. G. Savchenko, D. A. Mishkov [i dr.] [CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF PROJECTS MANAGEMENT SCRUM METHODOLOGY] // Nauka. Tehnika. Tehnologii (Politehnicheskij Vestnik). 2018. № 2. S. 315—318.

12. Prima Ja.G., Prima P.A. Primenenie universal'nyh metodov sbora dannyh v marketinge i proektnom menedzhmente [APPLICATION OF UNIVERSAL METHODS OF DATA GATHERING IN MARKETING AND PROJECT MANAGEMENT] // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. 2018. № 3(19). S. 57—70.

13. Prima Ja.G. Sal'nikov A.K. Predproektnye issledovanija pri sozdanii cifrovogo produkta v ramkah metodologij Sustomer Development i Lean Startup [PREPROJECT STUDIES OF THE DIGITAL PRODUCT WITHIN THE FRAMEWORK OF CUSTOMER DEVELOPMENT AND LEAN STARTUP METHODOLOGIES] // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. 2021. № 1 (29). S. 34—45.

14. Sazerlend Dzh. Scrum. Revoljucionnyj metod upravljenja proektami. M.: Mann, Ivanov i Ferber. 2020. 272 s.

Submitted 02.05.2021

Prima Yana Gennadyevna, PhD in Economics, Associate Professor, Marketing and Project Management Department, Associate Professor, ICAgile Certified Professional (ICP), National Research University MIET (124498, Moscow, Zelenograd, Shokina pl. 1), post.prima@yandex.ru

Svechnikov Nikolay Sergeevich, Bachelor's student, profile «Financial and investment management», National Research University «MIET». (124498, Moscow, Zelenograd, Shokina square, 1), nick-s@inbox.ru

Aganiyazova Merzhen, Bachelor's student, profile «Financial and investment management», National Research University «MIET». (124498, Moscow, Zelenograd, Shokina square, 1), margin101999@gmail.com

Международный бизнес-проект и компетентностный профиль команды управления проектом

(часть 1)

С.П. Олейник, Л.И. Матына

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

0111959sp@mail.ru

Авторы показали роль категорирования проектов в решении задач проектного менеджмента. На основе системного подхода и применения логического анализа утверждается, что определение категории проекта уже на стадии его инициации позволяет определить основные атрибуты процесса управления и сформулировать требования к составу компетенций команды проекта. Выявлен классификационный признак международных бизнес-проектов. Показано, что классификационный признак, отражающий характер отношений участников проекта и учитывающий пространственную локализацию национальных правовых систем, является единственно приемлемым для определения проектов указанного типа. Дано авторское определение понятия «международный проект». Конкретизирован субъектный состав международного проекта, а также необходимая и достаточная составляющие условия отнесения проекта к категории международного.

Ключевые слова: международный проект, управление проектом, проектная команда, компетентностный профиль, категорирование, субъектный состав, критерии категоризации, территориальный критерий, правовой критерий, проект, сделка, внешнее планирование, понятийный аппарат.

International business project and competence profile of the project management team

(part 1)

S.P. Oleynik, L.I. Matyna

National Research University MIET

0111959sp@mail.ru

The authors showed the role of project categorization in solving the problems of project management. Based on the systematic approach and the application of logical analysis, it is argued that the definition of the project category already at the stage of its initiation allows to determine the main attributes of the management process and formulate the requirements to the composition of the project team competencies. The classification feature of international business projects is revealed. It is shown that the classification attribute reflecting the nature of relations between the project participants and taking into account the spatial localization of national legal systems, is the

only acceptable for the definition of projects of this type. The author's definition of the concept of «international project» is given. The subject composition of the international project, as well as the necessary and sufficient components of the conditions of attributing the project to the category of international.

Keywords: international project, project management, project team, competence profile, categorization, subject composition, categorization criteria, territorial criterion, legal criterion, project, transaction, external planning, conceptual apparatus.

Управление проектами — одно из направлений менеджмента, которое в теории представляется едва ли не как безальтернативно эффективный способ достижения результата в тех случаях, областях и сферах деятельности, в которых проектный подход применим и целесообразен [1–4]. Этому имеются разумные обоснования. Однако на практике ситуация не выглядит столь однозначной. По данным Project Management Institute (PMI) в 2018 г. только около 70 % проектов достигли своих первоначальных целей, при этом лишь примерно 60 % проектов были выполнены в рамках первоначального бюджета.¹ Исследование 10640 проектов, проведенное Pricewaterhouse Coopers (PwC), показало, что только 2,5 % компаний на 100 % успешно завершили свои проекты.² Согласно опросам Wellington Management Group (WMG), имеются три главные проблемы проектного управления: недостаточная подготовка менеджеров проектов; стремление одновременной реализации слишком большого количества проектов; недостаток финансирования.³

В рамках настоящего исследования интерес представляет первая причина неуспеха — недостаточная квалификация команды и руководства проекта. В общем случае задача преодоления квалификационных дефицитов решается либо за счет модернизации внутренних ресурсов — формирования навыков

у наличествующего персонала, либо путем привлечения внешних ресурсов — найма соответствующих специалистов или аутсорсинга «критических», т.е. необеспеченных компетенциями, функций (работ). Очевидно, что каждое из решений имеет свои условия применимости и, соответственно, свою стоимость. Однако общим для них является то, что лица, выбирающие то или иное решение — руководители проекта, лидеры пакетов работ, функциональные лидеры и др. — должны сами обладать компетенциями, достаточными для осуществления выбора. Необходимой составляющей таких компетенций выступает наличие представлений о связи категории реализуемого проекта с содержанием проектных работ и процессов управления. Такие представления позволяют сформулировать требования к составу необходимых навыков и к опыту деятельности, которыми должны обладать исполнители — члены проектной команды. Иными словами, компетентностный профиль команды управления проектом не может и не должен ограничиваться только знаниями, умениями и навыками, относимыми собственно к области проектного менеджмента. Для эффективного управления руководители проектных работ должны обладать компетенциями в других функциональных областях менеджмента, включая область управления процессами создания

¹ URL: <https://www.pmi.org/-/media/pmi/documents/public/pdf/learning/thought-leadership/pulse/pulse-of-the-profession-2018.pdf> (дата обращения 10.06.2021)

² URL: <https://medium.com/crowdbotics/hips-dont-lie-15-project-management-stats-you-can-t-ignore-6f655060ef30> (дата обращения 10.06.2021)

³ URL: <https://www.wellington.co.uk/wp-content/uploads/2018/05/The-State-of-Project-Management-Survey-2018-FINAL.pdf> (дата обращения 10.06.2021)

продукта проекта (рис. 1). Без соблюдения указанного условия проблематично, во-первых, реализовать одно из основополагающих отличительных преимуществ проекта — формирование адаптированной к конкретному проекту команды профессионалов, во-вторых, обеспечить эффективное управление такой командой.

Сказанное выше, по сути, воспроизводит одно из базовых положений теории управления: для эффективного достижения результата необходимо знание объекта управления, чем лучше такое знание, тем выше качество управления. Концентрация команды управления проектом на процессах

проектного менеджмента в ущерб процессам создания продукта и поддерживающим (обеспечивающим) процессам является одной из причин неуспеха проекта (см. рис.).

Цель настоящего исследования — показать на примере международного проекта взаимосвязь категории проекта с содержанием проектных работ, процессов управления и компетентностным профилем команды проекта и обосновать тем самым тезис о том, что для эффективного управления проектом нужны не проектные менеджеры широкого профиля, а управленцы в конкретной, отвечающей категории проекта области и/или сфере деятельности.

Группы процессов управления проектами
согласно ГОСТ Р ИСО 21500-2014

В руководствах и практиках проектного менеджмента первым шагом в выборе подхода к построению системы управления конкретным проектом является отнесение его к одной или нескольким категориям [1—5]. Категорирование проекта как объекта управления уже на стадии инициации позволяет

не только предвидеть характер и содержание подлежащих выполнению проектных работ, но и осуществить предварительную оценку потенциальных ограничений проекта и вероятного состава заинтересованных лиц, наметить возможные способы его реализации и определиться с концепцией управления

проектом, набросать эскиз бизнес-модели и сформулировать требования к членам проектной команды. При всей важности определения категории проекта единая типология проектов сегодня отсутствует [6]. При этом существует множество классификаций, в которых количество классификационных признаков отнесения проектов к тем или иным группам (классам, видам, типам) ограничено только фантазией авторов. Практически в любой предлагаемой классификации присутствует деление проектов:

- по характеру продукта проекта: объекты строительства, компьютерные приложения, научно-технические разработки и др.;
- по типу предметной области проекта: технические, строительные, экономические, организационные, социальные, экологические и др.;
- по ключевым параметрам проекта — размеру бюджета и срокам исполнения проектных работ.

В результате реальный проект одновременно относится к разным категориям. Однако не все категории одинаково значимы с точки зрения отражения ими специфики исполнения проекта и управления им. К *значимым*, в указанном смысле, относится категория «*международные проекты*». Международные проекты присутствуют во всех известных классификациях, что отражает их роль в программах международного развития [7–9]. В современном мире создание инноваций, особенно в высокотехнологичных областях, невозможно вне рамок международного партнерства [10; 11]. При упоминании международных проектов неизменно отмечается отличающая их сложность реализации, что соответственно предъявляет высокие требования к уровню управления ими. Первым шагом в

направлении понимания того, с чем связана указанная сложность, является точное и недвусмысленное определение понятия «*международный проект*». Иными словами, необходимо выявить отличительные признаки международного проекта, которые могут быть положены в основу его категорирования как самостоятельного объекта управления. Анализ глоссариев, определяющих информационное пространство области управления проектами, включая авторитетный труд Макса Вайдмана (*Max Wideman*) [12; 13], не дал нам термина «*международный проект*». Иные обнаруженные в Интернете источники при толковании этого понятия исходят из сравнения его с понятием «*локальные проекты*», выделяя в качестве отличительных признаков «*смещение корпоративных культур*», «*международное культурное разнообразие*», «*скрытые интересы участников проекта*».⁴ Вместе с тем международный проект идентифицируется как «*полный, завершённый цикл продуктивной инновационной деятельности группы стран*».⁵ Очевидно, что подобные характеристики не могут рассматриваться в качестве классификационных признаков. Более приемлемое определение международного проекта приводится в учебных изданиях, где обычно используется термин «*состав участников*», а под классификационным признаком подразумевается государственная принадлежность последних.⁶ При этом не уточняется статус участников, о физических или юридических лицах идет речь, что, однако, имеет принципиальный характер (как будет показано ниже).

Выделение из множества некоего подмножества целесообразно тогда, когда присущие элементам подмножества особенности обуславливают специфику обращения с ними при условии сохранения общности

⁴ URL: https://spravochnick.ru/menedzhment/upravlenie_proektami/upravlenie_mezhdunarodnymi_proektami/ (дата обращения 10.06.2021).

⁵ URL: <https://www.bygeo.ru/strany/shveciya/1334-mezhdunarodnyy-proekt-kak-innovacionnaya-forma-deyatelnosti-sovremennogo-universiteta.html> (дата обращения 10.06.2021).

⁶ Например: Вафин Э.Я., Груничев А.С. Управление проектами. уч. пособие. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2016, 198 с.

подходов, характерной для всего множества. Для подмножества бизнес-проектов категории «международные» характерно выражение следующих особенностей:

- заключение и администрирование внешнеэкономических контрактов;
- проведение международных расчетов;
- наличие трансграничных товарных потоков;
- осуществление международных коммуникаций;
- вступление в отношения с органами валютного, таможенного и иных видов внешнеторгового государственного регулирования и контроля.

Указанные особенности свидетельствуют о том, что, во-первых, для предметной области международных бизнес-проектов характерно наличие процессов, операций и/или процедур, не свойственных проектам иных категорий, во-вторых, выполнение указанных работ и наступление связанных с ними событий подконтрольно международному торговому праву и/или национальному законодательству, регулирующему сферу внешнеэкономических отношений. В терминологии проектного менеджмента последнее означает присутствие дополнительных ограничений, связанных с регламентированием выполнения некоторых из проектных работ со стороны вышеуказанных отраслей права. В силу имеющей место взаимосвязи и взаимозависимости ограничений разной этимологии подчиненность внешним императивам в контексте последовательности, сроков и продолжительности выполнения проектных работ находит свое выражение в изменении иных параметров проекта, прежде всего в увеличении таких критически важных параметров, как сроки и стоимость.

Таким образом, для международного бизнес-проекта характерно наличие отношений участников, определяющих его специфику, источник возникновения отношений может быть использован в качестве катего-

риального признака, т.е. критерия отнесения проекта к рассматриваемой категории. В результате анализа терминологических данных удалось найти приемлемое для нашего критерия определение следующего содержания:

«К международным проектам относятся все проекты, в которых принимают участие организации из разных стран» [14].

Приведенное определение, в общем, позволяет выделить международные проекты как самостоятельную категорию. Вместе с тем отличительный признак данной категории, представленный в словосочетании «организации из разных стран», в правовом отношении не определен. Обращение к области права в поиске категориального признака носит принципиальный характер, тем более в случае бизнес-проектов. Причина в том, что любая финансово-хозяйственная деятельность реализуется в правовом поле, которое является источником ограничений. Но степень регламентации, соответствующая количеству отраслей права, которым подвластна такая деятельность, зависит от типа отношений, устанавливаемых ее участниками. Поэтому формулирование категориального признака в понятиях и терминах права, отражающих возможные типы отношений, присущих объекту классификации, представляется предпочтительным и даже необходимым в контексте начальных и граничных условий выполнения проектных работ, а также последствий от их (условий) несоблюдения. Следуя данной логике, определение анализируемого понятия может быть представлено в следующем виде:

Международный бизнес-проект — это проект, среди участников которого, а именно хозяйствующих субъектов, по крайней мере двое расположены в разных странах.

Приведенное определение дано с позиций стороннего наблюдателя, т.е. аутсайдера проекта. С точки зрения инсайдера, т.е. члена команды проекта, тот же объект определяется следующим образом:

Международный бизнес-проект — это проект, среди участников которого, а именно

хозяйствующих субъектов, хотя бы один расположен в другой стране.

Различие формулировок приведенных определений отражает их относительность без изменения сути.

Охарактеризуем существенные признаки этих определений.

1. Понятие «участники проекта» в проектном менеджменте трактуется широко, объединяя не только лиц, которые реально вкладывают свои активы в реализацию проекта, но и другие заинтересованные стороны — лиц, интересы которых могут быть затронуты проектом. По причине достаточной ширины спектра возможных отношений, явно или неявно связанных реализуемым проектом сторон, ограничивать список лиц, ориентируясь на степень их вовлеченности в проектную деятельность, представляется нецелесообразным. Вместе с тем выделение только тех из участников, которые определяются как хозяйствующие субъекты, т.е. юридические и физические лица, осуществляющие на основе государственной регистрации приносящую доход деятельность, необходимо. К таким участникам относятся компании, предприятия, организации, индивидуальные предприниматели, которые могут выступать в роли: заказчика, инвестора, организации-лидера проекта, подрядчиков, субподрядчиков, исполнителей субпроектов, поставщиков и др. Правовым основанием их участия в проекте является хозяйственный договор. Тем самым участники команды проекта — физические лица, выполняющие функциональные обязанности на основе трудовых отношений, из рассмотрения намеренно исключаются (см. ниже).

Представление субъектного состава категориального признака в обозначенном смысле является необходимым условием определяемого понятия.

2. В качестве достаточного условия признака «международности» проекта выступает требование о местонахождении участников

в разных странах. В соответствии с Гражданским кодексом место нахождения юридического лица определяется местом его государственной регистрации [15]. В свою очередь, государственная регистрация юридического лица осуществляется по месту нахождения его исполнительного органа, постоянно действующего. Следовательно, для определения отношений хозяйствующих субъектов как международных — необходимо и достаточно, чтобы сами субъекты имели государственную регистрацию в разных странах. Подчеркнем, что ни гражданство собственников взаимодействующих в рамках проекта компаний, ни национальная принадлежность вкладов в уставный капитал таких компаний, никакие иные признаки, кроме территориального, не определяют статус устанавливаемых отношений как международных. В условиях относительно свободного трансграничного перемещения товаров, труда и капитала и пространственной локализации национальных правовых систем именно территориальный признак выступает как единственно приемлемый для идентификации рассматриваемых отношений. Идентификация устанавливает их статус и, соответственно, категорию проекта, в рамках которого указанные отношения реализуются. Заметим, что в мировой юридической практике данный территориальный признак используется при оценке обоснованности присвоения сделкам статуса внешнеэкономических, что делает их подвластными международному торговому праву [16]. Выбор единого признака в качестве критерия, определяющего категорию бизнес-проекта и статус сделки, имеет логическое обоснование. Любой бизнес-проект есть определенным образом организованный экономический процесс, который в своей первооснове представляет отношения его участников по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ или иных результатов человеческой деятельности [17]. Иными словами, любой проект в сфере

бизнеса есть вариант организации отправления экономических отношений. С правовой точки зрения указанные отношения сопровождаются установлением, изменением или прекращением гражданских прав и обязанностей участвующих в их отправлении сторон на объекты отношения. Перечисленные процессы трансформации прав и обязанностей составляют содержание понятия «сделка»:

«Сделка — действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Двух- и многосторонние сделки называются *договорами*» [15].

Таким образом, возникают формальные основания для отождествления понятий «проект» и «сделка», по крайней мере, в той их части, в которой они характеризуют одно и то же событие (процесс) с точки зрения менеджмента и права соответственно. Действительно, если рассматривать проект как согласованное взаимодействие самостоятельных хозяйствующих субъектов, направленное на достижение объединяющей их

цели проекта, то с позиции права сам проект есть не что иное, как совокупность сделок (договоров), фиксирующих результаты договоренностей сторон относительно их участия в проекте. Указанные договоренности представляют собой проектные работы в виде действий обязанных лиц и конкретизируют место, время, объем и иные условия их исполнения. В таком случае применение международно признанного критерия определения статуса отдельных сделок к их совокупности, т.е. для определения категории проекта, выглядит логически обоснованным. Другим аргументом в пользу единого критерия в определении статуса сделки и проекта служит совпадение их характерных признаков, дающее основание для восприятия указанных понятий как отражающих единую сущность с позиций разных отраслей знания (см. табл.). Как проект с правовой точки зрения представляет собой договор или совокупность договоров, так сделка с точки зрения менеджмента представляет собой проект.

Соответствие характеристик проекта и параметров сделки

Характеристики проекта	Параметры сделки (условия договора)
Заказчик проекта	Контрагент
Подрядчик	Отправитель, получатель
Продукт проекта	Предмет договора
Стоимость (бюджет) проекта	Цена сделки (Сумма контракта)
Иерархическая структура работ	Номенклатура поставок
Расписание проекта	График поставок
Продолжительность проекта	Срок действия договора
Порядок финансирования проекта	Условия оплаты
Веха проекта	Срок и место поставки

3. Объединение необходимой и достаточной составляющих условия отнесения проекта к категории международного указы-

вает на ничтожность влияния на процесс категорирования факта возможного присутствия иностранных физических лиц в составе

членов команды проекта, привлеченных со стороны того или иного его участника к управлению проектом или к выполнению проектных работ на основании трудовых соглашений. Иными словами, выражение «*иностраный состав персонала команды проекта*» не тождественно выражению «*международный проект*». Привлечение иностранных специалистов в состав команды проекта, как правило, связано с их личными качествами — компетентностью и опытом, которые могут обусловить выбор значений некоторых параметров проекта, определить содержание его предметной области, оказать влияние на конфигурацию системы управления проектом и т.п. Однако факт найма иностранных специалистов любого ранга недостаточен для того, чтобы категоризировать проект как международный хотя бы потому, что с ним не связаны сколь-нибудь существенные изменения, которые не могли бы быть инициированы и реализованы национальными кадрами соответствующей квалификации. Иностранное лицо из числа высшего руководства проекта, например менеджер или куратор (спонсор) проекта, может перевести проект из одной категории в другую, но не определяет ее самим фактом своего участия в нем. С точки зрения управления проектом наличие иностранных специалистов не предопределяет потребность в специальных компетенциях, кроме, пожалуй, умения коммуницировать на иностранном языке, что сегодня является общекультурным навыком. Следовательно, отнесение проекта к категории «международный» по этому признаку, т.е. выделение одноименного подмножества из множества проектов, не имеет оснований, так как не обусловлено особенностями обращения с ним, т.е. управления проектом. Однако привлечение к реализации проекта иностранных хозяйствующих субъектов, напротив, «автоматически» обуславливает изменения во всех функциональных областях проекта (на это указывает выражение внешнего планирования) и, как

следствие, возникновение потребности в управленческих компетенциях, дополнительных к тем, которые типичны для международных проектов.

Литература

1. Хигни Дж. Основы проектного менеджмента. Классическое руководство. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018, 270 с.
2. Богданов В. Управление проектами. Корпоративная система — шаг за шагом. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2012. 248 с.
3. Арчибальд Р. Управление высокотехнологичными программами и проектами. М.: Компания АйТи; ДМК Пресс, 2004, 472 с.
4. Хэлдман К. Управление проектами. Быстрый старт. М.: ДМК Пресс; Академия АйТи, 2008. 352 с.
5. Picciotto Robert Towards a 'New Project Management' movement? An international development perspective. International Journal of Project Management, 2020. Vol. 38, № 8. P. 474—485; URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2019.08.002> (дата обращения 10.06.2021).
6. Musawir Ata ul [etc.] Project governance and its role in enabling organizational strategy implementation: A systematic literature review / Ata ul Musawir, Saipol Bari Abd-Karim, Mohd Suhaimi Mohd-Danuri. International Journal of Project Management, 2020. Vol. 38, № 1. P. 1—16; URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2019.09.007> (дата обращения 10.06.2021).
7. Lannon John, Walsh John N. Project facilitation as an active response to tensions in international development programmes. International Journal of Project Management, 2020. Vol. 38, № 8. P. 486—499; URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2020.06.002> (дата обращения 10.06.2021).
8. Lavagnon A. Ika [etc.]. When project management meets international development, what can we learn? / A. Ika Lavagnon, Jonas Soderlund, T. Munro Lauchlan, Paolo Landoni. International Journal of Project Management, 2020. Vol. 38, № 8. P. 469—473; URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2020.10.004> (дата обращения 10.06.2021).

9. Lavagnon A. Ika [etc.]. Cross-learning between project management and international development: Analysis and research agenda / A. Ika Lavagnon, Jonas Söderlund, T. Munro Lauchlan, Paolo Landoni. International Journal of Project Management, 2020. Vol. 38, № 8. P. 548—558; URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2020.10.005> (дата обращения 10.06.2021).

10. Fonseca de Melo J. Júlio César [etc.]. From open innovation projects to open innovation project management capabilities: A process-based approach / Júlio César Fonseca de Melo, Mario Sergio Salerno, Jonathan Simões Freitas, Raoni Barros Bagnob, Vinicius Chagas Brasil. International Journal of Project Management, 2020, Vol. 38, № 5. P. 278—290; URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2020.06.006> (дата обращения 10.06.2021).

11. Klessova Svetlana [etc.]. Structuring inter-organizational R&D projects: Towards a better understanding of the project architecture as an interplay between activity coordination and knowledge integration / Svetlana Klessova, Catherine Thomas, Sebastian Engell. International Journal of Project Management, 2020. Vol. 38, № 5. P. 291—306; URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2020.06.008> (дата обращения 10.06.2021).

12. Вайдман М. Сравнительный глоссарий терминов по управлению проектами. Т.1. М.: p.m.Office, 2007, 608 с.

13. Вайдман М. Сравнительный глоссарий терминов по управлению проектами. Т.2. М.: p.m.Office, 2007, 524 с.

14. Краснов Ю.К. Юридическое сопровождение международных проектов: уч. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2017, 161 с.

15. Гражданский кодекс Российской Федерации: в 3 ч. М.: ТК Велби, 2004, 448 с.

16. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.). URL: <https://www.iodine.ru/upload/iblock/da8/da84f1107a422a749097f7da532adbde.pdf> (дата обращения 10.06.2021).

17. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд., Т. 12. М.: Политиздат, 1958. С. 709—738; URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t12.pdf> (дата обращения 10.06.2021).

www.marxists.org/russkij/marx/cw/t12.pdf (дата обращения 10.06.2021).

Поступила 11.06.2021

Олейник Сергей Павлович — кандидат физико-математических наук, доцент, зав. кафедрой «Маркетинг и управление проектами» НИУ МИЭТ (124498 Москва Зеленоград пл. Шокина, д.1), 0111959sp@mail.ru

Матына Лариса Ивановна — кандидат технических наук, доцент, доцент Института перспективных материалов и технологий НИУ МИЭТ, (124498 Москва Зеленоград пл. Шокина, д.1), 0111959sp@mail.ru

References

1. Higni Dzh. Osnovy proektnogo menedzhmenta. Klassicheskoe rukovodstvo. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2018, 270 s.

2. Bogdanov V. Upravlenie proektami. Korporativnaya sistema — shag za shagom. M.: Mann, Ivanov i Farber, 2012. 248 s.

3. Archibal'd R. Upravlenie vysokotekhnologichnymi programmami i proektami. M.: Kompaniya AjTi; DMK Press, 2004, 472 s.

4. Hjeldman K. Upravlenie proektami. Bystryy start. M.: DMK Press; Akademija AjTi, 2008. 352 s.

5. Picciotto Robert Towards a 'New Project Management' movement? An international development perspective. International Journal of Project Management, 2020. Vol. 38, № 8. P. 474—485; URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2019.08.002> (data obrashheniya 10.06.2021).

6. Musawir Ata ul [etc.] Project governance and its role in enabling organizational strategy implementation: A systematic literature review / Ata ul Musawir, Saipol Bari Abd-Karim, Mohd Suhaimi Mohd-Danuri. International Journal of Project Management, 2020. Vol. 38, № 1. P. 1—16; URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2019.09.007> (data obrashheniya 10.06.2021).

7. Lannon John, Walsh John N. Project facilitation as an active response to tensions in international development programmes. International Journal of Project Management, 2020. Vol. 38, № 8. R. 486—499; URL:

<https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2020.06.002> (data obrashhenija 10.06.2021).

8. Lavagnon A. Ika [etc.]. When project management meets international development, what can we learn? / A. Ika Lavagnon, Jonas Soderlund, T. Munro Lauchlan, Paolo Landoni. *International Journal of Project Management*, 2020. Vol. 38, № 8. P. 469—473; URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2020.10.004> (data obrashhenija 10.06.2021).

9. Lavagnon A. Ika [etc.]. Cross-learning between project management and international development: Analysis and research agenda / A. Ika Lavagnon, Jonas Söderlund, T. Munro Lauchlan, Paolo Landoni. *International Journal of Project Management*, 2020. Vol. 38, № 8. P. 548—558; URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2020.10.005> (data obrashhenija 10.06.2021).

10. Fonseca deMelo Júlio César [etc.]. From open innovation projects to open innovation project management capabilities: A process-based approach / Júlio César Fonseca deMelo, Mario Sergio Salerno, Jonathan Simões Freitasb, Raoni Barros Bagnob, Vinicius Chagas Brasila. *International Journal of Project Management*, 2020, Vol. 38, № 5. P. 278—290; URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2020.06.006> (data obrashhenija 10.06.2021).

11. Klessova Svetlana [etc.]. Structuring inter-organizational R&D projects: Towards a better understanding of the project architecture as an interplay between activity coordination and knowledge integration / Svetlana Klessova, Catherine Thomas, Sebastian Engell. *International Journal of Project Management*, 2020. Vol. 38, № 5. P. 291—306; URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2020.06.008> (data obrashhenija 10.06.2021).

12. Vajdman M. *Sravnitel'nyj glossarij terminov po upravleniju proektami*. T.1. M.: p.m.Office, 2007, 608 s.

13. Vajdman M. *Sravnitel'nyj glossarij terminov po upravleniju proektami*. T.2. M.: p.m.Office, 2007, 524 s.

14. Krasnov Ju.K. *Juridicheskoe soprovozhdenie mezhdunarodnyh proektov: uch. Posobie*. M.: MGIMO-Universitet, 2017, 161 s.

15. *Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: v 3 ch.* M.: TK Velbi, 2004, 448 s.

16. *Konvencija OON o dogovorah mezhduna-*

rodnoj kupli-prodazhi tovarov (Vena, 11 aprelja 1980 g.). URL: <https://www.iodine.ru/upload/iblock/da8/da84f1107a422a749097f7da532adbde.pdf> (data obrashhenija 10.06.2021).

17. Marks K. *Vvedenie (Iz jekonomicheskikh rukopisej 1857—1858 godov)* // Marks K., Jengel's F. *Sobranie sochinenij*. 2-e izd., T. 12. M.: Politizdat, 1958. S. 709—738; URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t12.pdf> (data obrashhenija 10.06.2021).

Submitted 11.06.2021

Oleinik Sergey Pavlovich, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Head Department of Marketing and Project Management, National Research University of Electronic Technology (124498 Moscow Zelenograd sq. Shokina, 1), 0111959sp@mail.ru

Latyna Larisa Ivanovna, Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor, Associate Professor at the Institute for Advanced Materials and Technologies, National Research University of Electronic Technology (124498 Moscow Zelenograd sq. Shokina, 1), 0111959sp@mail.ru

**Феномен «мягкой силы» в аспекте философского осмысления
политического бытия**

Е.В. Андриенко¹, И.М. Горбачева²

¹ *Донецкий национальный университет, Донецк*

² *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

elena_andrienko8@mail.ru

Статья посвящена социально-философскому анализу феномена «мягкой силы» и его роли в динамике политического бытия современного общества. Проанализированы разнообразные методологические трактовки «мягкой силы» в контексте национальных политических систем. Сделан акцент на необходимости учитывать конструктивную критику ученых-теоретиков, позволяющую исключить деструктивные аспекты феномена «мягкой силы» в реальной политике. Сделан вывод о том, что концепция «мягкой силы» претерпевает постоянные изменения и также испытывает влияние факторов реальной национальной политики, а трактовка этого термина зависит от того, в контексте каких конкретных политических стратегий она рассматривается.

Ключевые слова: глобальные трансформации, мягкая сила, общество, политика, власть.

**The phenomenon of «soft power» in the aspect of philosophical
understanding of political being**

E.V. Andriyenko¹, I.M. Gorbacheva²

¹ *Donetsk National University, Donetsk*

² *National Research University of Electronic Technology, Moscow*

elena_andrienko8@mail.ru

The article is devoted to the socio-philosophical analysis of the phenomenon of «soft power» and its role in the dynamics of the political life of modern society. Various methodological interpretations of «soft power» in the context of national political systems are analyzed. The emphasis is placed on the need to take into account constructive criticism, which allows us to explore the destructive aspects of the phenomenon of «soft power» in real politics. It is concluded that the concept of «soft power» undergoes constant changes and is also influenced by factors of real national policy, and the interpretation of this term depends on the context in which specific political strategies it is considered.

Keywords: global transformations, soft power, society, politics, power.

Целью данной статьи является философское исследование феномена «мягкой силы» как важнейшего фактора, определяющего динамику развития политического бытия современного общества.

Феномен «мягкой силы» исследуется в работах ученых, представляющих различные отрасли социально-гуманитарного знания: политологию, социологию, историю и другие науки, таких Дж. Най [11; 12] (автор термина «мягкая сила»), М. Манн [4], С. А. Каганов и Ф. А. Лукьянов [1], Д. М. Ковалева [2], А. Г. Костырев [3], Н. Минасян [5], В. В. Миронов [6], С. В. Махневич [7], Е. А. Суркова [9], И. А. Чихарев [10] и др. При этом наиболее полным и интегративным подходом, охватывающим максимальное число аспектов сложного и многоуровневого феномена «мягкой силы» является философский подход, включающий в себя систему методов и принципов.

Что же такое «мягкая сила», в чем ее суть и специфика? Любое государство не может существовать без легитимного права на применение силы, однако в классификации ее типов среди исследователей нет единства. К примеру, С. А. Караганов и Ф. А. Лукьянов выделяют следующие типы силы: сила оружия, сила денег, сила образов [1]. М. Манн полагает, что классификация силы может основываться на ее генезисе и включать военную, экономическую, политическую или идеологическую типы [4, с. 17]. При этом каждый из источников силы опирается на существующие человеческие потребности: производство и потребление благ (экономика); защита и безопасность от внешних угроз (военная сила); регулирование внутrigосударственной общественной жизни и международных контактов (политика); обретение единства общества через принятие общих норм, правил и ценностей (идеология). На наш взгляд, наиболее универсальную классификационную модель государственной и даже надгосударственной силы предложил американский политолог Дж. Най, который полагает, что в международной политике государства можно выделить два ос-

новных типа силы по способам и характеру воздействия на объект: «жесткая сила», основанная на принуждении, и «мягкая сила», основанная на привлекательности [11].

В исследовании феномена «мягкой силы» важна система методов и подходов, посредством которых вычленяется сущностное содержание и ключевые взаимосвязи феномена со смежными философскими концепциями. Кроме того, методологический подход к исследованию «мягкой силы» должен иметь некоторые особенности, связанные с тем, что этот феномен требует двухстороннего рассмотрения: как теории и соответствующих практик, которые уже «работают» в мировой политике, независимо от их классификации и систематизации.

Методологическая база философского исследования феномена «мягкой силы» включает совокупность общенаучных и философских методов, подходов и принципов. Следует акцентировать внимание на следующих методах:

1. Диалектический метод помогает исследовать динамическое единство и взаимодействие различных социально-философских факторов в формировании устойчивого содержания концепции «мягкой силы»;

2. Посредством исторического метода прослеживается эволюция теоретико-концептуальных взглядов ученых относительно развития и основных типов силы в поле политического бытия общества;

3. Прогностический метод позволяет осуществить прогнозирование социальных изменений в странах, активно использующих «мягкую силу» во внешней и внутренней политике;

4. Синергетический метод обеспечивает взгляд на «мягкую силу» как систему социальных ценностей и методов политического влияния, способную к развитию и самосовершенствованию и характеризующуюся элитарностью, нелинейностью, динамичностью.

Также весьма актуальными в контексте философского исследования феномена «мягкой силы» являются следующие методологические подходы:

1. Аксиологический подход (является базовым, поскольку наиболее полно раскрывает ценностную составляющую «мягкой силы» как комплекса немилитаристских методов политического воздействия);

2. Системный подход (раскрывает механизмы взаимодействия и взаимообусловленности различных видов сил: «мягкой силы», «жесткой силы» и «умной силы»; рассматривает «мягкую силу» в качестве комплексной стратегии социально-политического влияния);

3. Герменевтический подход (обеспечивает высокий уровень эффективности при рассмотрении ценностных измерений «мягкой силы» и ее функций в общественно-политическом бытии).

Не менее важны также научные принципы целостности, достоверности и обоснованности научных результатов, структурного и системного анализа, историзма, всесторонности, конкретности, социальной направленности, плюрализма, гуманизма и развития.

Опираясь на диалектический метод, политика «мягкой силы» и политика «жесткой силы» рассматриваются как крайности, однако абсолютизация только одного из политических подходов в ущерб другому приводит к ригидности в изучении общественно-политического поля, «в этом смысле, идеальным балансом служит недопущение абсолютизации ни одной из этих категорий» [9, с. 108]. В политических практиках попеременное обращение к «мягкой силе» и «жесткой силе» также неэффективно, поскольку наилучшей стратегией считается одновременное оперирование обеими силами. Так, оптимальным политическим курсом объявляется выверенный перевес в пользу применения «мягкой силы» при поддержке методов «жесткой силы», поскольку политика обратного действия более увлекательна, но опасна: «Умелый баланс применения «жесткой» и «мягкой» сил состоит в том, чтобы не допустить чрезмерного увлечения использованием жестких мер, подкрепляя их мягкими средствами» [3, с. 148].

Исторический метод предполагает рассмотрение «мягкой силы» не как самостоятель-

ной политической стратегии, а как составной части более гибкой политики «умной силы» также потому, что реальные мировые политические процессы привели сегодня к такой логике развития политического бытия общества. С. В. Михневич справедливо отмечает, что в сфере международных отношений происходят такие трансформации, которые обуславливают уменьшение роли отдельных государств в глобализированной политической среде при расширении возможностей трансграничного взаимодействия надгосударственных структур, а это приводит к росту реального значения идеологий и связанных с ними систем ценностей, культурных взаимодействий. Поэтому политика государств с позиций «жесткой силы» все чаще нуждается в серьезном оправдании и дополнении методами «мягкой силы». Сегодня мир таков, что одного превосходства в уровне развития вооружений недостаточно для лидирования на мировой арене.

Однако и «мягкая сила» без милитаристской поддержки оказывается не столь действенной. Исследователи отмечают: «Происходит постоянное увеличение значения ресурса «мягкой силы», которая сама по себе также не является эффективным механизмом прямого действия на политику других государств. Более результативным и корректным средством представляется политика «умной силы», которая сочетает в себе «жесткую силу» для понуждения и возмездия и «мягкую силу» в виде притяжения и убеждения» [7, с. 93]. Более того, С. В. Михневич считает, и у нас нет оснований с ним не согласиться, что именно политика «умной силы» способна помочь ведущим государствам сохранить свое влияние на международной арене, поскольку успех государственной международной политики во многом зависит от способности правительства установить и соблюдать баланс трех интересов: собственных национальных интересов, национальных интересов других государств и интересов международного сообщества — его систем и подсистем [7, с. 97].

Социально-политическое содержание концепта «мягкой силы» также имеет свое аксиологическое измерение и может оцениваться, опираясь на соответствующий подход, по следующим критериям: а) критерий привлекательности системы ценностей нации и государства; б) критерий эффективности политики при применении невоенных методов политического взаимодействия акторов.

Согласно системному подходу, «мягкая сила» рассматривается в качестве комплексной социально-политической стратегии, аккумулирующей в себе весь потенциал «нежесткого» влияния во внутренней и внешней политике субъекта, имплицитная себя во множественные области социальных практик.

Понятие «мягкой силы» (англ. *«soft power»*) стало общепринятым благодаря работам Дж. Найа и раскрывается через «понятия-спутники», несущие на себе расширенную нагрузку в общественном поле институциональных взаимодействий — «умная сила», «мягкая власть», «жесткая сила», «умная власть», «гибкая сила», стратегический ресурс, политическое и социокультурное влияние. Однако концепт «мягкой силы» до сих пор нельзя считать всесторонне разработанным и завершенным в виду отсутствия единой трактовки, существования множества национальных особенностей применения методов «мягкой силы» в политической практике.

В современных общественных науках термин «мягкая сила» применяется все активнее, с другой стороны, концепция «мягкой силы» подвергается разносторонней критике. И критика осуществляется с разных позиций. В частности, Д. М. Ковалева справедливо отмечает: «Самое большое неудобство, связанное с использованием «мягкой силы», — невозможность полного ее контроля со стороны правительства, в отличие от вооруженных сил страны. Кроме того, это орудие не только не контролируемое, но и не точное: нельзя с абсолютной вероятностью предсказать, будут ли стратегии «мягкой силы» эффективны в конкретном регионе мира из-за влияния локаль-

ного контекста» [2, с. 122]. Однако популярность «мягкой силы» в практической политике, несмотря на справедливую критику теоретиков, сегодня растет. Главной причиной роста популярности мягкой силы мы считаем снижение эффективности насильственных практик во всех сферах жизни: все ускоряющийся прогресс в области науки и техники, военных технологий, а также в трансформация ценностей потенциально делают войну и силовую конфликт любого масштаба ресурсоемким мероприятием с невыгодными разрушительными последствиями. В частности, Дж. Най подчеркивал, что современные постиндустриальные демократии Запада ориентированы на увеличение благосостояния населения, рост стандартов жизни, а потому использование ресурсов государства в военных целях все чаще требует достаточных оснований в виде серьезных моральных причин [10, с. 18—19].

Дж. Най выделял также ряд основных ресурсов «мягкой силы», таких как культура, политические ценности и внешняя политика. Они призваны эффективно реализовывать не ригидную социально-политическую линию развития общества и государства в условиях демократического правительства и рыночной экономики [12, с. 10]. Развивая теорию Дж. Найа, китайские специалисты разрабатывают концепцию «ситуационной «мягкой силы», которая отличается от американской модели Дж. Найа и должна стать более эффективным инструментом политического и экономического прогресса в развивающихся странах Азии, Африки, Латинской Америки, поскольку эта модель может быть успешно реализована в условиях гибридного недемократического политического режима и рыночной. В этой модели источником «мягкой силы» выступают не добровольные общественные организации, частные благотворительные фонды и государственные политические институты, а исключительно структуры власти: институциональная власть, идентифицирующая власть и ассимилирующая власть. Главными задачами этих структур власти являются: создавать

и поддерживать новые международные институты, которые укрепляют положительный имидж страны; помощь и влияние на другие страны в рамках мирных стратегий и с позиций руководящей роли; широкое продвижение системы культурных ценностей в глобальном масштабе, разработка цементирующей обществу идеологии, поддержание высоких стандартов социальной жизни. Основным отличием китайской концепции «мягкой силы», которую в своих основах разработал В. Хунин [2, с. 126], выступает убежденность в одинаковой эффективности практических методов «мягкой силы» как во внешней политике, так и во внутреннем социально-политическом пространстве. При этом во внутренней и внешней политике китайскими идеологами видится диалектическое единство различных внутренних и внешних сторон и ресурсов «мягкой силы»: через усиление национальной сплоченности и идеологического единства, укрепление морали и образования, стимулирование развития культуры, социальных стандартов подготавливается и соответствующий базис для роста позитивного имиджа страны и возможностей международного влияния.

В работах Дж. Ная концепция «мягкой» силы соотносится с концепцией «*smart power*». Этот термин чаще всего переводится как «умная сила» или же «гибкая сила», реже «виртуальная сила», «коммуникативная сила». «Умная сила» интерпретируется как специфическая комбинация силовых и несиловых способов «игры» государства на международной арене, поскольку в XXI в. военное могущество все еще играет значительную роль в мировой политике. Применение «умной силы» — это не простое лавирование политических акторов в ситуативном политическом поле, но раскрытие на практике ее специфики в качестве «зонтичного» метода, предполагающего одновременную включенность инструментов «мягкого» и «жесткого» типов, их умелую комбинацию. Следует отметить, что само понятие «умной силы» — «*smart power*» может иметь различные интерпретации, в зависимости от

конкретного типа национально-государственной политики. Так, в КНДР этот термин имеет смысловой перевод — «мудрая сила» [8], что объясняется концептуальной опорой на философское учение Конфуция, в котором заложены базовые рекомендательные и ограничительные принципы, ставшие неотъемлемой частью китайской политической культуры и предполагающие существенное превалирование методов «мягкой силы» над «жесткой» (уход от стремления быть во всем первым, лучшая политика — та, о которой ничего не слышно). Тем не менее, ряд современных специалистов убеждены, что понятие «*smart power*» — это не просто абстрактная конструкция, но теоретический субстрат, который выражает сущность наиболее адаптивных политических процессов сегодня. Более того, с практическим использованием «умной силы» и ее методов связывают также возможность активной разработки и использования ее прогностической функции, благодаря которой становится возможным не только влиять на политические процессы, но и прогнозировать определенные изменения в сфере политических взаимодействий. При этом концепт «умной силы» не статичен, а находится в постоянном развитии: «Современное понимание «умной силы» рассматривается как процесс эволюции первоначальной концепции (сочетание различных инструментов внутренней и внешней политики в плане воздействия на международное сообщество и экспертное сознание), в которой растет значимость ее интеллектуальной составляющей» [9, с. 110].

Таким образом, понятие «умной силы» выступает ключевой характеристикой «умной власти», умеющей задействовать все ресурсы «мягкой силы» для получения политических предпочтений и роли государства-лидера в условиях мирной конкуренции, но имеющей резерв неоспоримого военного могущества в качестве последнего аргумента для критических противостояний и милитаристских угроз. Сам Дж. Най писал: «Военная сила обеспечивает уровень безопасности, который имеет

такое же отношение к порядку, как кислород к дыханию: его не замечают до тех пор, пока не начнет ощущаться нехватка, и в этот момент его отсутствие превалирует над всем остальным. В XXI в. военная сила не будет иметь ту степень полезности для государств, какую она имела в XIX—XX вв., но все еще будет оставаться критически важным элементом власти в мировой политике... Экономические ресурсы могут стать источником поведения, предполагающими применение как мягкой, так и жесткой силы» [11, с. 5].

Таким образом, благодаря концептуальным сдвигам в политической теории Дж. Най, «умная сила» осмысливается как эффективная комбинация «жесткой силы», то есть принуждения и насилия, а также «мягкой силы», использующей методы общественного пиара, привлекательность и соблазнения. «Умная сила» выступает как контекстуальная стратегия, ориентированная на преференцию «мягкой силы» и ненасильственных методов политического влияния, но обладающая резервом военного могущества для решения соответствующих задач, требующих демонстрации «жесткой силы» (терроризм, милитаристские конфликты). При этом автор настроен весьма прогрессивно и утверждает, что современная политика должна быть, не просто ориентирована на «умную силу», но и способствовать тому, чтобы ее ключевые игроки, такие как США, ушли от односторонних силовых методов воздействия и ориентировались на совместные договоренности с другими нациями — мультилатерализм. Также Дж. Най полагает, что сегодня в глобальной политике должна реализовываться стратегия «возвращения Азии», которая предполагает смещение акцентов в вопросе восточного урегулирования с арабо-мусульманского мира на условно азиатский лагерь стран, которые имеют значительные экономические и военные ресурсы, и могут стать полноправными участниками мирового политического процесса с общей стратегией «умной силы» [6, с. 70].

В целом, следует отметить, что концеп-

ция «мягкой силы» претерпевает постоянные изменения, испытывает влияние национальных факторов, а ее трактовка зависит от комплексного рассмотрения и конкретных политических стратегий. Именно поэтому комплексное исследование феномена «мягкой силы» предполагает актуализацию широкого спектра методологических подходов, а также верификацию через современные социальные и политические практики.

Литература

1. **Караганов С. А., Лукьянов Ф. А.** Россия в мире силы XXI века // *Лики силы. Интеллектуальная элита России и мира о главном вопросе мировой политики* / Под ред. С.А. Караганов, Т.В. Бордачева. М.: Международные отношения, 2013. С. 15—26.
2. **Ковалева Д. М.** Концепт Soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2013. Вып. 1, № 13. С. 118—132.
3. **Костырев А. Г.** Разумная сила, общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 2. С. 143—149.
4. **Мани М.** Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом / пер. с англ. К. Бандуровского; под ред. А. Смирнова. 2-е изд. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. 208 с.
5. **Минасян Н.** Концепция «мягкой силы» в контексте теорий международных отношений // *21-й век*. 2017. № 3 (44). С. 35—42.
6. **Миронов В. В.** Джозеф Най-младший и релятивистское понимание силы в международных отношениях // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2013. № 3 (24). С. 64—72.
7. **Михневич С. В.** Фактор «умной силы» в процессах институционализации международных отношений // *Вестник международных организаций*. 2015. Т. 10, № 4. С. 93—114.
8. **Соловьева Н. С.** Взгляд на образ руководителя сквозь призму гендерных стереотипов (на

материале фразеологии) // Сборник конференции НИЦ Социосфера. 2014. № 32. С. 56—61.

9. **Суркова Е. А.** Инструментальный потенциал «умной силы»: современные практики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т.8, № 1. С. 107—111.

10. **Чухарев И. А.** «Умная мощь» в арсенале мировой политики // Международные процессы. 2011. Т. 9, № 25. С. 93—98.

11. **Nye J. S. Jr.** Has Economic Power Replaced Military Might? URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/nye95/English> (дата обращения 21.01.2021.).

12. **Nye J. S. Jr.** Soft Power. The means to success in world politics. NY: Public Affairs, 2004. 191 p.

Поступила 04.03.2021

Андрюченко Елена Владимировна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (83000, Университетская ул., 24, Донецк, Украина), elena_andrienko8@mail.ru

Горбачева Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ», (124498, Россия, г. г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), netadm@miet.ru

References

1. **Karaganov S. A., Luk'yanov F. A.** Rossiya v mire sily XXI veka // Liki sily. Intellektual'naya elita Rossii i mira o glavnom voprose mirovoj politiki / pod red. S.A. Karaganov, T.V. Bordacheva. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2013. S. 15—26.

2. **Kovaleva D. M.** Koncept Soft power kak predmet izucheniya sovremennoj politicheskoy nauki i teoreticheskaya osnova vneshnepoliticheskikh strategij // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2013. № 13. Vyp. 1. S. 118—132.

3. **Kostyrev A. G.** Razumnaya sila, obshchestvennaya diplomatiya i social'nye seti kak faktory mezhdunarodnoj politiki // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2013. №2. S. 143—149.

4. **Mann M.** Vlast' v XXI stoletii: besedy s Dzhonom A. Hollom / per. s angl. K. Bandurovskogo; pod red. A. Smirnova. 2-e izd. M.: Izd. Dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2017. 208 s.

5. **Minasyan N.** Konceptiya «myagkoj sily» v kontekste teorij mezhdunarodnyh otnoshenij // 21-j vek. 2017. № 3 (44). S. 35—42.

6. **Mironov V. V.** Dzhozef Naj-mladshij i relyativistskoe ponimanie sily v mezhdunarodnyh otnosheniyah // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 3 (24). S. 64—72.

7. **Mihnevich S. V.** Faktor «umnoj sily» v processe institucionalizacii mezhdunarodnyh otnoshenij // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2015. №4. Tom 10. S. 93—114.

8. **Solov'eva N. S.** Vzglyad na obraz rukovoditelya skvoz' prizmu gendernyh stereotipov (na materiale frazeologii) // Sbornik konferencii NIC Sociosfera. 2014. №32. S. 56—61.

9. **Surkova E. A.** Instrumental'nyj potencial «umnoj sily»: sovremennye praktiki // Problemnij analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2015. №1. Т.8. S. 107—111.

10. **CHiharev I. A.** «Umnaya moshch'» v arsenale mirovoj politiki // Mezhdunarodnye processy. 2011. № 25. Tom. 9. S. 93—98.

11. **Nye J. S. Jr.** Has Economic Power Replaced Military Might? URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/nye95/English> (дата обращения — 21.01.2021.).

12. **Nye J. S. Jr.** Soft Power. The means to success in world politics. NY: Public Affairs, 2004. 191 p.

Submitted 04.03.2021

Andriyenko Elena V., PhD., Professor of the Chair of Philosophy, Donetsk National University (bld. 24, Universitetskaya Street, Donetsk, 83000), elena_andrienko8@mail.ru

Gorbacheva Irina M., PhD., Associate Professor of the Chair of Philosophy, Sociology and Political Science, National Research University of Electronic Technology" (MIET) (bld. 1, Shokina Square, Moscow, Zelenograd 124498), irina_gorbacheva@bk.ru

Алгоритм философского анализа коррупции и антикоррупционная просветительская деятельность

Я.В. Бондарева¹, В.М. Бурмакин¹

¹Московский государственный областной университет, Москва, Россия

yav.bondareva@mgou.ru

Разработан алгоритм философского анализа коррупции с учетом траектории практического использования теоретических знаний в междисциплинарной антикоррупционной деятельности. Авторы рассматривают философский методологический инструментарий осмысления коррупционной деятельности и элементов коррупции через определение объекта, предмета, цели, специфики и алгоритма исследования. Анализируются проблемы многоаспектности феномена коррупции в системе национальной и социальной безопасности. Актуализируется значение философского осмысления коррупционных рисков современности. Обосновывается значимость философского знания в методологии противодействия коррупции, необходимость дальнейшей разработки технологии противодействия коррупции.

Ключевые слова: противодействие коррупции, коррупция, алгоритм осмысления коррупции, философский анализ, антикоррупционное просвещение.

Algorithm of philosophical analysis of corruption and anti-corruption education activities

Ya.V. Bondareva¹, V.M. Burmakin¹

¹Moscow Region State University, Moscow Region, Mytishchi, Russian Federation

yav.bondareva@mgou.ru

The authors have developed an algorithm for philosophical analysis of corruption taking into account the trajectory of practical use of theoretical knowledge in interdisciplinary anti-corruption activities. A philosophical methodological toolkit for understanding corruption and elements of corruption through the definition of an object, subject, goal, specifics and research algorithm is considered. The problems of the multidimensionality of the phenomenon of corruption in the system of national and social security are analyzed. The importance of philosophical understanding of the corruption risks of our time is actualized. The conclusion about the importance of philosophical knowledge in the methodology of combating corruption is formulated, the need for further development of the technology for combating corruption is actualized.

Keywords: anti-corruption, corruption, algorithm for understanding corruption, socio-philosophical analysis, anti-corruption education.

Коррупция есть сложный феномен, свойственный различным элементам социальных структур любого государства как социальное явление с арсеналом многоликих характеристик, соответствующих действиям коррупционного характера, и многочисленных форм материального обогащения. Сегодня феномен коррупции в государственных системах и общественных отношениях становится предметом исследования как зарубежных, так и отечественных ученых, при этом по-разному расставляя акценты в этой сложной области.

Исследуя философские подходы, направленные на борьбу с коррупцией в Южной Африке, С. Ворстер (S. W. Vorster) отмечает, что деонтологический подход как основа нормативной этической теории, объективизирует коррумпированное лицо и оставляет за гранью исследования личные конкретные предпосылки совершения коррупционного деяния. Применение утилитарного подхода, который исследует последствия коррупционных действий в противодействии коррупции без дополнительных научных методов, позволяет лицу (или лицам), вовлеченным в акт коррупции, уделять мало внимания любым законам и правилам, запрещающим коррупцию. При этом данный факт может провоцировать коррупционные риски в судебной системе (например, суды могут субъективно обесценить правила, придав им меньший вес). Автор предлагает применять в антикоррупционных стратегиях лучшее из двух миров — деонтологии и утилитаризма, сосредоточившись на христианских нормах и ценностях; активировать критическое сознание и усилить участие церкви в антикоррупционном просвещении, провести социальное обновление закона и образования [14].

Как источник первопричины многочисленных социальных и экономических недугов, коррупция рассматривается М. Сартором и П. Бемишем (M. A. Sartor, P. W. Beamish). Авторы, исследуя взаимосвязи коррупции как в государственном, так и в частном секторе,

обобщают таксономии описания природы коррупционной деятельности этическими теориями. Они систематизируют научные знания о компонентах коррупции и последствиях коррупции, уделяют особое внимание изучению частной коррупции в антикоррупционных программах, поскольку это важно для любой оценки роли бизнеса в обществе и воздействия фирм, корпораций на среду коррупции [13].

Исследуя причины и последствия коррупции последнего десятилетия, Е. Димант и Дж. Тосато (E. Dimant, G. Tosato) представляют роль Интернета и влияние коррупции на человеческий капитал в современном бытии, эффекты «заражения» коррупцией от соседних стран. Анализируя многогранность феномена «коррупция», рассматривают причинно-следственную связь коррупции и природное богатство: проклятие ресурсов, выделяют трансформацию данного явления в «петлю обратной связи» — из коррупционных последствий в новый коррупционный эффект [4].

Программа антикоррупционного просвещения, разработанная А. Р. Менокал (A. R. Menocal), констатирует важность понимания коррупции, факторов, которые способствуют условию роста коррупции и ее воспроизводства, осмысления широких последствий коррупции, и выделяет реперные точки коррупционного процесса: институциональная слабость; природные богатства и их влияние на коррупционные процессы (так называемое «проклятие ресурсов»); коррупция и международная помощь; коррупция и демократия; коррупция в государственном секторе [6].

Значение философской мысли в исследовании феномена коррупции для выработки современных антикоррупционных профилактических мер актуализирует С. Миллер (S. Miller), выделяя проблемы коррумпированного населения, роль коррупции в коррозии гражданских добродетелей, что, в свою очередь, ведет к нравственным оценкам коррупционных процессов, при этом коррупция

понимается как одна из разновидностей безнравственности [7]. Рассматривая различные виды, институализацию коррупции и ее парадигмальные варианты, автор говорит о создании обязательной схемы антикоррупционных стратегий сотрудничества на международном уровне против коррупции, коррупционных действий, которые включает чрезвычайно разнообразный набор типов нарушений моральных норм и юридических правонарушений, совершаемых в самых разных институциональных контекстах. Автор подчеркивает *этический* контекст современных подходов в борьбе с коррупцией, которые в литературе часто именуются «системами добросовестности» [7].

Отечественные ученые также представляют философский анализ в осмыслении феномена коррупции в широком смысле, в осознании его влияния на национальную безопасность и устойчивое развитие страны. Так, М. О. Изотов характеризует феномен коррупции как противоправное, антисоциальное явление, выделяет признаки коррупционного поведения: корыстный характер и мотив правонарушителя получить незаконно выгоду в виде денег, имущества и иных благ для себя или для третьих лиц. Ученый подчеркивает роль философского анализа в исследовании влияния коррупции на функционирование и развитие общественных систем, национальную безопасность, а также способность коррупции к приспособлению к условиям противодействия [5]. Д. Ш. Цырендоржиева и К. В. Лугавцов актуализируют исследования в социально-философском контексте коррупционных механизмов во внутренних и внешних деструктивных воздействиях на риски общества, повседневную жизнь индивидов, национальную безопасность [15]. Е. Я. Яковлева осмысливает рост коррупционных рисков в общественном сознании современной молодежи множеством симуляций и симулякров, средствами массового тиражирования гламура сетевыми интернет-ресурсами [16]. К. Х. Момджян (2021) предлагает придержи-

ваться *аксиологического* контекста: «валюативная философия может и должна способствовать выработке приемлемых форм ценностного консенсуса, способного уменьшить риск насильственной конфронтации. Решения ориентационно-адаптивных задач возможно лишь при наличии консенсуса в понимании ключевых проблем рефлексивной социальной философии» [9, с.34].

Из краткого теоретического обзора проблем коррупции и коррупционной деятельности в дезорганизации социальных процессов современности актуализируется проблема смыслоопределяющей максимы *антикоррупционного просвещения*: например, И. И. Бикеев и П. А. Кабанов (2019), анализируя реализацию программ антикоррупционного просвещения, характеризуют правовое статусное различие видов антикоррупционной просветительской деятельности, актуализируют проблему построения смысловой определенности учебного содержания - маршрута понимания коррупции (коррупционной деятельности, коррупционных рисков), определение формата реализации и распространения антикоррупционного просвещения [2], а А. Л. Сафонов, и Я. В. Бондарева (2020) обозначают роль философии в создании оснований для формирования интерсубъектного знания в механизме формирования научного знания [12].

Изложенные факторы ориентируют философскую науку на активное участие в междисциплинарных комплексах антикоррупционного просвещения и образуют цель и задачи данной работы. Цель нашего исследования направлена на формулирование алгоритма философского анализа коррупции как методологического инструмента, используемого в антикоррупционном просвещении в рамках образовательного процесса.

Философская рефлексия и противодействие коррупции. Философия, как известно, входит в корпус наук «теоретического обществознания» (К. Х. Момджян), изучающих общество как сложную целостную систему

в виде генерализирующей науки об общественной жизни и ее рассмотрения в системности и исторических формах осуществления. Предметом философского познания (в особенности — социальной философии) являются «предельные основания праксеологического отношения человека к миру, создающие особую подсистему окружающей и охватывающей нас реальности — социум» [8, с.78]. Налицо серьезная праксеологическая заявка философии, в нашем случае — в области концентрации научно теоретических практических знаний на осмысление коррупции и коррупционной деятельности в дезорганизации культурного и социального бытия людей, а также в антикоррупционной просветительской деятельности. Последняя, в свою очередь, требует солидных научных знаний о влиянии коррупции на социальные процессы, и наоборот, о влиянии этих социальных процессов на уровень и рост коррупции. Данные факторы обуславливают *позицию философии* в диалектике противодействия коррупции как позицию понимания и осмысления феномена коррупции в предельно обобщенном виде — на уровне общественного бытия, государственного развития, глобализационных процессов и т.д.

Роль философии в антикоррупционном просвещении. Становление гражданского самосознания у представителей молодого поколения — важная прикладная образовательная задача, поскольку именно от умонастроений и ценностных ориентаций молодежи зависит не только социальная и экономическая стабильность общества будущего, но и благополучие, процветание нации и государства в целом. Философия является ключевым компонентом социально-гуманитарного блока антикоррупционного просвещения, поскольку она является фундаментальной составляющей классического университетского образования. Впрочем, антикоррупционное просвещение во всех аспектах — один из важных инструментов антикоррупционной деятельности.

Философская рефлексия как форма понимания современной коррупции в наиболее общем смысле формирует способность рационально, критически — конструктивно размышлять о сущности коррупции в глобальном мире, то есть осмысливать влияние коррупции на взаимосвязи и взаимозависимости между субъектами, в роли которых могут выступать страны, регионы, государства, отдельные сферы хозяйства или конкретные люди. Таким образом, *роль философии в системном комплексе антикоррупционного просвещения* определяется нами наполнением содержанием теоретического общественнознания, философскими концепциями деструктивной роли коррупции в ослаблении государства, установлением факторов и условий возникновения коррупции.

Задачи философии в антикоррупционном просвещении. Разработка содержания дидактики антикоррупционного просвещения определяет научно-практические задачи философии: *во-первых*, по разработке теоретических конструкций осмысления природы коррупции в блоках социальной философии, философской антропологии, философии истории; *во-вторых*, по обобщению причин и последствий коррупции в системности и исторических формах осуществления; *в-третьих*, по поиску научных решений в осмыслении природы современной коррупции и ее влияния на системное функционирование социального организма различных государств. Одна из особенностей философии в данном контексте состоит в том, что она решает задачу теоретического отражения и осмысления сущего, что выражается через рационально-рассудочную деятельность (вспомним рассуждения Л. Фейербаха о сущности и видимости в случае с каплей росы, которую поэзия превращает в бриллиант, а философия исследует ее рассудком).

Социально-философский анализ коррупции. Современные исследователи, рассматривая социально-философский анализ в существующей системе методов научного познания,

выделяет его функциональный потенциал для выработки программ и концепций социального развития России на современном этапе и констатирует особое место в исследовании отношений социальной реальности посредством рассмотрения исторически однородной уникальности общественной жизни. Так, В. П. Беркут отмечает, что объектом социально-философского анализа выступает общество как способ и результат взаимодействия людей друг с другом и с окружающим миром, постоянно изменяющаяся действительность общественной жизни; предметом выступает отношение субъекта к объекту, знание всеобщего о целостности общественного (коллективного, группового, совместного) бытия, об условиях и факторах его развития; социальные процессы и явления, вызванные человеческой деятельностью [1, с.16].

Социально-философский анализ как частнонаучный метод познания позволяет провести обществоведческий срез философского знания о влиянии коррупции на динамику общественных процессов, о проблемах общественного бытия. Как известно, ядро общественного бытия образует способ производства, а коррупция и элементы коррупции имплицитно присутствуют в отношениях, в которые люди вступают в процессе этого производства, при этом она существенно влияет и на качество жизни, и на развитие в целом во всех его проявлениях — экономических, социальных, культурных. Следовательно, *исследование коррупции в фокусе социально-философского анализа направлено на: а) исследование коррупции и коррупционных элементов в обществе; б) влияние коррупции на общественное сознание.*

Поскольку человек реализует себя как личность, прежде всего в обществе, постольку вопросы общественного развития и путей его изменения чрезвычайно важны как для отдельного человека, так и всего человечества. Коррупционная деятельность возникает в процессе взаимодействий между людьми и может повлечь за собой такие преобразования, которые становятся угрозой

существованию самого человечества. Все это обуславливает *предмет социально-философского анализа феномена коррупции, который включает условия и факторы развития коррупции в социальных процессах, виды коррупции в социальных структурах, связь акторов (субъектов) коррупции.*

«Одной из особенностей социально-философского анализа выступает то, что научные суждения субъекта познания о социальной реальности неотрывны от ценностных мировоззренческих выводов» [1, с.19]. Социально-философский анализ *гносеологической* интерпретации феномена коррупции образует теоретико-методологическую основу, неразрывно связанную с *аксиологическими* проблемами, с выявлением субъектом познания влияния коррупции на становление ценностных смыслов в социальных реальностях. Социально-философский анализ в осмыслении коррупции в широком смысле позволяет исследователю дополнять его совокупностью разнообразных методов, принципов, теорий и взглядов. Применение данного метода в антикоррупционном просвещении дает возможность не только осуществлять анализ причин и последствий коррупции, но и давать оценку функциям коррупции, ее элементам в общественных процессах. *Диалектика противодействия коррупции* подчиняется принципам развития, всеобщей связи, тождества (единства) диалектики, логики и теории познания, восхождения от абстрактного к конкретному, единства логического и исторического.

Структура социально-философского анализа как метода исследования коррупции отвечает задачам сбора, систематизации и преобразования информации о феномене коррупции в широком смысле и его влиянии на общество, на трансформацию общественного сознания. Можно выделить следующие *компоненты* социально-философского анализа коррупции: *концептуальный*, который прокладывает путь рефлексии коррупции от теоретических воззрений о данном явлении в социальных структурах общества до анализа

практических коррупционных деяний; *операционный*, который направляет мысль субъекта на раскрытие сущности коррупции, (особенностей родовых элементов коррупции, характеристики видов коррупции, и форм коррупционных благ); *логический* компонент фиксирует результаты взаимодействия объекта и средств познания, способствует осмыслению последствий коррупции, коррупционных рисков.

Непонимание проблем коррупции как социально негативного явления в широком смысле расширяет деятельность субъектов коррупции, усиливает наращивание коррупционных инструментов дезорганизации социальных структур, направленных на ослабление субъекта, социальной структуры общества и государства. Понимание проблем коррупции в широком смысле нельзя задать а priori, заранее, до анализа индивидуальной, уникальной конкретики опыта непонимания коррупции, поскольку у каждого стремящегося к пониманию — своя (по Платону), «пещера», тем более в современной реальности воздействия интернет-технологий, создающих иллюзию теней в пещере каждого субъекта, особенно молодежи [11, с. 295—296]. Следовательно, сегодня необходимо конструировать модели и алгоритмы философской рефлексии коррупции в рамках антикоррупционных дискуссий в образовательных системах.

Алгоритм социально-философского анализа В. П. Беркута представляет философскую рефлексию «от движения научной мысли исследования общества как явления к раскрытию его сущности (особенностей, характеристик), а затем — к выявлению внутреннего единства структурных элементов, механизма их взаимодействия между собой и объектами социальной и природной реальности» [1, с.18]. С учетом данного подхода можно предложить построение *линейного алгоритма* социально-философского анализа коррупции в рамках антикоррупционной просветительской деятельности, как последовательный путь: от анализа обыденного

понимания феномена коррупции к более глубокому его осмыслению в философско-исторической ретроспективе (включая современность), к выявлению внутреннего единства структурных элементов коррупции, коррупционной деятельности в социальных процессах, к анализу механизмов взаимодействия акторов (субъектов) коррупции, с раскрытием их сущностных характеристик в глобализационных процессах.

В ходе исследования сделаны выводы, которые целесообразно упорядочить по значимости.

1. Констатация социальных угроз коррупции на современном этапе не является безосновательным преувеличением или философской гиперболой. Она базируется на оценке тех объективных коррупционных процессов, которые происходят в обществе и составляют проблемное поле социодинамики XXI века. Коррупция обостряет социальные проблемы (экологические; проблемы войны и мира; терроризма и борьбы с ним; бедности; безработицы; голода; освоения всех видов ресурсов; перенаселения; массовизации коррупционной культурой и т.д.).

2. Построение объяснительных моделей природы коррупции и коррупционной деятельности, обладающих определенным прогностическим потенциалом, требует интегрального соединения рефлексивной социальной философии и валкуативной философии в междисциплинарных программах антикоррупционного просвещения.

3. Социально-философский анализ усиливает праксеологические возможности концепций антикоррупционной просветительской деятельности в гуманитарном образовании и способствует осмысленно конструировать цели акторов (субъектов) коррупции в дезорганизации социальных процессов, в ослаблении национальной, социальной безопасности государства. Осмысление коррупции в широком смысле выстраивает путь «к пониманию *предкоррупционных ситуаций*, которые складывается до совершения коррупционного деяния» [3, с.142].

4. Подготовка педагогических кадров, владеющих теоретико-методологическими и методическими инструментами противодействия коррупции, способствует целенаправленному формированию общественного сознания в рамках школьного образования.

5. Интеграция концепций антикоррупционного содержания в программы вузовских дисциплин (особенно педагогических профилей) требует разработки единых подходов к наполнению содержанием комплексов антикоррупционного просвещения, в том числе — философской мыслью. Наиболее благодатными дисциплинами в этом отношении являются философия, этика, теология, религиоведение, история и другие дисциплины социально-гуманитарного цикла.

Литература

1. Беркут В. П. Социально-философский анализ в методологии научного познания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 1. С. 14—23.
2. Бикеев И. И., Кабанов П. А. Антикоррупционное просвещение: вопросы теории и практики: в 3 т. Т. 3. Казань: Познание, 2019. 240 с.
3. Бурмакин В. М. Коррупционные и предкоррупционные ситуации (социально-философский аспект) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9. № 5А. С. 139—147.
4. Dimant Eugen, Tosato Guglielmo. Causes and Effects of Corruption: What has Past Decade's Empirical Research Taught us? A Survey // Journal of Economic Surveys. 2016. Vol. 32, № 2. P. 335—356.
5. Изотов М. О. Коррупция в современной России: социокультурные основания и формы проявления: автореф... дис. канд. филос. наук. Иваново, 2012. 24 с.
6. Menocal Alina. Why corruption matters: understanding causes, effects and how to address them. Evidence paper on corruption. DFID Eviden. 2015. 89 с.
7. Miller Seumas. Corruption [Electronic resource] // Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. Edward N. Zalta. 2018. URL <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/corruption/> (дата обращения 06.05.2021).
8. Момджян К. Х. О ситуации в современном теоретическом общественном сознании, или кризис фрагментации и как с ним бороться // Личность, культура, общество. 2002. Т. IV. Вып. 3—4. С. 76—92.
9. Момджян К. Возвращаясь к поиску истин: еще раз о состоянии современной социальной философии // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 29—41.
10. Нисневич Ю. А. Коррупция в исторической ретроспективе с уточнениями и дополнениями // Общественные науки и современность. 2015 № 3 С. 90—100.
11. Платон. Государство. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990—1994. Т. 4 / [пер. с древнегреческого А. Н. Егунова и др.]. 1994. 830 с.
12. Сафонов А. Л., Бондарева Я. В. «Удушающая любовь» неклассики или анализ причин превращения фундаментальной науки в мифологию // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 3(53). С. 27—38.
13. Sartor Michael, Beamish Paul. Private Sector Corruption, Public Sector Corruption and the Organizational Structure of Foreign Subsidiaries // Journal of Business Ethics. 2020. 10.1007/s10551-019-04148-1.
14. Vorster Schalk W. (2013). Fighting corruption — a philosophical approach // In die Skriflig. № 47(1). P. 266—272.
15. Цырендоржиева Д. Ш., Лугавцов К. В. Коррупция как угроза национальной безопасности: осмысление в терминах теории риска // Тамбов: Грамота, 2017. № 11(85). С. 187—189.
16. Яковлева Е. Л.: 1) Коррупционные риски гламурной идеологии // Вестник развития науки и образования. 2017. № 5—6. С. 92—101; 2) Философское осмысление специфики гламурной идеологической конструкции // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. Т. 18. № 1(41). С. 90—101.

Поступила 09.05..2021

Бондарева Яна Васильевна — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета (Россия, 127224, Московская область, г. Мытищи), yav.bondareva@mgou.ru

Бурмакин Владислав Михайлович — аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета (Россия, 127224, Московская область, г. Мытищи), 7204964@mail.ru

References

1. Berkut V. P. Social'no-filosofskij analiz v metodologii nauchnogo poznaniya [SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS IN OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE METHODOLOGY] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2016. № 1. S. 14—23.
2. Bikeev I. I., Kabanov P. A. Antikorrupcionnoe prosveshchenie: voprosy teorii i praktiki: v 3 t. T. 3. Kazan': Poznanie, 2019. 240 s.
3. Burmakin V. M. Korrupcionnye i predkorrupcionnye situacii (social'no-filosofskij aspekt) [CORRUPTION AND PRE-CORRUPTION SITUATIONS (SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT)] // Kontekst i refleksija: filosofija o mire i cheloveke. 2020. T. 9. № 5A. S. 139—147.
4. Dimant Eugen, Tosato Guglielmo. Causes and Effects of Corruption: What has Past Decade's Empirical Research Taught us? A Survey // Journal of Economic Surveys. 2016. Vol. 32, № 2. P. 335—356.
5. Izotov M. O. Korrupcija v sovremennoj Rossii: sociokul'turnye osnovanija i formy projavlenija: avtoref... dis. kand. filos. nauk. Ivanovo, 2012. 24 s.
6. Menocal Alina. Why corruption matters: understanding causes, effects and how to address them. Evidence paper on corruption. DFID Eviden. 2015. 89 s.
7. Miller Seumas. Corruption [Electronic resource] // Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. Edward N. Zalta. 2018. URL <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/corruption/> (data obrashhenija 06.05.2021).
8. Momdzhjan K. X. O situacii v sovremennom teoreticheskom obshhestvoznani, ili krizis fragmentacii i kak s nim borot'sja [ON SITUATION IN CONTEMPORARY THEORETICAL SOCIAL SCIENCES, OR CRISIS OF FRAGMENTATION AND HOW TO ATTACK IT] // Lichnost', kul'tura, obshhestvo. 2002. T. IV. Vyp. 3—4. S. 76—92.
9. Momdzhjan K. Vozvrashhaj'sja k poisku istiny: eshhe raz o sostojanii sovremennoj social'noj filosofii [RETURNING TO THE SEARCH FOR TRUTH: ONCE AGAIN ON THE STATUS OF CONTEMPORARY SOCIAL PHILOSOPHY] // Voprosy filosofii. 2021. № 2. S. 29—41.
10. Nisnevich Ju. A. Korrupcija v istoricheskoj retrospektive s utochnenijami i dopolnenijami [HISTORICAL RETROSPECTION OF CORRUPTION: SPECIFIED AND SUPPLEMENTED] // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2015 № 3 S. 90—100.
11. Platon. Gosudarstvo. Sbornik sochinenij: v 4 t. M.: Mysl', 1990—1994. T. 4 / [per. s drevnegrecheskogo A. N. Egunova i dr.]. 1994. 830 s.
12. Safonov A. L., Bondareva Ja. V. «Udushajushhaja ljubov'» neklassiki ili analiz prichin prevrashhenija fundamental'noj nauki v mifologiju [«CHOKING LOVE» OF NON-CLASSICS OR ANALYSIS OF THE REASONS FOR THE TRANSFORMATION OF FUNDAMENTAL SCIENCE INTO MYTHOLOGY] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofija. 2020. № 3(53). S. 27—38.
13. Sartor Michael, Beamish Paul. Private Sector Corruption, Public Sector Corruption and the Organizational Structure of Foreign Subsidiaries // Journal of Business Ethics. 2020. 10.1007/s10551-019-04148-1.
14. Vorster Schalk W. (2013). Fighting corruption — a philosophical approach // In die Skriflig. № 47(1). P. 266—272.
15. Cyrendorzhieva D. Sh., Lugavcov K. V. Korrupcija kak ugroza nacional'noj bezopasnosti: osmyslenie v terminah teorii riska [CORRUPTION AS THREAT TO NATIONAL SECURITY: THE INTERPRETATION IN TERMS OF THE THEORY OF RISK] // Tambov: Gramota, 2017. № 11(85). S. 187—189.
16. Jakovleva E. L.: 1) Korrupcionnye riski glamurnoj ideologii // Vestnik razvitiya nauki i obrazovanija. 2017. № 5—6. S. 92—101; 2) Filosofskoe osmyslenie specifiky glamurnoj ideologicheskoy konstrukcii //

Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnej nauki
i obrazovanija. 2018. T. 18. № 1(41). S. 90—101.

Submitted 09.05..2021

Bondareva Yana Vasilievna — doctor of Philosophy, professor, Head of the Department of Philosophy, Moscow State Regional University (Russia, 127224, Moscow region, Mytischy), *yav.bondareva@mgou.ru*

Burmakin Vladislav Mihaylovich — postgraduate student at department of philosophy of Moscow Region State University, (Russia, 127224, Moscow region, Mytischy), *7204964@mail.ru*

К вопросу об идейно-теоретических источниках раннего славянофильства

Ю.С. Заложных

Московский государственный областной университет

semga@bk.ru

Анализируются основные идейные источники, явившиеся теоретической базой формирования славянофильского течения в первой половине XIX века. Рассмотрены такие источники славянофильства, как европейская философия и святоотеческая философско-богословская мысль, выявлены основные персоналии, на чье интеллектуальное творчество опирались ранние славянофилы, раскрыты их идейные представления, используемые русскими философами в своих теоретических рассуждениях. Приведены отличия между изучаемыми источниками и славянофильским мировоззрением.

Ключевые слова: славянофилы; традиция; общество; источники; европейская философия; богословская мысль.

Regarding the Ideological and Theoretical Sources of Early Slavophilism

Y.S. Zalozhnykh

Moscow Region State University

semga@bk.ru

The article analyzes the main ideological sources, which were the theoretical basis on which the formation of the Slavophil trend took place in the first half of the 19th century. The author considers such sources of Slavophilism as European philosophy and patristic philosophical and theological thought. The main personalities were identified, on whose intellectual creativity the early Slavophiles relied on, and their ideological ideas, used by Russian philosophers in their arguments, were revealed. In addition, the differences between the studied sources and the Slavophil worldview are given.

Keywords: slavophiles; tradition; society, sources; european philosophy; theological thought.

История развития отечественной философской мысли изобилует яркими страницами, оригинальными идеями и концепциями, глубочайшими дискуссиями по тем или иным проблемам, большинство из кото-

рых не потеряло своей актуальности и сегодня. Именно такой важнейшей вехой русской истории является интеллектуальное творчество славянофилов — неординарных русских мыслителей XIX века, оставивших

своим потомкам богатейшее интеллектуальное наследие. Славянофильство — значительный этап в духовном развитии России и ее народа, заслуживающий пристального рассмотрения, углубленного изучения, а также современной взвешенной и объективной оценки. Как «патриотическая линия в развитии мысли», славянофильство поставило узловые для российской действительности вопросы об историческом предназначении страны, самобытности русской культуры, уникальности российского вектора развития и самоидентификации русского народа [1, с. 513].

Методология исследования любого явления принципиально важным считает не только осмысление его содержания и характерных особенностей, но и выявление тех истоков и предпосылок, которые способствовали его возникновению. С этой точки зрения славянофильское направление, концептуально оформившееся в первой половине XIX века, безусловно, появилось не на пустом месте.

Каковы же основные идейно-теоретические источники, ставшие той базой, на которой в том числе происходило формирование славянофильского течения?

По нашему представлению, прежде всего необходимо назвать два важнейших источника: это европейская философия и свято-отеческая философско-богословская мысль. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Многие отечественные исследователи славянофильства (Е. Дудзинская, Т. Благова, Ю. Стенник, Ю. Янковский, М. Маслин, М. Широкова) сходятся во мнении, что направлениями европейской мысли, оказавшими основное влияние на формирование идейного багажа славянофилов, были европейский романтизм и немецкая классическая философия. «С середины XVIII века в России распространяются идеи Вольтера,

энциклопедистов, мистиков» [2, с. 24], определявшие интеллектуальные потенции и мировоззрение русских мыслителей. Именно просветительскими теориями Ш.Л. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, К.А. Гельвеция и П. Гольбаха вдохновлялись декабристы в разработке своих программ по преобразованию России. Поражение их восстания в 1825 г. резко «снизило престиж этого направления в российском обществе» и способствовало «вытеснению влияния философии французских просветителей и переориентации русской мысли на новейшую немецкую философию» [3, с. 131]. Славянофилы на начальном этапе своего становления стали примером развития общественного устроения, проникнутого идеями Шеллинга и Гегеля.

Первоначальную «прививку» западноевропейской философией старшие славянофилы — А. Хомяков и И. Киреевский — получили в литературно-философском кружке «Общество любомудрия» (1823—1830)¹, который занимался критическим разбором просветительских идей и противопоставлением им немецкой идеалистической философии и романтизма. Участники кружка связывали «перспективы просвещения России вообще и развития русской философской культуры в частности» главным образом с философией Шеллинга [4] и идеями иенских романтиков. Так, по верному замечанию современного ученого М. А. Широковой, романтизм в этот период «явился своеобразной формой художественно-философской критики противоречий буржуазной цивилизации, всех присущих ей «пороков» — от рационализма и индивидуализма до «индустриализма» [5, с. 92]. Западная Европа трактовалась романтиками как мир, утративший свое внутреннее единство и гармонию, как некий «эквивалент Хаоса», порождавший революционные бурления в обществе. Славянофилы, настаивавшие в свою очередь

¹ URL:<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01a9e6f27d561d7505da73a9> (дата обращения: 01.03.2021).

на духовном кризисе европейского мира, констатировали, что он зашел в тупик, и перечисляли его основные пороки: обуржуазивание жизни, обездушивание человека, превращение социума в массу отдельных эгоистичных индивидов. Таким образом, в оценке западного мира на лицо явная переключка взглядов романтиков и ранних славянофилов.

Вслед за романтиками славянофилы настаивали на идее национальной самобытности и осознании уникальности своих культурных и социально-политических условий [5, с. 92]. Философы отмечали, что русская земля обладает собственными, уникальными жизненными основаниями, для нее характерны иные географические, исторические, религиозные и культурные особенности. Не без влияния философии романтизма, Западная Европа рассматривалась славянофилами как цивилизационное основание, достигшее в своем развитии апогея. Кроме этого от романтиков представителями славянофильского течения был воспринят один из основных принципов, используемых ими для построения собственной схемы развития общества, — органицизм. При определенной общности взглядов необходимо выявить и существенные различия романтизма и славянофильства: это понятия соборности, общинности и хорового начала, противопоставление идеи народа понятию «сверхчеловека», отсутствие темы «мирового зла» и др.

Важным идейным источником, давшим толчок славянофильским поискам, явились философские искания Ф. Шеллинга. И. Киреевский был лично знаком с немецким мыслителем и слушал в г. Берлине его лекции. Именно под влиянием Шеллинга были написаны такие статьи мыслителя, как «Деятельный век» и «О характере просвещения в Европе и об его отношении к просвещению в России». В юности увлекался Шеллингом, но в меньшей степени, чем И. Киреевский, и другой основоположник славянофильства — А. Хомяков.

Славянофилов интересовали философия природы, система трансцендентального идеа-

лизма, философия тождества и откровения Шеллинга, его идея интеллектуальной интуиции и основанная на ней концепция всеобщей духовности и Абсолюта [6, с. 28—29]. Постепенно ранние славянофилы преодолели влияние немецкого мыслителя и подвергли его представления переосмыслению. По верному замечанию А. М. Пескова, славянофилы поставили на место «твердых начал» немецкой философии веру русского народа — Православие. Они критиковали идею ума как единственного критерия самопознания и просвещения; противопоставляли западному индивидуализму гармонию единства; выдвинули теорию о том, что Россия есть носитель идеи христианского единения и будущий духовный лидер человечества в достижении всемирного христианского братства [7, с. 90—92].

Отмечая явную идейную связь славянофилов с философией Шеллинга, считаем вместе с тем правильной и справедливой мысль А. В. Гулыги: «Славянофильство в определенной мере получило первотолчок от Шеллинга, но дальнейшая его эволюция увела за пределы, положенные немецким философом» [8, с. 297]. Иными словами, можно утверждать, что на начальном этапе славянофилы находились под интеллектуальным влиянием Шеллинга, но дальнейшее развитие их философских представлений являлось процессом самостоятельного творчества.

Среди теоретических источников формирующегося славянофильства значимое место занимает философия Г. В. Ф. Гегеля. Диалектика немецкого мыслителя была переосмыслена славянофилами и использовалась ими в методологических разработках исторических, политических, богословских вопросов. При этом можно отметить, что среди ранних славянофилов отношение к Гегелю разнилось. Так, К. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин пережили этап преклонения перед ним (их даже называли «православными гегельянцами»), а А. С. Хомяков и И. В. Киреевский, признавая выдающуюся роль философа, в целом были настроены более критично.

Славянофилов привлекала идея Гегеля о единстве и преемственности мировой истории, в соответствии с которой мировой дух развивается через развитие духов отдельных народов. Отсюда, по представлению Н. И. Цымбаева, мысль славянофилов об особом предназначении России логично вытекает из этой схемы развития [9, с. 97].

Признавая гегелевскую систему высшей точкой западного просвещения, славянофилы все же считали невозможным основывать развитие философии исключительно на рационализме. И. Киреевский писал, что разум, действуя сам по себе, дает лишь отвлеченное знание, «могущее быть одинаково употребленным на пользу и на вред, на служение правде или на подкрепление лжи» [10, с. 160]. Иными словами, славянофилы настаивали на том, что эта мыслительная система не учитывает веру и особенности духовной жизни личности, а также обладает этической нейтральностью, вследствие чего она не может претендовать на обладание полнотой истины.

Фактом, признаваемым большинством исследователей, является значительное влияние идей немецких романтиков — Шеллинга и Гегеля — на формирование корпуса славянофильских представлений. Однако важно отметить, что это не может служить основанием для вывода о вторичности славянофильства по отношению к европейской философской мысли. Мы разделяем позицию Н. А. Бердяева, считавшего славянофильство «первой самостоятельной идеологией», а славянофилов «теми русскими людьми, которые не только усвоили себе европейско-всемирную культуру, но и пытались в ней творчески участвовать... прошли через Шеллинга и Гегеля — эти вершины европейской мысли той эпохи», а «главная заслуга и своеобразие славянофилов <...> в том, что они впервые отнеслись к западным и мировым идеям творчески и самостоятельно» [11, с. 3]. Иными словами, славянофилы, усваивая идеи европейских филосо-

фов, не переносили их формально на российскую действительность, а переосмысливали и развивали в своем дальнейшем творчестве.

Вторым важнейшим идейным источником славянофильства является святоотеческая философско-богословская мысль, в которой сами мыслители видели основу для сохранения православной русской культуры [12, с. 32]. Подробно касается этого вопроса прот. Г. Флоровский, писавший: «Совершенно очевидно серьезное знакомство Хомякова с отеческими творениями, с историей древней Церкви вообще. Святых отцов в сороковые годы многие читали в славянофильских кругах, даже люди, по складу своему к такого рода чтению и не предрасположенные» [13, с. 348]. Славянофилы в лице А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина сами всегда отмечали близость своих идей к византийскому богословию: прежде всего к Иоанну Дамаскину, Иоанну Златоусту, Максиму Исповеднику, а также к деятелям русской православной церкви — Илариону, Нилу Сорскому, Серафиму Саровскому, Максиму Греку [25].

Многие современные исследователи подчеркивают общность мировоззренческих идей восточного христианства, с его тенденцией к онтологизации истины, — философским представлениям славянофилов. В размышлениях — о том, что истина не может оставаться лишь в сфере теории, что она «причастна бытию», ибо человек не просто разумом познает истину Откровения, но и сам «входит в истину», «живет в истине», — прослеживается прямая связь с рассуждениями славянофилов о «цельности» знания и личности, которая стремится обладать им [22, 23, 24]. На близость к патристической традиции (особенно это касается преподобного Максима Исповедника) понимания А. С. Хомякова в его разработке термина «свободы» как самоосуществления в общении и соединении с Богом, указывает С. С. Хоружий [14, с. 163].

Опираясь на тексты отцов церкви («Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Моление Даниила Заточника», поучение Максима Грека и Нила Сорского), славянофилы восприняли идею построения идеального общества, в котором, помимо прочего, через воспитание личности будет реализована главная христианская заповедь о любви к Богу и к своему ближнему [15, с. 19]. Мыслители отстаивали точку зрения, что святоотеческая философско-богословская мысль может быть мировоззренческой опорой как для современного им общества, так и для будущего, а идеи, высказанные церковными учителями, «могут быть живительным зародышем и светлым указателем пути» для всей русской культуры [16, 17, 18].

Таким образом, славянофильское течение, ставшее важнейшим этапом в развитии русской общественной мысли, базировалось в начальном периоде становления на нескольких идейно-теоретических источниках, а именно на философских исканиях иенских романтиков Ф. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля, а также на святоотеческой философско-богословской мысли, к которой относятся: византийское богословие Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста, Максима Исповедника и рассуждения деятелей русской православной церкви — Илариона, Нила Сорского, Серафима Саровского, Максима Грека. Эта религиозно-философская база была творчески переосмыслена славянофилами и получила развитие в дальнейших интеллектуальных изысканиях [19, 20, 21].

Литература

1. История философии: Запад—Россия—Восток: учебник для вузов: в 4 кн. Кн. 2: Философия XV—XIX вв. / под ред. Н.В. Мотрошиловой. М.: Греко-латинский кабинет, 1996. 557 с.
2. **Каплин А. Д.** Мировоззрение славянофилов. История и будущее России. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 448 с.
3. История русской философии / Ред. кол.: М. А. Маслин [и др.]. М.: Республика, 2001. 639 с.
4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Предс. науч.-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010.
5. **Широкова М. А.** Теоретические источники политической философии славянофильства // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 91—96; URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-istochniki-politicheskoy-filosofii-slavyanofilstva/viewer> (дата обращения: 01.03.2021).
6. **Митрошенков А. О.** Философия славянофилов в современной российской историко-философской литературе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2003. 23 с.
7. **Песков А. М.** У истоков русского философствования: шеллингианские таинства любомудров // Вопросы философии. 1994. №5. С. 90—92.
8. **Гулыга А. В.** Шеллинг. М.: Соратник, 1994. 316 с.
9. **Цимбаев Н. И.** Славянофильство (Из истории русской общественно-политической мысли XIX в.). М.: МГУ, 1986. 274 с.
10. **Киреевский И. В.** Обзор современного состояния литературы // Полн. собр. соч.: в 2 т. / Под ред. М.О. Гершензона. Т. 1: Тип. Императорского московского университета. М. 1911. С. 121—173.
11. **Бердяев Н. А.** Алексей Степанович Хомяков. М.: Высшая школа, 2005. 239 с.
12. **Маслин М. А.** Русская философия как единство в многообразии // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. № 2. М.: Фонд ИСЭПИ, 2016. С. 9—49.
13. **Флоровский Г. В.** Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
14. **Хоружий С. С.** Алексей Хомяков: учение о соборности и Церкви // Богословские труды. Вып. 37. М.: Изд. МП, 2002. С.153—179.
15. **Благова Т. К.** Родоначальники славянофильства. А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. М.: Высшая школа, 1995. 352 с.
16. **Бондарева Я. В.** Методологические традиции всеединства и православного энергетизма

в поисках онтологической целостности (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2011. № 3. С. 16—21.

17. **Бондарева Я. В.** Отечественная религиозно-философская антропология: антиномия свободы и детерминизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 1. С. 47—53.

18. **Бондарева Я. В., Устинов О. А.** Религиозно-философская антропологическая парадигма в русской философии XIX — начала XX века: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 159—171.

19. **Бондарева Я. В., Фурсова В. Э.** Идея синергии как основа антропологии целостности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 2. С. 63—69.

20. **Бондарева Я. В.** Антропологические основы русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 75—82.

21. **Бондарева Я. В.** Мировоззренческие основы научного познания // Молодой исследователь: вызовы, поиски и перспективы развития российского образования: сборник материалов XX Международной научно-практической конференции аспирантов и молодых исследователей. 2017. С. 22—28.

22. **Бондарева Я. В.** Единство веры и знания как базовый гносеологический принцип русской религиозной философии XI — середины XIX веков (статья первая) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 1. С. 19—22.

23. **Kostadinovich D. D., Bondareva Ya. V.** Dialogue as a method of modern education // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2020. № 2. P. 27—34.

24. **Mikoshiba M., Bondareva Ya. V.:** 1) «Russian wanderer in the spiritual worlds», or F. M. Dostoevsky's creative activity in the context of Russian Religious Philosophy // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2021. № 1. P. 16—22; 2) Meth-

odological features of Russian Religious Philosophy // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2020. № 4. P. 64—71.

25. **Mikoshiba M., Bondareva Ya. V.** The synthesis of mysticism and rationalism as a paradox of Russian Religious Philosophy // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2020. № 3. P. 55—62.

Поступила 24.05.2021

Заложных Юлия Сергеевна — преподаватель-исследователь по направлению философия, этика и религиоведение, Московский государственный областной университет (Россия, 127224, Московская область, г. Мытищи), заведующий экспозиционно-выставочным отделом Калужского музея изобразительных искусств (Россия, 248012, Калуга, ул. Кубяка, 9, кор.4, кв. 22), semga@bk.ru

References

1. Istorija filosofii: Zapad—Rossija—Vostok: uchebnik dlja vuzov: v 4 kn. Kn. 2: Filosofija XV—XIX vv. / pod red. N.V. Motroshilovoj. M.: Greko-latinskij kabinet, 1996. 557 s.
2. Kaplin A. D. Mirovozzrenie slavjanofilov. Istorija i budushhee Rossii. M.: Institut russkoj civilizacii, 2008. 448 s.
3. Istorija russkoj filosofii / Red. kol.: M. A. Maslin [i dr.]. M.: Respublika, 2001. 639 s.
4. Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. / Preds. nauch.-red. soveta V.S. Stepin. 2-e izd., ispr. i dopol. M.: Mysl', 2010.
5. Shirokova M. A. Teoreticheskie istochniki politicheskoj filosofii slavjanofil'stva // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Barnaul: AltGU, 2002. S. 91—96; URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-istochniki-politicheskoy-filosofii-slavyanofilstva/viewer> (data obrashhenija: 01.03.2021).
6. Mitroshenkov A. O. Filosofija slavjanofilov v sovremennoj rossijskoj istoriko-filosofskoj literature: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Moskva, 2003. 23 s.
7. Peskov A. M. U istokov russkogo filosofstvovanija: shellingskije tainstva ljubomudrov // Voprosy filosofii. 1994. №5. S. 90—92.

8. Gulyga A. B. Shelling. M.: Soratnik, 1994. 316 s.
9. Cimbaev N. I. Slavjanofil'stvo (Iz istorii russkoj obshhestvenno-politicheskoj mysli XIX v.). M.: MGU, 1986. 274 s.
10. Kireevskij I. V. Obozrenie sovremennogo sostojanija literatury // Poln. sobr. soch.: v 2 t. / Pod red. M.O. Gershenzona. T. 1: Tip. Imperatorskogo moskovskogo universiteta. M. 1911. S. 121—173.
11. Berdjaev N. A. Aleksej Stepanovich Homjakov. M.: Vysshaja shkola, 2005. 239 s.
12. Maslin M. A. Russkaja filosofija kak edinstvo v mnogoobrazii // Tetradi po konservatizmu: Al'manah Fonda ISJePI. № 2. M.: Fond ISJePI, 2016. S. 9—49.
13. Florovskij G. V. Puti russkogo bogoslovija. M.: Institut russkoj civilizacii, 2009. 848 s.
14. Horuzhij S. S. Aleksej Homjakov: uchenie o sobornosti i Cerkvi // Bogoslovskie trudy. Vyp. 37. M.: Izd. MP, 2002. S.153—179.
15. Blagova T. K. Rodonachal'niki slavjanofil'stva. A.C. Homjakov i I.V. Kireevskij. M.: Vysshaja shkola, 1995. 352 s.
16. Bondareva Ja. V. Metodologicheskie tradicii vseedinstva i pravoslavnogo jenergetizma v poiskah ontologicheskoy celostnosti (k voprosu o metodologicheskikh osnovaniyakh russkoj religioznoj filosofii) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2011. № 3. S. 16—21.
17. Bondareva Ja. V. Otechestvennaja religiozno-filosofskaja antropologija: antinomija svobody i determinizma // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2014. № 1. S. 47—53.
18. Bondareva Ja. V., Ustinov O. A. Religiozno-filosofskaja antropologicheskaja paradigma v russkoj filosofii XIX — nachala XX veka: istoriko-filosofskij analiz // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. 2017. № 4. S. 159—171.
19. Bondareva Ja. V., Fursova V. Je. Ideja sinergii kak osnova antropologii celostnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2015. № 2. S. 63—69.
20. Bondareva Ja. V. Antropologicheskie osnovy russkoj religioznoj filosofii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2017. № 1. S. 75—82.
21. Bondareva Ja. V. Mirovozzrencheskie osnovy nauchnogo poznaniya // Molodoj issledovatel': vyzovy, poiski i perspektivy razvitiya rossijskogo obrazovaniya: sbornik materialov XX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii aspirantov i molodyh issledovatelej. 2017. S. 22—28.
22. Bondareva Ja. V. Edinstvo very i znaniya kak bazovyj gnoseologicheskij princip russkoj religioznoj filosofii XI — serediny XIX vekov (stat'ja pervaja) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2010. № 1. S. 19—22.
23. Kostadinovich D. D., Bondareva Ya. V. Dialogue as a method of modern education // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2020. № 2. P. 27—34.
24. Mikoshiba M., Bondareva Ya. V.: 1) «Russian wanderer in the spiritual worlds», or F. M. Dostoevsky's creative activity in the context of Russian Religious Philosophy // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2021. № 1. P. 16—22; 2) Methodological features of Russian Religious Philosophy // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2020. № 4. P. 64—71.
25. Mikoshiba M., Bondareva Ya. V. The synthesis of mysticism and rationalism as a paradox of Russian Religious Philosophy // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2020. № 3. P. 55—62.

Submitted 24.05.2021

Zalozhnykh Julia Sergeevna, teacher-researcher in philosophy, ethics and religious studies, Moscow State Regional University (Russia, 127224, Moscow region, Mytishchi), Head of exposition and exhibition department of Kaluga Museum of Fine Arts (Russia, 248012, Kaluga, ul. Kubyaka, 9, bld.4, 22), semga@bk.ru

«Вненаходимые пространства» технопарков позднего социализма

Н.П. Кнэхт

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

nataknekht@gmail.com

Автор пытается наметить пути построения новой, более глубокой онтологии Советского Союза как динамического взаимодействия человеческих и «нечеловеческих» акторов, создающих специфику «природы-культуры» позднего социализма. В статье рассматривается влияние военно-промышленного комплекса на географию и жизнь людей. Отталкиваясь от концепции «перформативного сдвига» (Алексей Юрчак), автор показывает, что советская карта отражает специфический меняющийся технонаучный объект, расположенный на границе Природы и Общества.

Ключевые слова: «поздний социализм», «пространства вненаходимости», техносфера.

«Non-discoverable-spaces» of full-fledged socialism's technological parks

N.P. Knekht

National Research University MIET

nataknekht@gmail.com

The author tries to outline the ways to build a new, deeper ontology of the Soviet Union as a dynamic interaction of human and «non-human» actors that create the specifics of the «nature-culture» of late socialism. The article examines the influence of the military-industrial complex on the geography and life of people. Starting from the concept of «performative shift» (Alexey Yurchak), the author shows that the Soviet map reflects a specific changing technoscientific object located on the border of Nature and Society.

Keywords: late socialism, non-discoverable spaces, technosphere.

Исследование советских реалий «позднего социализма» актуально для анализа других исторических и культурных контекстов. В более широком философском и методологическом аспектах они нередко представляют собой опыт критического переосмысления доминирующей сегодня в социальных науках эпистемологической парадигмы, об-

щепринятых аналитических моделей, понятий и категорий.

Особенно это касается изучения недавно закончившейся советской эпохи. История позднесоветского периода связана с процессами идеологического «перформативного сдвига» [9, с. 29—164]. В советском обществе сформировались особые социальные

пространства и появился особый вид взаимоотношений людей, природы и государства — «внеаходимость» и особый тип осуществления государственной власти — «политика внеаходимости» [9, с. 255—552]. Эти процессы, явления и объекты не открываются исследователю в оптике общепринятых моделей историко-научных и социально-политических исследований, которые, как правило, основаны на выявлении функционирования бинарных оппозиций (*«подавление-сопротивление; свобода-несвобода; правда-ложь, частное-публичное; позитивное-негативное»*) и пр. [7, с. 41—56]. Логика бинарных оппозиций упрощает и не «схватывает» более сложную — «внеаходимую» — повседневную реальность до и после распада Советского Союза.

Нильс Бор говорил: «Истины бывают ясные и глубокие. Ясной истине противостоит ложь. Глубокой истине противостоит другая истина, не менее глубокая» [3, с. 25]. То есть то, что воспринимается ясным в силу очевидности, при смене исследовательской позиции оборачивается «кажимостью». После распада Советского Союза также и то, что скрывалось за благопристойным фасадом официальной идеологии, стало проявляться и становиться общедоступным фактом. Во-первых, огромное количество фабрик, заводов, комбинатов и электростанций (что составляло материально-экономический базис СССР) было построено с использованием принудительного труда заключенных. Во-вторых, желание засекретить эти предприятия (большая часть которых работала на военную промышленность) приводило к появлению в стране множества «закрытых» поселков и городов — ЗАТО — закрытые административно-технические образования.

Глобальный вопрос: «Был ли обвал советской системы неожиданным?» — актуализирует и другие вопросы: «Что произошло с границами? Как изменились географический и культурный ландшафты? Что произошло с техносферой и технопарками?» Распад СССР спровоцировал бум исследований

культурного ландшафта России, однако совершенно неизученной осталась сфера военно-промышленного комплекса, его влияние на географию и жизнь обитателей этих земель.

Чтобы восполнить эти пробелы, имеет смысл изучить «симптомы» внутренних изменений, «невидимые зоны», «пространства внеаходимости». Для этого нужно изменить исследовательскую оптику: уйти от классических макросхем и универсальных категорий и обратиться к языку феноменологии, антропологии, этнографии, т.е. к изучению повседневных контекстов. Нас будет интересовать «период тридцатилетней советской истории с конца сталинского периода до начала перестройки (начала 1950-х — середина 1980-х годов)» [9].

Под советской системой мы будем понимать «совокупность социокультурных, политических, экономических, юридических, идеологических, официальных и неофициальных, публичных, личных и других видов отношений, институтов и смыслов, которые вплетены в пространство жизни людей» [6, 149—150]. В таком понимании система не эквивалентна понятиям государство, культура, общество, менталитет, т.к. включает в себя элементы, которые выходят за пределы этих понятий, не всегда видны государству, непонятны и неподконтрольны ему.

Развитие советской технауки сопровождалось созданием многочисленных НИИ (научно-исследовательских институтов) и НПО (научно-производственных объединений), которые финансировало государство в целях укрепления милитаристской мощи. Однако в пределах этих учреждений сотрудники обладали сравнительно высокой степенью творческой свободы. «В состоянии *«внеаходимости»* по отношению к авторитарному дискурсу находились даже те группы и сообщества, которые были частью государственной системы, пользовались государственным финансированием и привилегиями: инженеры, научные сотрудники, ученые.

В основном это, конечно, физики-теоретики (в отличие от физиков-прикладников). Они могли самостоятельно выбирать научную тематику и проводить исследования в условиях относительной независимости от идеологических ограничений и государственного контроля» [9, с. 278].

Это особое пространство создавалась благодаря свободному обмену научными идеями, дружбе, общим интересам и социальным практикам научных походов, пения под гитару, изучения археологии, альпинизма, походов на байдарках, чтения самиздатской литературы и пр. Результатом этих практик было создание *нового режима темпоральности*: время, проведенное внутри государственной системы, одновременно оказывалось временем, проведенным за ее пределами. Эту вненаходимость идеологического, символического, ментального порядка мы попытаемся соотнести с вненаходимостью социальной, географической, физической.

Социальные географы, психогеографы и антропологи различают понятие *пространства* вообще (space) и понятие конкретного *места* или *местоположения* (place). Согласно распространенному пониманию, пространство рассматривается как огромный «единый» фон, из которого как бы «вырезаются» конкретные «отдельные места». Таким образом, каждое конкретное *место* рассматривается как частный случай общего бесконечного пространства. Можно представить карту как большой пестрый ковер. Такой абстрактный взгляд противоречит реальному человеческому опыту. Человек никогда не воспринимает пространство целиком, а всегда в конкретном ограниченном «месте». Это место расположено не внутри пространства, а наоборот, место содержит в себе пространство, организует его.

Так и кажущаяся пространственно-временная однородность и тотальность системы

позднего социализма была повсюду пронизана необычными формами существования — закрытыми зонами. Государство их создавало, но полностью понять и описать не могло. В эпоху позднего социализма была популярна повесть братьев Стругацких «Пикник на обочине». Главный герой книги — Сталкер — это человек, который, нарушая запреты, проникает в *Зону* — таинственное, аномальное место. Позже *сталкерами* стали называть проводников, ориентирующихся в различных запретных и малоизвестных местах и территориях [10, с. 82—86]. Позднее это название распространилось на любителей индустриального туризма, которые посещали заброшенные объекты и города-призраки¹ с целью *увидеть* территорию *ногами* и удовлетворить исследовательский интерес (urban exploration). Так появилось гаптическое (осознательное) восприятие географического пространства.

В современной России «призраками» являются множество городов и поселков Крайнего Севера и Дальнего Востока, такие как Кадыкчан (Магаданская обл., 1943-2001), Хальмер-Ю (Коми, 1957-1993), Ынычкан (Якутия, 1937-2008), Иультин (Чукотский АО, 1953-1995) и др.

Кроме городов-призраков существуют по сегодняшний день закрытые города, города-невидимки. *Зону* из повести Стругацких можно рассматривать как метафору огороженных охраняемых территорий, реально существовавших в Советском Союзе. Это «лагерные *зоны*» закрытых атомных городов», и «зоны отчуждения» (Чернобыль). «Зона» была как бы дополнительным измерением всего советского пространства.

Только в центральной России их было семь: Центр разработки атомного оружия (**Арзамас—16**); Институт физики высоких энергий (**Серпухов—7**); Военно-биологический

¹ Города-призраки (ghost towns) — географические объекты, бывшие населенные пункты, покинутые жителями из-за спада экономической активности, природных и техногенных катастроф. Это «уцелевшие, но непригодные для жизни города, например, город Припять, население которого было эвакуировано в результате аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году» ([http://ru.wikipedia.org/wiki/Покинутые населённые пункты](http://ru.wikipedia.org/wiki/Покинутые_населённые_пункты)).

институт (Загорск—6); Дивизия ракетных войск стратегического назначения (Бологое—4); Радиолокационная станция дальнего обнаружения (Чехов—7); Полигон для испытаний лазерного оружия (Владимир—30); Центр подготовки космонавтов (Щелково—14).

Известно, что «мир технауки» является частью военной машины. «Закрытые города», АТС, радиолокационные станции, испытательные полигоны и другие подобные предприятия могли оказывать влияние на близлежащие области, на страну в целом — но при этом не были изображены на картах и не имели адреса — их именовали «почтовыми ящиками».

Так, например, город Саров (бывший Арзамас—16) — один из самых секретных городов России. Здесь находится Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ). Это важнейшее структурное подразделение Минатома. Когда жителям показали карту, где впервые был обозначен их город, один из арзамасских физиков заметил: «*Мы нигде не находимся*». Обитатели этого городка называли его просто привычным словом *Объект*.² Прежде на этом месте располагался знаменитый Саровский монастырь, который возник в самом начале XVIII века. На самом деле лишь небольшая часть города Сарова находится в Нижегородской области. Основная территория ядерного центра — там, где на всех картах значится Мордовский государственный заповедник.

По разным подсчетам в Советском Союзе существовало больше 60 закрытых городов, которые даже не были нанесены на карту. Граждане, проживающие в этих городах, давали подписку о неразглашении. В целях сохранения секретности закрытому территориально-административному обра-

зованию (ЗАТО) не давали уникальных названий, а лишь прибавляли цифры к наименованию областного центра. Благодаря этому крупные города служили своеобразным прикрытием для закрытых населенных пунктов.

Стройки социализма неизбежно сопровождались активным «перекраиванием» земель. Ландшафт Сибири предстает изрезанным различными историческими пластами, его время оказывается многослойным. Это время Сибири до освоения, до возникновения слова «Сибирь», затем период царизма, советское время, и наконец, «постсоветское» время. Показательна в этом отношении история образования города Братск. Город возник в связи со строительством Братской ГЭС на реке Ангаре. Вода Братского водохранилища затопила 119 населенных пунктов, в том числе и старый поселок Братск. Для местного населения это была настоящая трагедия.

Конечно, экологическая ситуация в подобных населенных пунктах была опасной. Поселение, созданное искусственно, захватывало и искажало большой кусок красивой земли; этот кусок был вырван из ландшафта. Климат, плотность населения, уклад жизни не имели для государства значения. Государство своими решениями создавало очередную технопарк (ЗАТО или рядовую АЭС) и агрессивно внедрялось в природную среду [5, с. 42—48].

Показательным примером является также Калининская АЭС, которая и сегодня ведет себя как «вненаходимое» пространство. К электростанции нельзя подойти вплотную, она «закрыта» для посторонних, однако ее присутствие угадывается по множеству производимых ею термодинамических эффектов. Это сияющее во тьме зарево огней; плотные облака пара над очертаниями берегов и водной гладью; крупные

² История появления этого объекта известна: это творение-симбиоз «власти и науки» (совместный проект Лаврентия Берия и Игоря Курчатова). «Неожиданно на карте России появился город, местоположение и наименование которого долгое время были государственной тайной. У этого города было много разных названий: Кремлёв; Арзамас-75; Горький-130; Шатки-11; Москва-300. Позже он получил название Арзамас-16, которое сегодня является наиболее известным» (<https://fishki.net/1676318-arzamas-16-sarov.html>).

упитанные карпы, которых выводят в подогретом озере и которых никто не покупает из-за неприятного «ватного» вкуса [8, с. 183—184]. Калининская АЭС искажает природный ландшафт, превращает живописное озеро Удомля в пруд-охладитель атомных реакторов. Это лишь один из примеров.

Деформация местности, «разрывы ландшафта», которое производили «черные ящики» отражалось в картографии — сознательное неправильное нанесение на карту для народа объектов стратегического назначения из-за соображений секретности.

Численность «закрытых городов» была почти равна «открытым» [2, с. 218]. Практически закрытыми оказывались целые большие районы, что создавало *неодинаковую проницаемость* индустриальной среды Советского Союза. Огороженные охраняемые территории приобретали метафору «закрытых атомных городов». На них случайно наткнулись археологи-любители, альпинисты, геологи, походные туристы, паломники, бродяги-бомжи, писатели-следопыты.

После распада СССР и с развитием спутниковых и цифровых технологий советская карта стала представлять мерцающе изменчивый вид. Некоторые объекты «рассекретили», они превратились из «невидимых» в «видимые».

Загорск—6 и Загорск—7 — это два закрытых города располагались около Загорска — современного Сергиева Посада. В Загорске—6 находился Вирусологический центр научно-исследовательского института микробиологии [1]. Загорск-6 до сих пор является закрытым городом. А вот Загорск—7 был менее секретным, там разрабатывалось новейшее ядерное оружие. Этот населенный пункт был лишен статуса закрытого города в 2001 году.

Свердловск—45 (Лесной). Этот город строили сразу как закрытый. Местные жители работали на заводе, который занимался обогащением урана. По планировке Лесной сравнивали с Ленинградом. На данный

момент этот город все еще имеет статус закрытого.

Мирный. Раньше Мирный был обычным военным городком, но с 1966 года ему присвоили статус закрытого из-за того, что рядом находился космодром Плесецк. Охрана проверяла документы лишь на подъездных дорогах. Из-за этого на территорию часто забредали грибники или жители соседних деревень. На данный момент Мирный тоже сохранил статус ЗАТО.

Балаклава. Во времена «холодной войны» город имел статус закрытого: рядом располагалось засекреченное предприятие по ремонту подлодок. Оно было построено прямо в искусственном гроте, а холм служил заводу маскировкой. В годы СССР этот город даже не был нанесен на карты. Сегодня Балаклава принимает туристов, а в гроте, где был завод, функционирует музей.

Продолжая тему закрытых городов, на сегодняшний день можно упомянуть следующие: **Железногорск** (Красноярск—26, Соцгород, Атомград); **Заречный** (Пенза—19); **Снежинск** (Челябинск—70); **Северск** (Томск—7); **Озерск** (Челябинск—5); **Трехгорный** (Златоуст—36); **Зеленогорск** (Красноярск—45); **Новоуральск** (Свердловск—44)» [4, с. 25].

Сегодня с помощью системы GPS (глобальная система позиционирования) можно с высокой точностью определить местоположение объекта, отслеживать перемещение людей и грузов, прокладывать маршрут в незнакомой местности. Однако даст ли это нам лучшее, современное понимание пространства? Появляется перспективное понятие «когнитивное картирование» (cognitive mapping) — феноменальное переживание пространства, связанное с социальным воображением и новыми формами политической репрезентации. «Когнитивное картирование» возвращает нас в повседневный опыт — опыт чувственного, феноменального проживания/переживания пространства постмодернистского мира. Человек отчужден от того места, где он живет, если он не в состоянии

составить ментальную карту своего существования, будь то город или другой населенный пункт.

Таким образом, *внеаходимость* стала центральным принципом функционирования системы технопарков позднего социализма. Многочисленные «пространства внеаходимости» (не только физические, но и ментальные) постепенно приводили к «мутированию», внутреннему изменению идеологической системы СССР, которая становилась менее понятной и все более непредсказуемой. Это странное образование движущихся ландшафтов, меняющихся границ и исчезающих территорий позволяет интерпретировать СССР как протяженную мерцающую сеть человеческих и не человеческих, природных и социокультурных акторов.

Литература

1. **Барина О.** «Посторонним вход воспрещен»: тайны закрытых городов СССР и России // История РФ: [Электронный ресурс] / Российское военно-историческое общество. Соп. 2013—2020. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/postoronnim-vkhod-vosprieshchion-tainy-zakrytykh-ghorodov-sssr-i-rossii> (дата обращения: 25.02.2021).

2. **Беловинский Л. В.** Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С.218.

3. **Довлатов С. Д.** Собрание сочинений: [в 4 т.] / [Сост. и подгот. А.Ю.Ар'ев]. Т. 3. СПб.: Азбука-классика, 2003. 456 с.

4. **Кокорев Д. А.** Городское самоуправление России: организационно-правовые особенности и сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2004. 25 с.).

5. **Конаков А.** Белла Улановская и «симметричная антропология» позднего социализма. // Транслит: Литературно-теоретический журнал. СПб., 2017. #19.С.43-48.

6. **Красникова М. М.** Анализ системы «позднего социализма» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Т. 10 № 15. С. 149—150.).

7. **Куприянов Б. В.** Детско-взрослые конвенции советского прошлого (по материалам современных воспоминаний о пионерском лагере 60—80-х гг. XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2020. № 56. С. 41—56.

8. **Улановская Б.** Личная нескромность павлина: Повести и рассказы. М.: Аграф, 2004. С. 183-184.

9. **Юрчак А.** Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / пер. с англ.; предисл. А. Беляева. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 661 с. (Б-ки журнала «Неприкосновенный запас».).

10. **Яремчук О. В.** Интенсификация процесса калькирования в современном русском языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2018. № 7. С. 82—86.

Поступила 06.05.2021

Кнэхт Наталья Петровна — канд. филос. наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ», (124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д.1), nataekht@gmail.com

References

1. Barinova O. «Postoronnim vkhod vospreshchen»: tajny zakrytyh gorodov SSSR i Rossii // Istoriya RF: [Elektronnyj resurs] / Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo. Sop. 2013—2020. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/postoronnim-vkhod-vosprieshchion-tainy-zakrytykh-ghorodov-sssr-i-rossii> (data obrashcheniya: 25.02.2021).

2. Belovinskij L. V. Enciklopedicheskij slovar' istorii sovetskoj povsednevnoj zhizni. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. S.218.

3. Dovlatov S. D. Sbranie sochinenij: [v 4 t.] / [Sost. i podgot. A.YU.Ar'ev]. T. 3. SPb.: Azbuka-klassika, 2003. 456 s.

4. Kokorev D. A. Gorodskoe samoupravlenie Rossii: organizacionno-pravovye osobennosti i sravnitel'nyj analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02. M., 2004. 25 s.).

5. Konakov A. Bella Ulanovskaya i «simmetrichnaya antropologiya» pozdnego socializma. // Translit: Literaturno-teoreticheskij zhurnal. SPb., 2017. #19.S.43-48.
6. Krasnikova M. M. Analiz sistemy «pozdnego socializma» // Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya. 2018. T. 10 № 15. S. 149—150.).
7. Kupriyanov B. V. Detsko-vzroslye konvencii sovetskogo proshlogo (po materialam sovremennyh vospominanij o pionerskom lagere 60—80-h gg. XX v. // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya. 2020. № 56. S. 41—56.
8. Ulanovskaya B. Lichnaya neskromnost' pavlina: Povesti i rasskazy. M.: Agraf, 2004. S.183-184.
9. YUrchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie / per. s angl.; predisl. A. Belyaeva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 661 s. (B-ki zhurnala «Neprikosnovennyj zapas».).
10. YArechuk O. V. Intensifikaciya processa kal'kirovaniya v sovremennom russkom yazyke // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2018. № 7. S. 82—86.

Submitted 06.05.2021

Knecht Natalia Petrovna, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology, and Political Science, National Research University «MIET» (124498, Moscow, Zelenograd, Shokina Pl. 1), nataknecht@gmail.com

Онтология и методология исследования культурной травмы в социально-философском дискурсе

Г.Л. Костров

Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Россия

shmc26@gmail.com

Раскрывается сущность умеренного конструктивистского подхода к исследованию культурной травмы как социального явления, его отличие от традиционного объективистского подхода. Рассматриваются онто-гносеологические основания исследования феномена культурной травмы, характерные для «сильной программы» культурной социологии. Отмечается, что культурная социология изучает семиотические коды, лежащие в основе конструирования феномена культурной травмы. Концепция культурной травмы проясняет роль травмы в формировании коллективных идентичностей современных обществ. Теоретико-методологический анализ феномена культурной травмы как конструкта социальной памяти и забвения опирается на междисциплинарность философской проблемы.

Ключевые слова: культурная травма, натуралистический эссенциализм, социальный конструктивизм, идентичность, память, забвение, нарративный фетишизм, постпамять, контрпамять.

Ontology and Methodology of studying cultural trauma in social-philosophical discourse

G.L. Kostrov

Moscow Region State University, Mytishi, Russia

shmc26@gmail.com

The article describes the essence of the moderate constructivist approach to the study of cultural trauma, its difference from the traditional objectivist approach. The onto-gnoseological foundations of the study of the phenomenon of cultural trauma, characteristic of the «strong program» of cultural sociology, are considered. Instead of analyzing social conditions and situations, cultural sociology examines the semiotic codes that underlie the construction of cultural trauma.

Keywords: collective trauma, cultural trauma, naturalistic essentialism, social constructivism, radical constructivism.

Теория травмы — один из самых динамичных разделов гуманитарных наук в последнее десятилетие XX — первые десятилетия XXI века. В современных гуманитарных исследованиях проблематика культурной травмы, идентичности, памяти, забвения все чаще выступает господствующей парадигмой, а период 1990—2010-х гг. называют временем «мемориального бума». Парадигма травмы в социологии ориентирована на анализ социокультурной сферы, разрывов в культурной ткани общества. По-видимому, сама эта проблематика связана именно с эпохой постмодерна, с состоянием неустойчивости, зыбкости, тревожности; в таких условиях появляется новая этика, новая чувствительность (С. Зонтаг), новая ответственность. Глобализация привела к фрагментации общества, к стиранию привычных границ между этносами, нациями, государствами, социальными группами, религиозными конфессиями, культурными общностями. Возникла острая необходимость в самоопределении, идентификации. Кто я? Откуда я? С кем могу себя отождествлять?

Дискурс культурной травмы в социальной философии, социологии, культурологии начал формироваться примерно со второй половины 90-х годов XX века. Авторами этой концепции являются Джеффри Александер и Рональд Айерман, содиректора Йельского центра культурсоциологии. Именно в их работах «культурная травма» стала из метафоры превращаться в концепт, который сейчас активно используется, хотя и не приобрел еще достаточной четкости и определенности. Использование термина «травма» для характеристики событий и процессов, затрагивающих не отдельных индивидов, а сообщества, по сути, является метафорой. Назначение метафоры состоит прежде всего в том, чтобы указать путь продуктивного анализа той или иной темы. В социальной философии, социологии, культурологии метафоры и концепты играют важную роль: именно они создают реальность, которую мы благодаря его

творческой сути можем понять, впитать, жить в ней. Используя подобные метафоры и концепты, мы постигаем то, что вне, без, помимо них было бы нам никогда недоступно. Именно таким концептом и является «культурная травма».

Важной составляющей современной актуализации памяти, интереса к истории, к прошлому стало внимание к трудным и трагическим аспектам прошлого, которые оказываются вытеснены за рамки осознанной памяти, но в значительной степени определяют фон и содержание актуальных культурных практик. Признание травмирующих разрывов оказывается критически важной частью нашего восприятия прошлого и функционирования публичной сферы. Взаимосвязь памяти, травмы, забвения прослеживается на множестве сюжетов. Однако общей теоретической модели ее анализа в социальной философии и социологии до сих пор не сложилось [19, 20, 21].

Онтологические подходы и методология изучения культурной травмы. Ныне в социальной философии выделяются два основных онто-гносеологических подхода: натуралистический и конструктивистский. Термин «травма» был привлечен в гуманитарные исследования из психоаналитического и медицинского дискурса и неизбежно оставил след в социально-философском понимании культурной травмы. В медицине «травма» обозначает «неожиданное воздействие на организм и его отношения с окружением при длительных деструктивных влияниях» [14, с. 7]. Такое воздействие испытывают, например, беженцы, жертвы пыток, ветераны войны, люди, пережившие единичное травматическое событие — сексуальное насилие, террористический акт, дорожно-транспортное происшествие или стихийное бедствие, тяжелые личные утраты, домашнее насилие, пытки, жестокое обращение в детском возрасте и пр.

Социолог Дж. Александер показывает, что доминирующие трактовки травмы, как

правило, тяготеют к натурализму, базирующемуся на субстанционализме, реализме и эссенциализме. Такая социология рассматривает общество в качестве метафизической реальности, господствующей над людьми. Человек оказывается полностью включенным в систему социальных координат, выступает совокупностью общественных отношений, прав и обязанностей, ролей и функций. Он сводится к функциям, ролям, знакам социальности [22, 23, 24].

Натуралистический дискурс культурной травмы неразрывно связан с осмыслением коллективной памяти. Эти понятия были проанализированы Морисом Хальбваксом, который показал, что память — это не только индивидуальный, но и социальный феномен [10]. Представители «просветительской версии» развили этот дискурс, сделав акцент на рациональном переживании травмы. В XX в. этот дискурс плодотворно разрабатывался авторами натуралистического направления, так называемой «популярной теории травмы», согласно которой травмирующее событие — то, что ставит под угрозу удовлетворение потребностей в безопасности и стабильности.

Две версии натуралистического подхода к культурной травме, которые проследивает Дж. Александер, это — *просветительская и психоаналитическая* [3]. Трактовка травмы с позиции Просвещения предполагает, что травма — это род рациональной реакции на резкую перемену. Объекты или события, которые запускают травму, четко воспринимаются субъектами; их реакции ясны, а последствия этих реакций направлены на решение проблемы и на развитие. Реакции на травмы в попытках изменить те обстоятельства, которые к ним привели. Создаются программы действий, восстанавливается привычное окружение отдельных лиц и сообществ, и постепенно ощущение травмы утихает [25, 26, 27].

Разновидностью натурализма являются *психологические концепции травмы*. По З. Фрейду, подлинным источником травмы

оказывается не само событие, а воспоминание о нем. Травма в психологическом смысле имеет две отличительные черты. Во-первых, это опыт, столь болезненный, что мы не в состоянии его усвоить, воспринять, пережить — и поэтому он вытесняется в бессознательное. Реакция на травматический опыт отсрочена, она запаздывает по сравнению с моментом воздействия. Во-вторых, травма изживает себя впоследствии какими-то действиями или состояниями, которые напрямую никак не связаны с историческим или бытовым контекстом, в котором они разворачиваются. Это неадекватная, часто бессмысленно-монотонная реакция на изначальный, забытый травматический опыт. Фрейд исследовал индивидуальную психологическую травму, но не коллективную, не социальную [16, 17, 18].

Следует заметить, что именно благодаря подходу с позиции философии Просвещения и психоаналитическому подходу «травма» превратилась из метафоры повседневного языка в концепт, вошедший в научные языки разнообразных дисциплин. Однако обеим этим точкам зрения свойственна «ошибка натурализма», популярного понимания травмы, из которого они выросли.

Конструктивистские концепции культурной травмы. В конце XX века в социальной философии произошел антиэссенциалистский поворот. На смену натурализму и эссенциализму пришел умеренный социальный конструктивизм. В основе этого подхода лежит убеждение, что свойства социальных объектов можно представить как изменяемые, конструируемые и переконструируемые человеком и обществом. Подчеркивая, что реальные события имеют большое значение, он выстраивает альтернативу натуралистическому подходу [6]. Мир, в котором мы живем, не есть данность, он — результат человеческой практики, жизненный мир. Практики, которые якобы уходят своими корнями в глубины веков, на самом деле сконструированы. И культурная травма всегда воображаема.

Суть конструктивистских теорий попытался сформулировать Филипп Коркюф. Он полагает, что в центре конструктивистских подходов, которые бросили вызов традиционным взглядам, смещение самого предмета социологии: «это и не общество и не индивиды, представленные как отдельные целостности, но отношения между индивидами (в широком смысле, а не только взаимодействия «лицом-к-лицу»), а также объективированные миры, которые индивиды производят и которые служат им основаниями, являясь конституирующими одновременно и для индивидов, и для социальных явлений [8, с. 22].

Радикальный конструктивизм исходит из того, что реальность представляет собой набор мыслительных конструкций, она в конечном счете есть текст. Усиливая трактовку реальности как системы значений, представители этого течения подчеркивают аспект сконструированности, созданности реальности. Что представляет собой реальное, реальность? Мы видим, что жизнь создается воображением; все реальное, что нас окружает, сначала было в воображении — от пуговицы и домашних тапочек до компьютера и космических ракет. Мир находится в постоянном изменении благодаря человеческому творчеству. Такая позиция абсолютизации аспекта «сделанности» реальности характерна, например, для Х. фон Фёрстера [12].

Для «сильной программы» культурной социологии характерен умеренный конструктивизм (Дж. Александер, П. Штомпка, Р. Айерман). Когда Александер вводит понятие культурной социологии, он сознательно противопоставляет его понятию социологии культуры. Его основная идея состоит в том, что культура пронизывает собой все сферы общества, является его каркасом и опорой. Социология культуры «объясняет» культуру. При этом социальная структура воспринимается как определяющее, базис, а культура — как определяемое, надстройка. Культурная социология, напротив, понимает культуру как важнейший фактор формиро-

вания социальной жизни. Александер и называет это «сильной программой». По его мнению, до этого уже существовали так называемые «слабые культурные программы» (идеи Бирмингемской школы, Мишеля Фуко, Клиффорда Гирца).

Культурная социология ставит перед собой цель исследования культурных структур, под которыми Дж. Александер понимает систему intersубъективных смыслов [4, с. 44]. Культура играет главную роль при определении параметров социальной жизни; она формирует индивидуальное, групповое или институциональное действие, и воздействует также, как и организационные, политические или экономические структуры. Культура — это сложный текст, и задачей культурной социологии является анализ семиотических кодов в культуре. Посредством семиотических кодов, смыслов организуется знаковое многообразие культуры.

Динамика и структура травмы. Как же конструируется культурная травма? По Александеру, события сами по себе не создают коллективную травму. Чтобы сформировалась такая травма, нужно запустить механизм травматизации, репрезентировать травму [3]. Неотъемлемое свойство процесса репрезентации — воображение. Только в репрезентации, основанной на воображении, субъекты испытывают ощущение переживаемого события на собственном опыте. Событие становится травмой, если происходит резкое смещение привычных смыслов, если возникает угроза коллективной идентичности. Именно смыслы обеспечивают чувство шока и страха, а не события сами по себе.

Как полагает П. Штомпка, каждое травмирующее событие имеет признаки: 1) неожиданность и быстрота происходящих изменений; 2) тотальность и кардинальный характер изменений; 3) восприятие произошедшего события как не зависящего от воли и желания самого индивида; 4) негативный характер события. Под такой набор признаков подпадают не только войны, но и политические перевороты,

распады государств, резкие изменения в социальной и экономической жизни. Неспособность человека абстрагироваться от собственного прошлого становится естественной реакцией на трансформацию социальной среды [13, с. 6].

Репрезентация. Акторы. Культурная травма нуждается в артикуляции, репрезентации, принятии, признании. Важно создать травматический дискурс, который должен объяснить природу боли, ущерб, который событие причиняет сообществу. Должен быть сформирован образ жертвы, потерпевшего, свидетеля, палача (виновника, того, кто причинил ущерб, и кто несет ответственность за страдания) [1]. Итогом «процесса травмы» является формирование новых культурных норм, ценностей, принципов, установок.

Доказательство Н. Смелзера, что травма создается, конструируется, но не формируется естественным образом, конструктивно. Ничто само по себе, каким бы оно ни было сильным или болезненным, не является травматическим. Интерпретация и признание — это культурные процессы, которые основаны на коммуникации и деятельности коммуникаторов, «переносчиков» (carrier groups). Именно эти группы, акторы трансформируют коллективную травму в культурную форму [15]. Травма нуждается в репрезентации, то есть таком способе рассказа или показа чего-то, что символически оформляет произошедшее событие. Культурное конструирование травмы начинается с заявления о некоем глубочайшем увечье. Это может быть книга, фильм, музыкальное произведение, выставка, спектакль. Через репрезентации можно понять, какой опыт и какие переживания есть в ментальном состоянии человека: что он думает, как мыслит, что переживал тогда и что переживает сейчас. Идентичности коллектива опосредуются коллективными репрезентациями.

Общество может переживать масштабные нарушения и катаклизмы, но эти проблемы, даже очень острые и существенные,

далеко не всегда являются травмирующими. Чтобы возникла травма, социальные кризисы должны стать культурными кризисами. Репрезентация — это процесс использования системы знаков, языка для производства значений и смыслов. Нужно представить социальную боль как основную угрозу утраты своей идентичности. Неспособность осмысления и выражения травмы не позволяет сделать ее культурным событием, механизмом изменения общества и формирования новой идентичности. «Чтобы травма возникла на уровне сообщества, социальные кризисы должны стать культурными кризисами. События — это одно дело, а репрезентация этих событий — совсем другое. Травма не является результатом того, что некая группа людей испытывает боль. Она есть результат острого дискомфорта, проникающего в самую сердцевину ощущения сообществом собственной идентичности. Коллективные акторы «решают» представить социальную боль как основную угрозу их пониманию того, кто они, откуда они и куда хотят идти» [1].

Чтобы разрушить молчание, нужно выстроить дискурс, создать нарративы, определить ценности, найти смыслы. Иначе говоря, травму необходимо репрезентировать. Этим занимается культурная элита, «группы переносчиков», интеллигенция, интеллектуалы — художники, журналисты, писатели, социологи, политологи, историки, аналитики, блогеры, преподаватели, ученые и др. Именно они выступают в качестве творцов нарративов, репрезентантов, выражающих культурную память. Это своеобразный культурный авангард, носители нового сознания, новой культуры, новых смыслов. ««Интеллектуал» в данном случае — социально сконструированная и исторически обусловленная роль... Это понятие, хоть и связано с отдельными людьми, отсылает скорее к тому, что они делают, а не к тому, кем они являются» [1]. Группы-носители, репрезентанты не только выражают, но и формируют культурную память, конструируют ее. Если

у них есть доступ к влиятельным медиаторам, в особенности к СМИ, то их интерпретации будут приняты обществом и в результате будет создана культурная травма. Такие дискурсы, как Холокост, ГУЛАГ, депортации, геноцид, массовые изнасилования, осознание коллективной вины в послевоенной Германии способствуют сплочению сообщества, меняют его идентичность. [4]. Александер убежден, что и дискурс глобализации является своеобразным ответом на травматический опыт холодной войны [14].

То, как человек воспринимает событие, во многом зависит от его мировоззренческих ориентаций, ценностных предпочтений, личной истории. Но для переживания травмы также важны более широкие культурные контексты, то, как она «управляется» институциональными силами, включая государство и СМИ. Для объединения индивидуального и коллективного опыта часто используются художественные, литературные, кинематографические формы, способные формировать ответственное или безответственное отношение к травматическому событию, укреплять память или стремиться к забвению. Долговременная память строится на основе устной передачи, медиатехнологий, институциональных рамок. Средства массовой информации используют письмо, образы, телесные практики, памятные места, монументы, юбилеи, праздники. Существует тесная связь между культурной памятью и искусством.

Конструируя культурные травмы, социальные группы, национальные сообщества и цивилизации не только устанавливают наличие и источник человеческих страданий, но и принимают на себя существенную ответственность за них. Отрицая реальность страданий других, такие группы часто перекладывают ответственность за свои собственные страдания на других. Эрик Сантнер говорит о том, что вообще любые показания и мнемотехники, которые люди используют для того, чтобы свой прошлый болезненный опыт как-то описать, можно разделить на две

большие части — работа скорби и нарративный фетишизм. Работа скорби в его понимании позволяет сформировать культурную память, трансформировать коллективную травму в культурную травму. Именно работа скорби ведет жесткую борьбу против нарративного фетишизма, негативной идентичности, переводит работу с травмой на конструктивные рельсы.

Нарративный фетишизм — это ситуация создания текстов, которые помогают нам «стереть» прошлое, предать забвению либо исказить его до неузнаваемости. Репрезентация с позиции нарративного фетишизма — то, что может отвлечь от проблемы. Это и игнорирование травмы, и прагматическое деловое отношение, сосредоточенность на повседневных занятиях, сознательное подавление беспокойства, вера, что все само образуется, социальный пессимизм, цинизм и пр. Стремление истерически заболтать травмирующие события, игнорировать их, исказить, фальсифицировать в угоду каким-либо мелочным целям приводит к стиранию возможности рационализации того, что произошло, к забвению. Иногда целые периоды истории, участниками которых были многие люди, вытесняются, как бы перестают существовать. Люди отказываются от переживания боли, пытаются отстраниться от того, что приносит страдание. Но бывают случаи сознательного замалчивания важных событий, предпринимаемые властью в определенных политических целях. Иногда, стремясь освободиться от травмы, люди пытаются трансформировать боль в предмет гордости, восхваления, восторга. В этом случае социальные группы или общество в целом оказываются не в состоянии справиться со своим прошлым. Возникает «негативная идентичность», раскол, хаотизация и дивергенция социума. Иначе говоря, есть технологии, которые позволяют вообще убрать травму из сознания, но при этом игнорируется и тот позитивный, горестный опыт, который в травме заложен. По определению

Э. Сантнера, «нарративный фетишизм» — «конструирование и использование нарратива, сознательная или бессознательная цель которого состоит в том, чтобы стереть следы той травмы или утраты, которая, собственно, и дала жизнь этому нарративу. <...> Нарративный фетишизм освобождает человека от необходимости переосмыслить свою идентичность в посттравматических условиях» [9]. В этом смысле нарративный фетишизм — технология, которая моделирует ситуацию коллективного беспамятства, забвения, неизбежно связанного с повторением или возвращением травмы.

Культурная травма — это опыт переживания ужаса, трагедии, насилия, смерти, его осмысление и проработка сознанием; она выстраивает священный, сакральный канон культурной памяти, обязательно включающий в себя смысловые и ценностные элементы героического и трагического прошлого, значимые для культурной идентичности. В таком виде память можно передать следующим поколениям или другим социальным общностям. Представители «сильной программы» в культурной социологии делают акцент на том, что травма может быть свойственна не только очевидцу, но и представителям других поколений, поэтому в центре их внимания находятся механизмы межпоколенческой коммуникации. Процесс травмирования включает в себя и тех потомков, которые приходят на смену жертвам, выжившим, виновным в травматических событиях.

Память передается от одного поколения к другому, возникает так называемая «постпамять» (М. Хирш). Как помнить о том, что помнили наши предки? Как мы связаны с прошлыми событиями, за которые не имеем прямой ответственности, но можем быть в них вовлеченными? Как достичь позиции активного свидетельства, помогающего облегчить страдания других, формирования ответственности за то, что происходило в истории коллектива, этноса, нации, страны?

Воспоминания о травмирующих событиях живут в последующих поколениях. Однако коммуникативная память охватывает не более трех поколений (Ян и Алейда Ассман). Как сформировать культурную память? Коммеморация — это способы закрепления, хранения, трансляции памяти о прошлом. Нужно опираться на архивы, музеи, мемориалы, школьную программу, публичные и частные мемориальные ритуалы. Участие в юбилейных торжествах, праздниках, мемориальной службе по погибшим и пр. позволяет сохранять память и изменять ее. Однако даже при такой опоре во всем этом таится опасность превратить реальную историю в миф, в героизацию прошлого. Чтобы этого не произошло, нужно сформировать «комплекс вины» (Т. Адорно). Главное — не абсолютизировать это желание каяться, раскаиваться, испытывать вину, не приносить извинения за «преступления Рюрика, Игоря и Ольги». Иначе это может доходить до абсурда.

Память и забвение тесно взаимосвязаны. При воссоздании забытого прошлого мы часто довольствуемся фрагментами, мифологическими представлениями, чувственными образами, в результате чего воссоздается искаженная картина реальности. Существующая гегемония институциональной культурной памяти может подрываться контрпамятью (М. Фуко). Контрпамять появляется в качестве ответной реакции на искажения, фальсификации, ложь о тех или иных травматических событиях; она обозначает память, отрицающую официальную трактовку прошлого. «Альтернативную повествовательную модель, прямо противоречащую общей повествовательной конструкции и существующую вопреки подавляющему превосходству последней, — пишет Зерубавель, — мы определили как «контрпамять» [7]. «Контрпамять» — память оппозиционная, враждебная господствующей коллективной памяти, она обладает огромным подрывным потенциалом. Борьба официальной памяти и «контрпамяти»

часто приобретает весьма острые, ожесточенные формы. В результате «контрпамять» либо разрушается официальными структурами, либо становится популярной и начинает доминировать в коллективном сознании, превращаясь в официальную культурную память.

Культурная социология обращает пристальное внимание и на так называемые мнемонические техники, на то, как индивиды обретают и закрепляют в себе навыки социальной памяти. Этому процессу способствуют «мнемонические группы»: семья, профессиональные и иные корпоративные сообщества, этнос, государство. Общество в целом также может рассматриваться как большая «мнемоническая группа». Ее влияние на организацию содержания, к примеру, исторической памяти (через учебники истории, публичные ритуалы, музеи, памятники, праздники и пр.), трудно переоценить. Индивид не является пассивным получателем того, что «спускается сверху». Вокруг разных интерпретаций событий разгораются настоящие битвы. Культурная травма — предмет ожесточенных споров и общественных дискуссий, поскольку связана с коллективной идентичностью и моральной ответственностью. Политика памяти — необходимый инструмент сохранения национально-культурной целостности. В целом наблюдается большое различие между «мнемонической политикой» государства, стремящегося определять общественные нарративы, и позицией гражданского общества, различных социальных групп, неформальных общественных организаций. То, как мы помним о прошлых событиях, оказывает огромное влияние на то, что мы делаем и как будем жить [28, 29].

В современную эпоху появилось несколько существенных проблем, связанных с передачей памяти о прошлом.

1. Одна из главных проблем современного мира — проблема дивергенции, разрушения тех, общностей, которые на протяже-

нии веков демонстрировали свою устойчивость и стабильность. Рушатся нации, становятся слабыми государства, уходят в небытие религиозные общности, этнические связи, языковые сообщества. Нет уже прежних классовых связей, клановые, корпоративные связи становятся анахронизмом. Глобализированный социум характеризуется, с одной стороны, унификацией, с другой — разнородностью. Исчезли метанарративы, актуальны только микронарративы. В этой культурной атмосфере найти и сделать ведущими какие-то более-менее значимые смыслы, смыслы, которые смогли бы стать объединяющим началом для больших масс людей, чрезвычайно сложно. Что может травмировать тех, кто живет в XXI веке? Какие страницы трагической истории могут повлиять на коллективное сознание? Да и существует ли сейчас коллективное сознание, подобное сознанию второй половины XX века?

2. Чтобы память работала, нужно чувствовать связь нынешней социальной общности с теми, кто жил в прошлом. Но что связывает современников с теми, кто жил в прошлом? Часто такой связи вообще не наблюдается. Может ли современный парижанин, выходец из Африки, чувствовать обиду за своих далеких предков, которые подвергались насилию и угнетению в XIX веке? Может ли современный россиянин обижаться на дворян, которые эксплуатировали его предков, превратив их в крепостных? Может ли молодой человек чувствовать ответственность за своего прадеда, который вынужден был убивать людей во время первой мировой, гражданской, второй мировой войн? Многие пострадали от большевиков в XX веке. Но эта непреходящая боль присуща тем поколениям, которые уже уходят с жизненной сцены. Еще 10-20 лет и носителей этой памяти физически не останется. «Комплекс жертвы» останется невостребованным.

3. Связь между поколениями в последние десятилетия становится все более эфемерной. Как заметил еще В. Шекспир,

«порвалась дней связующая нить». Мы чувствуем, что в современную эпоху распалась связь с прошлым, люди все меньше интересуются тем, что «было на самом деле». В эпоху постмодерна люди стремятся жить «здесь и сейчас». Их почти не интересует прошлое, поскольку оно не может дать ответы на насущные вопросы сего дня. История, как правило, представлена в виде мифов, сказок, идеологических нарративов, воспевающих славных предков и героев-богатырей. Трагические, постыдные, преступные страницы истории надежно спрятаны и даже архивы нередко бывают засекречены. Чтобы пробудить память, нужно затратить неимоверные усилия. Тем более трудно сформировать чувство исторической ответственности или обиды, стыда за деяния, которые люди лично не совершали.

4. Сегодня требует решения ряд вопросов: Способны ли традиционные мемориальные механизмы обеспечивать «памятование»? Какова роль музеев, мемориальных комплексов, памятников, праздников, государственных и национальных символов в этом процессе? Отвечают ли запросам современного общества военные парады, демонстрирующие чудо-технику, нашу мощь и величие, и нескончаемая тенденция переименований улиц, проспектов, мостов, городов, сноса и строительства новых монументов?

Итак, под культурной травмой можно понимать:

- однократное событие, которое изменило жизнь сообщества;
- процесс, который начал разворачиваться после катастрофического события;
- ситуацию утраты, когда люди понимают, что они чего-то лишились, и пытаются восстановить эту утрату;
- сюжет, когда мы понимаем, что что-то произошло, и пытаемся об этом рассказывать с помощью образов, создавая нарратив, осуществляя «проработку прошлого» (Т. Адорно);

— консолидирующее событие — то, что формирует и усложняет нас, позволяет нам становиться иными, поскольку дает нам возможность ощутить, почувствовать, осознать то, что раньше было от нас скрыто. Это та символическая конструкция, которая формирует нас как культурных, духовных существ.

Культурная травма дает нам доступ к реальности, о которой мы не имели никакого представления. Она формирует новый канон, часто включающий в себя элементы мифологизированной картины прошлого: героизации, сакрализации, поклонения, любви. Онтологическое значение травмы — переживания потрясения, ужаса, страха, утраты — заключается в преобразовании опыта, разрушении нашей обычной жизни.

Литература

1. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5(141). С. 40—67.
2. Александр Дж. Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1. С. 17—37.
3. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5—40.
4. Александр Дж. Смыслы социальной жизни. Культурсоциология // Социологические исследования. 2014. С. 153—156.
5. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 322 с.
7. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Ab Imperio. 2004. №3. С. 71—90.
8. Коркюф Ф. Новые социологии / Пер. с фр. Е. Д. Вознесенской, М. В. Федоровой; науч. ред. Н.А. Шматко. М: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2002. 172 с.

9. Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: Размышления о репрезентации травмы [Электронный ресурс] // Гефтер: электр. журнал. URL: <http://gefter.ru/archive/12124> (дата обращения 09.06.2021).
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
11. Хирш М. Память и контрпамять будущего [Электронный ресурс] // Уроки истории XX век: электрон. журнал. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53875> (дата обращения 09.06.2021).
12. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен: Phren, 2000. 333 с. [Гл. 3: Эпистемология замкнутости Хайнца фон Фёрстера].
13. Штомпка П. Социальное изменение как травма. Статья первая // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6—16; URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/01-2001/Shtompka.pdf> (дата обращения 09.06.2021).
14. Alexander J. Trauma: A Social Theory. Cambridge: Polity Press, 2012. 180 pp.
15. Smelser N. Psychological Trauma and Cultural Trauma // Cultural Trauma and Collective Identity by Jeffrey Alexander. 2004. Ch.2.
16. Майкова Э.Ю., Бондарева Я.В. Будущее автономии личности как риск: способы самозащиты // Власть. 2015. № 8. С. 22—26.
17. Абросимова Т. Я., Бондарева Я. В. Постнеклассическая парадигма и духовно-нравственные основания модернизации образования в России // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. 2015. Т. 1. № 4(4). С. 16—26.
18. Бондарева Я. В. Единство веры и знания как базовый гносеологический принцип русской религиозной философии середины XIX - первой половины XX веков (статья вторая) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 1. С. 23—27.
19. Бондарева Я. В. Развитие принципа синергии в учениях о преобразовании человеческого бытия (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2013. № 2. С. 5—10.
20. Бондарева Я. В. Методологические традиции всеединства и православного энергетизма в поисках онтологической целостности (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2011. № 3. С. 16—21.
21. Бондарева Я. В. Отечественная религиозно-философская антропология: антиномия свободы и детерминизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 1. С. 47—53.
22. Бондарева Я. В., Устинов О. А. Религиозно-философская антропологическая парадигма в русской философии XIX — начала XX века: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 159—171.
23. Бондарева Я. В., Фурсова В. Э. Идея синергии как основа антропологии целостности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 2. С. 63—69.
24. Бондарева Я. В. Антропологические основы русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 75—82.
25. Бондарева Я. В. Мировоззренческие основы научного познания // Молодой исследователь: вызовы, поиски и перспективы развития российского образования: сб. материалов XX Международной научно-практической конференции аспирантов и молодых исследователей. 2017. С. 22—28.
26. Ракитянский Н. М., Колесниченко Ю. В. Потенциал русской философско-психологической школы и методология портретирования личности политика // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 6. С. 7—30.
27. Колесниченко Ю. В. Опыт евразийства: тема личности в отечественной философии //

Вестник Московского университета. Серия 12: Социально-политические исследования. 1994. № 1. С. 71—78.

28. Горбунов А. С. Проблема суверенитета личности в обществе массовой коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 1. С. 40—46.

29. Горбунов А. С. Деформация личностного бытия в информационном массовом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 28—36.

Поступила 28.05.2021

Костров Геннадий Леонидович — аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета (Россия, 127224, Московская область, г. Мытищи), *shmc26@gmail.com*.

References

1. Ajerman R. Kul'turnaja travma i kollektivnaja pamjat' // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. № 5(141). S. 40—67.
2. Aleksander Dzh. Analiticheskie debaty: Poni-manie otnositel'noj avtonomii kul'tury // Sociolog-icheskoe obozrenie. 2007. T. 6. № 1. S. 17—37.
3. Aleksander Dzh. Kul'turnaja travma i kollektivnaja identichnost' // Sociologicheskij zhurnal. 2012. № 3. S. 5—40.
4. Aleksander Dzh. Smysly social'noj zhizni. Kul'tursociologija // Sociologicheskie issledovaniya. 2014. S. 153—156.
5. Assman A. Dlinnaja ten' proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 323 s.
6. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti: Traktat po sociologii znaniya. M.: Academia-Centr; Medium, 1995. 322 s.
7. Zerubavel' Ja. Dinamika kollektivnoj pamjati // Ab Imperio. 2004. №3. S. 71—90. [THE DYNAMICS OF COLLECTIVE REMEMBERING]
8. Korkjuf F. Novye sociologii / Per. s fr. E. D. Voznesenskoj, M. V. Fedorovoj; nauch. red. N.A. Shmatko. M:

Institut jeksperimental'noj sociologii. SPb.: Aletejja, 2002. 172 s.

9. Santner Je. Istorija po tu storonu principa nas-lazhdenija: Razmyshlenija o reprezentacii travmy [Je-lektronnyj resurs] // Gefter: jelektr. zhurnal. URL: <http://gefter.ru/archive/12124> (data obrashhenija 09.06.2021).

10. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamjati. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 s.

11. Hirsh M. Pamjat' i kontrpamjat' budushhego [Elektronnyj resurs] // Uroki istorii XX vek: jelektron. zhurnal. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53875> (data obrashhenija 09.06.2021).

12. Cokolov S. Diskurs radikal'nogo konstruktivizma. Tradicii skepticizma v sovremennoj filosofii i teorii poznanija. Mjunhen: Phren, 2000. 333 s. [Gl. 3: Jepistemologija zamknutosti Hajnca fon Fjorстера].

13. Shtompka P. Social'noe izmenenie kak travma. Stat'ja pervaja // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. № 1. S. 6—16; URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/01-2001/Shtompka.pdf> (data obrashhenija 09.06.2021).

14. Alexander J. Trauma: A Social Theory. Cambridge: Polity Press, 2012. 180 pp.

15. Smelser N. Psychological Trauma and Cultural Trauma // Cultural Trauma and Collective Identity by Jeffrey Alexander. 2004. Ch. 2.

16. Majkova Je. Ju., Bondareva Ja. V. Budushhee avtonomii lichnosti kak risk: sposoby samozashhity // Vlast'. 2015. № 8. S. 22—26.

17. Abrosimova T. Ja., Bondareva Ja. V. Post-neklassicheskaja paradigma i duhovno-nravstvennye osnovaniya modernizacii obrazovanija v Rossii // Sovremennoe dopolnitel'noe professional'noe pedagogicheskoe obrazovanie. 2015. T. 1. № 4(4). S. 16—26.

18. Bondareva Ja. V. Edinstvo very i znaniya kak bazovyj gnoseologicheskij princip russkoj religioznoj filosofii serediny XIX - pervoj poloviny XX vekov (stat'ja vtoraja) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2010. № 1. S. 23—27.

19. Bondareva Ja. V. Razvitie principa sinergii v uchenijah o preobrazovanii chelovecheskogo bytija (k voprosu o metodologicheskikh osnovanijah russkoj religioznoj filosofii) // Vestnik Moskovskogo gosudarst-

vennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2013. № 2. S. 5—10.

20. Bondareva Ja. V. Metodologicheskie tradicii vseedinstva i pravoslavnogo jenergetizma v poiskah ontologicheskoy celostnosti (k voprosu o metodologicheskikh osnovaniyah russkoj religioznoj filosofii) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2011. № 3. S. 16—21.

21. Bondareva Ja. V. Otechestvennaja religiozno-filosofskaja antropologija: antinomija svobody i determinizma // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2014. № 1. S. 47—53.

22. Bondareva Ja. V., Ustinov O. A. Religiozno-filosofskaja antropologicheskaja paradigma v russkoj filosofii XIX — nachala XX veka: istoriko-filosofskij analiz // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. 2017. № 4. S. 159—171.

23. Bondareva Ja. V., Fursova V. Je. Ideja sinergii kak osnova antropologii celostnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2015. № 2. S. 63—69.

24. Bondareva Ja. V. Antropologicheskie osnovy russkoj religioznoj filosofii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2017. № 1. S. 75—82.

25. Bondareva Ja. V. Mirovozzrencheskie osnovy nauchnogo poznaniya // Molodoj issledovatel': vyzovy, poiski i perspektivy razvitiya rossijskogo obrazovaniya: sb. materialov XX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii aspirantov i molodyh issledovatelej. 2017. S. 22—28.

26. Rakitjanskij N. M., Kolesnichenko Ju. V. Potencial russkoj filosofsko-psihologicheskoy shkoly i metodologija portretirovaniya lichnosti politika // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki. 2014. № 6. S. 7—30.

27. Kolesnichenko Ju. V. Opyt evrazijstva: tema lichnosti v otechestvennoj filosofii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Social'no-politicheskie issledovaniya. 1994. № 1. S. 71—78.

28. Gorbunov A. S. Problema suvereniteta lichnosti v obshhestve massovoj kommunikacii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2015. № 1. S. 40—46.

29. Gorbunov A. S. Deformacija lichnostnogo bytiya v informacionnom massovom obshhestve // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2017. № 1. S. 28—36. Submitted 28.05.2021

Submitted 28.05.2021

Kostrov Gennady Leonidovich — postgraduate student, Department of philosophy, Moscow Region State University, (Russia, 127224, Moscow region, Mytischy), shmc26@gmail.com

**Историческая правда о Великой Отечественной войне —
императив духовной жизни российского общества
(социально-философский анализ)**

В.В. Ксенофонов

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

kvvmvoky173@mail.ru

На основе принципа единства исторического и логического всесторонне обосновывается решающий вклад Советского Союза в разгроме немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Доказывается роль материально-технической базы СССР в обеспечении Великой Победы. Всесторонне обосновывается преимущество военноп-но-стратегических операций, проводимых командованием Красной Армии по сравнению с операциями, осуществленными союзниками в период войны. Развернуто характеризуется мужество и героизм воинов Красной Армии на всех этапах Великой Отечественной войны; раскрывается их гуманитарная миссия в период освобождения стран Европы от фашизма. Аргументировано вскрывается несостоятельность попыток фальсификации по искажению исторической правды о победе советского народа в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, материально-техническая база, победа, императив, Красная Армия, стратегическая операция, гуманизм, освобождение, героизм, несостоятельность фальсификаторов.

**The historical truth about the Great Patriotic War —
the imperative of the spiritual life of Russian society
(socio-philosophical analysis)**

V.V. Ksenofontov

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

kvvmvoky173@mail.ru

On the basis of the principle of unity of the historical and logical, the decisive contribution of the Soviet Union in the defeat of the Nazi invaders during the Great Patriotic War is comprehensively justified. The role of the material and technical base of the USSR in ensuring the Great Victory is proved. The advantage of the military-strategic operations carried out by the Red Army command in comparison with the operations carried out by the Allies during the war is comprehensively justified. The courage and heroism of the Red Army soldiers at all stages of the Great Patriotic War

is described in detail; their humanitarian mission during the period of liberation of European countries from fascism is revealed. Argumentatively, the author reveals the failure of attempts to falsify the historical truth about the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, material and technical base, victory, imperative, Red Army, strategic operation, humanism, liberation, heroism, failure of falsifiers.

В процессе сложного и противоречивого состояния социального бытия современной России особое смысловое значение приобретает взвешенный философский анализ исторической правды о Великой Отечественной войне, вскрытие несостоятельности положений о ней различных фальсификаторов. Отмечая историческую значимость Великой Отечественной войны для современной России, Президент РФ В.В. Путин подчеркнул: «Мы всегда будем беречь эту священную, не меркнушую правду, не допустим предательства и забвения героев, всех, кто не жалея себя сохранил мир на планете» [1, с. 115].

Рассмотрим ряд направлений этой актуальной проблемы.

Первое. Конкретно-исторический анализ начального периода Великой Отечественной войны, несмотря на его сложности и драматизм протекания, убедительно свидетельствует об упорном сопротивлении советских воинов, их мужестве и стойкости в защите Родины и опровергает домыслы фальсификаторов (В. Астафьев, А. Солженицын, И. Чубайс и др.), как сплошном отступлении Красной Армии. Так, уже в первые дни войны с немецко-фашистскими захватчиками советские воины самоотверженно сражались на всех фронтах, проявили готовность отстоять родную землю любой ценой, показали высокий моральный дух. Историческая правда характеризуется тем, что в начале войны проявили мужество и стойкость защитники Брестской крепости на территории западных границ Советского Союза.

Ее гарнизон, состоящий из 3,5 тыс. чел. с 22 июня по 20-е числа июля 1941 г. продолжал героически сражаться против значительно превосходящих сил немецко-фашистских войск. Наряду с этим важно подчеркнуть сражение Красной Армии против немецко-фашистских войск в районе Смоленска, в ходе которого (10 июля — 10 октября 1941 г.) советские воины в ожесточенных боях остановили группу армии «Центр» и вынудили ее на время перейти к обороне.

Зарубежные исследователи Великой Отечественной войны, раскрывая ее начальный период, намеренно умалчивают о Ельнинской наступательной операции Красной Армии, имевшей не только военное, но и моральное значение для всей советской страны. Она проводилась войсками резервного фронта под командованием генерала армии Г. К. Жукова в период 30 августа — 8 сентября 1941 г. В ходе наступления наших войск и ожесточенных боев с врагом, воины Красной Армии вклинились в его оборону и под угрозой окружения вынудили к отступлению из района Ельни. В результате Ельнинской операции была освобождена значительная часть территории; противник потерял до 45 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Потери же наших войск составили около 17 тыс. чел.

Начальный период Великой Отечественной войны, несмотря на все его сложности, убедительно продемонстрировал активное сопротивление Красной Армии немецко-фашистским войскам, наносимым им ощутимые

удары, как в обороне, так и в контрнаступлении. Так, только сухопутные войска Германии потеряли в ходе неё свыше 750 тыс. чел., 2400 танков и значительное количество других видов боевой техники [2, с. 46]. Даже немецкие генералы вынуждены были признать, что потери германских войск в первые дни войны на советско-германском фронте были значительными. В частности, генерал Бутлер признавал: «В результате упорного сопротивления русских войск уже в первые дни боев немецкие войска понесли такие потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь, известных по опыту кампаний в Польше и на Западе» [3, с. 163].

Важно подчеркнуть, что летне-осенний период войны оказал немалое влияние на последующие военные действия всей Второй мировой войны. Мужественное и стойкое сопротивление воинов Красной Армии сорвало планы руководства фашистской Германии втянуть в войну против Советского Союза Турцию, Японию и некоторые другие государства. Кроме того, постепенно стала складываться и развиваться антигитлеровская коалиция — СССР, США и Великобритания.

Другим направлением исторической правды являются обоснования роли на основе сравнения материально-технической базы нашего государства в обеспечении оружия Победы и вскрытия несостоятельности взглядов зарубежных исследователей об огромной материально-технической помощи СССР со стороны США и Великобритании (Р. Батлер, Д. Гуайер и др.). В этой связи необходимо отметить, что Закон (билль) о ленд-лизе (lend — давать взаймы, lease — сдавать в аренду) имел официальное название «Акт содействия обороне США». В свою очередь военно-техническое сотрудничество между США и СССР начало осуществляться на основе закона с ноября 1941 г. При этом

важно подчеркнуть, что помощь нашей стране союзников по ленд-лизу была далеко не бескорыстной. СССР платил за такую помощь платиной, золотом, никелем, хромом, магнием, лесом, пушниной и другими ценными материалами [4, с. 20—21]. Кроме того, она составила сравнительно небольшую долю от общего отечественного производства: по самолетам 13 %, по танкам 7 %, по зенитным орудиям — 2 %. В этом отношении весьма примечательным является высказывание известного американского политического деятеля Г. Гопкинса в середине мая 1945 г., которое неоднократно повторял Ф. Рузвельт: «Нам известно, что американские поставки были использованы в борьбе против общего врага. Но мы никогда не считали, что поставки по ленд-лизу явились главным фактором в поражении Германии» [5, с. 438]. Иными словами, важнейшим источником победы советского народа в Великой Отечественной войне явился социально-экономический потенциал страны, а не материально-техническая помощь США и Англии. Уже начало войны убедительно подтвердило реальность перестройки системы ее народного хозяйства на военные рельсы, в сжатые сроки преодолеть проблемы в создании ряда видов вооружений [6, с. 43—44].

Следует особо отметить вклад столицы в перестройку деятельности промышленных предприятий в соответствии с требованиями фронта. Несмотря на сложные дни начала войны, в том числе обороны Москвы, ее предприятия активно функционировали. Заметим, что перевод московских предприятий на создание военной продукции занял четыре-пять месяцев. В таком созидательном труде и проявилась самоотверженность многонационального народа своему Отечеству. Достаточно сказать, что в Азербайджане уже к 1942 г. было обеспечено производство 130 видов оружия, боеприпасов, различных

видов военного снаряжения. В Армении во время войны вступили в строй 30 новых предприятий. При этом именно на производство военной продукции переориентировалось значительное число металлообрабатывающих заводов. В Узбекистане появились такие отрасли промышленности, как черная и цветная металлургия, активно функционировавшие на оборону страны. Нельзя недооценить вклад тружеников промышленности Казахстана в арсенал победы. Так, в республике были введены в действие молибденовые рудники, производство марганца, молибденово-вольфрамовый и полиметаллический комбинаты. Итогом такой деятельности стало то, что Казахстан производил 60 % молибдена, 65 % металлического висмута, 79 % полиметаллических руд всего Советского Союза [7, с. 211—212].

Вместе с промышленным производством в процессе Великой Отечественной войны, благодаря героическому труду народа, было обеспечено бесперебойное снабжение воинов Красной Армии всем необходимым. Вместе с тем Красная Армия и Военно-Морской флот получили за период войны 10 млн т продовольствия и фуража, 12—15 млн т другого необходимого имущества. Всего за годы Великой Отечественной войны промышленностью страны было произведено оружия и военной техники в 2 раза больше и лучшего качества, чем в фашистской Германии. В армию поступило 134,1 тыс. самолетов, 102,8 тыс. танков и САУ, 825,2 тыс. орудий и минометов, винтовок, карабинов и пистолетов-пулеметов свыше 21 млн [2, с. 46].

Таким образом, достигнутые результаты в сфере различных отраслей экономики страны дали возможность в ходе и исходе Великой отечественной войны постоянно повышать материально-техническую оснащенность Вооруженных Сил, добиваться

бесперебойной работы многочисленных отраслей народного хозяйства в тылу и тем самым внести вклад в победу над фашистской Германией.

Следующим направлением исторической правды о Великой Отечественной войне является сравнительный анализ стратегических операций, проводимых Красной Армией и войсками союзников. Западные исследователи (Л. Гарт, С. Морисон, Г. Бредли и др.) всеми средствами пытаются приравнять по своей военно-политической значимости ряд проводимых США и Англией операций к важнейшим стратегическим операциям Красной Армии. В частности, зарубежные исследователи Эль-Аламейнскую операцию союзников в Африке приравнивают к Сталинградской битве. Однако такой их вывод, с точки зрения реальных военных сражений, не правомерен: реальности свидетельствуют, что потери противника в ходе проводимой 8-ой английской армией против итало-немецких войск (23 октября — 4 ноября 1942 г.) операции составили 55 тыс. чел., 320 танков, около 1 тыс. орудий и минометов. Эти показатели не сравнимы со Сталинградской битвой, в которой потери немецких и итальянских войск составили около 1,5 млн чел., до 3500 танков и самоходных орудий, 12 тыс. орудий и минометов. Как отмечал Г. К. Жуков, «такие потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии» [8, с. 355—356].

Наряду с возвеличиванием Эль-Аламейнской операции зарубежные исследователи пытаются утверждать, что успех англо-американских войск в Германии дал возможность Красной Армии добиться значительных успехов в период зимнего наступления в Восточной Пруссии и Польше. Однако такая трактовка военных событий является

историческим искажением реальных событий. Дело обстояло совсем наоборот: англо-американские войска при контрнаступлении гитлеровских войск в Арденах (декабрь 1944 г.) попали в крайне тяжелое положение, вследствие чего руководство Англии, считая опасным последствия сложившейся ситуации для англо-американских войск, официально обратилось за помощью к руководству Советского Союза. И лишь благодаря мощному наступлению Красной Армии в январе 1945 г. войска союзников смогли перейти к активным действиям.

Зарубежные исследователи в своих взглядах на характер и итоги Второй мировой войны стремятся также преувеличить открытие второго фронта в Европе (июнь 1944 г.) и умалить значение стратегических операций советских войск в ее окончании. Отметим, что открытие второго фронта имело определенное значение для последующего года войны, однако решающей была борьба Красной Армии с немецко-фашистскими захватчиками на советско-германском фронте. Проведенные ею крупные военно-стратегические операции показали высокое воинское мастерство красноармейцев, раскрыли превосходство военного искусства советских полководцев над германскими. Подчеркнем также, что ко времени (июнь 1944 г.) развертывания боевых действий англо-американские войска в северной Франции исход войны против фашистской Германии уже был предопределен трехлетними напряженными сражениями на советско-германском фронте.

Отметим, что западные союзники в ходе войны разгромили и взяли в плен 176 дивизий противника. Однако следует объективно признать, что на советско-германском фронте было разгромлено и взято в плен 607 дивизий противника. Вместе с тем безвозвратные потери Германии и ее союзников на советско-германском фронте составили

8 млн 649,5 тыс. человек. Кроме того за все время Великой Отечественной войны Красной Армией уничтожено и захвачено более 75 % всего оружия и военной техники врага [2, с. 47]. О решающей роли Красной Армии в разгроме фашистской Германии говорил Президент США Ф. Рузвельт: «Красная Армия и русский народ наверняка заставили вооруженные силы Гитлера идти по пути к окончательному поражению и завоевали на долгие времена восхищение народа Соединенных Штатов» [9, с. 57].

Важным направлением исторической правды о Великой Отечественной войне, вопреки ее фальсификаторам (Б. Соколов, Г. Попов, Кирхмайер и др.), является деятельность советских воинов, проявляющаяся в гуманизме, милосердии, сохранении ценностей культуры народа на территории стран, освобожденных от фашистской Германии. Так, гуманизм и соблюдение норм международного права, внимание к нуждам местного населения убедительно проявилось в действиях советских войск в боях за Австрию и ее столицу — Вену. При подходе Красной Армии к австро-венгерской границе немецко-фашистское командование распространило слухи о том, что Красная Армия будет жестоко расправляться с местным населением. Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая лживые высказывания врага о намерениях Красной Армии в боях за Австрию, дало указание войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов, вступившим на ее территорию, издать специальное обращение к жителям страны. В нем, в частности, говорилось, что Красная Армия вошла на территорию Австрии с целью разгрома немецко-фашистских войск; будет отстаивать независимость страны и содействовать восстановлению порядка; оказывать помощь в сохранении исторических сооружений и памятников культуры. Такое обращение

жители Австрии встретили с пониманием и поддержкой.

Между тем в эти дни по указанию немецкого командования из страны спешно вывозилось промышленное оборудование, продовольствие, а также ценности культуры. Осознавая опасность действий немецко-фашистских войск для жизнедеятельности населения Австрии, командование 3-го Украинского фронта 6 апреля 1945 г. обратилось к населению Вены со специальным воззванием. В нем обращалось внимание на то, что советские войска стремятся сохранить Вену, ее исторические сооружения, знаменитые памятники культуры и искусства от уничтожения. Так, маршал Ф. И. Толбухин, командующий фронтом, обратился с призывом к жителям Вены не покидать город, чтобы помешать фашистам минировать его, не допустить варварского разрушения [5, с. 213]. Жители Вены приняли все предложения командования 3-го Украинского фронта и даже принимали участие в борьбе против фашистских оккупантов. В результате боев советские войска 13 апреля 1945 г. полностью освободили Вену от немецких войск, сохранив промышленную инфраструктуру и знаменитые ценности культуры.

Примером гуманизма, нравственности и доброжелательности советских воинов является освобождение от немецко-фашистских войск столицы Польши. Следует отметить, что после освобождения Варшава представляла собой ужасающее зрелище. Фашисты уничтожили знаменитые культурные и исторические центры: разрушили собор святого Яна — самый большой католический собор Варшавы, Королевский дворец, городскую ратушу, Национальный музей. В Варшаве были взорваны почти все памятники истории и культуры польского народа, включая памятники Копернику, Шопену, Мицкевичу. Командующий 1-ой армией Войска

Польского генерал-лейтенант С. Поплавский писал: «Удручающее зрелище представляла собой варварски разрушенная немецко-фашистскими войсками Варшава» [10, с. 75]. Советские и польские части, освободив Варшаву, совместно с населением приступили к восстановлению коммуникаций, зданий и сооружений. Саперы разминировали сотни научно-культурных и правительственных объектов. (Зарубежные исследователи и «Домашние аналитики» замалчивают и не осуждают уничтожение авиацией США и Великобритании 100 тыс. мирного населения Дрездена, его культурных и исторических памятников). Советский Союз, принимал меры для облегчения тяжелого положения жителей столицы Польши: ее населению безвозмездно было направлено 60 тыс. тонн хлеба [11]. Кроме того, население Варшавы получило медикаменты, перевязочный материал, различный медицинский инструментарий.

Необходимо особо отметить поведение и деятельность воинов Красной Армии на завершающем этапе Великой Отечественной войны на территории фашистской Германии. Многие немцы, напуганные лживой пропагандой, ожидали расстрелов и массовых репрессий. В действительности все обстояло иначе. В освобожденном Берлине воины Красной Армии, видя бедственное положение населения, организовали горячее питание из походных кухонь, а бойцы раздавали детям и женщинам из своих сумок хлеб, консервы, сахар, сухари. Важно в этой связи отметить, что даже далеко недружелюбные к Советскому Союзу определенные круги Германии вынужденно констатировали, что «Красная Армия ведет себя по отношению к населению лучше, чем американская» [5, с. 480].

Достаточно откровенно и объективно о духовных ценностях Красной Армии и их роли в период войны с фашистской Германией

сказал полководец Г. К. Жуков: «Честно говоря, когда шла война, я был полон решимости воздать сполна всем фашистам за их жестокость. Но когда, разгромив врага, наши войска вступили в пределы Германии, мы сдержали свой гнев» [12, с. 727].

Таким образом, анализ боевых действий советских воинов в годы Великой Отечественной войны на основе объективности создает прочные основы научного исследования этого важного социального явления, познания его значимости для современной России и вскрытия несостоятельности взглядов его фальсификаторов. Именно поэтому важно, чтобы историческая правда о Великой Отечественной войне стала важным слагаемым научного мировоззрения у молодого поколения современной России.

Литература:

1. Мысли о России. Президент о самом важном. М.: Центрполиграф, 2018.
2. Микора В. И., Савушкин Р. А. Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 // Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1994.
3. Вторая Мировая война. 1939—1945 годы: сборник статей. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.
4. Военно-техническое сотрудничество. 50 лет 1953—2003 / Авт. кол. А.В. Аксенов, К.А. Бабенко, Н.И. Баженов, А.Ю. Бельянинов и др.; отв. ред. А.И. Почтарев. М., 2003.
5. История Великой отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 5: Победоносное окончание войны с фашистской Германией. Поражение империалистической Японии (1945 г.). М.: Воениздат, 1963.
6. Кондакова Н. И. Жизнеспособность СССР в годы войны и современность // 70-я годовщина Великой Победы и безопасность современной России: Научно-практическая конференция (15 апреля 2015 г.). М.: Военный университет МО РФ, 2015.
7. Абрамов Х. К. Вклад казахстанцев в Великую победу // Победа — одна на всех (вклад союзных республик СССР в завоевании Победы в Великой Отечественной войне) / Под общ. ред. адмирала флота А.И. Сорокина. М., 2010.

8. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М.: АПН, 1990.

9. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: Госполитиздат, 1958. Т. II.

10. Военно-исторический журнал. 1959. № 9.

11. Правда. 27 января 1945 г.

12. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1970.

Поступила 30.04.2021

Ксенофонов Владимир Владимирович — кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и религиоведения Военного университета МО РФ (123001, Москва, ул. Большая Садовая, 14), kvvmvoky173@mail.ru

References

1. Mysli o Rossii. Prezident o samom vazhnom. M.: Centropoligraf, 2018.
2. Mikora V. I., Savushkin R. A. Velikaja Otechestvennaja vojna Sovetskogo Sojuza 1941—1945 // Voennaja jenciklopedija: v 8 t. T. 2. M.: Voenizdat, 1994.
3. Vtoraja Mirovaja vojna. 1939—1945 gody: sbornik statej. M.: Izd-vo inostrannoju literatury, 1957.
4. Voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo. 50 let 1953—2003 / Avt. kol. A.V. Aksenov, K.A. Babenko, N.I. Bazhenov, A.Ju. Bel'janinov i dr.; отв. red. A.I. Pochtarev. M., 2003.
5. Istorija Velikoj otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza 1941—1945. T. 5: Pobedonosnoe okonchanie vojny s fashistskoj Germaniej. Porazhenie imperialisticheskoy Japonii (1945 g.). M.: Voenizdat, 1963.
6. Kondakova N. I. Zhiznesposobnost' SSSR v gody vojny i sovremennost' // 70-ja godovshhina Velikoj Pobedy i bezopasnost' sovremennoj Rossii: Nauchno-prakticheskaja konferencija (15 aprelja 2015 g.). M.: Voennyj universitet MO RF, 2015.
7. Abramov H. K. Vklad kazahstancev v Velikuju pobedu // Pobeda — odna na vseh (vklad sojuznyh respublik SSSR v zavoevanii Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne) / Pod obshh. red. admirala flota A.I. Sorokina. M., 2010.

8. Zhukov G. K. Vospominaniya i razmyshleniya: v 3 t. T. 2. 10-e izd., dop. po rukopisi avtora. M.: APN, 1990.

9. Perepiska Predsedatelja Soveta Ministrov SSSR s Prezidentom SShA i Prem'er-ministrami Velikobritanii vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny 1941—1945 gg. M.: Gospolitizdat, 1958. T. II.

10. Voenno-istoricheskij zhurnal. 1959. № 9.

11. Pravda. 27 janvarja 1945 g.

12. Zhukov G. K. Vospominaniya i razmyshleniya. M.: Izd-vo APN, 1970.

Submitted 30.04.2021

Ksenofontov Vladimir Vladimirovich, Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer Department of Philosophy and Religious Studies Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (123001, Moscow, Bolnaya Sadovaya st., 14), kvvmvoky173@mail.ru

Лирико-философское начало в малом литературном жанре как детерминанта культуры

Е.В. Малинкина

Тверской государственный университет, г. Тверь

alenka.malinckina@yandex.ru

Автор рассматривает формирование лирико-философского начала в литературе как внутреннюю детерминанту культуры русского народа и доказывает, что лирическое чувствование как философский аспект творчества, восстанавливающий способность личности к восприятию мира и самопознанию, является фактором преемственности. В архетипе творчества автор находит выражение национальной идентичности русского писателя, аккумулирующей культурную память. Решение социокультурных проблем, кодированных в системе архетип — образ — символ, иллюстрируется на примере миниатюр Ю. Бондарева. Трансляцию духовной ценности жизни от писателя к читателю в лирической миниатюре автор полагает антагонистом потери личностной и национальной ориентации в техногенном мире.

Ключевые слова: детерминанта культуры, лирико-философское начало, духовные ценности, архетип творчества, образ, символ, преемственность, чувство, идейное содержание, жанр миниатюры, менталитет, культурная память, самоидентификация, эстетический предмет.

The lyric-philosophical beginning in the small literary genre as a determinant of culture

E.V. Malinkina

Tver State University, Tver

alenka.malinckina@yandex.ru

The author considers the formation of lyrical and philosophical beginning in literature as an internal determinant of the culture of the Russian people and proves that the lyrical feeling as a philosophical aspect of creativity, restoring the individual's ability to perceive the world and self-cognition, is a succession factor. In the archetype of creativity the author finds the expression of the national identity of the Russian writer, accumulating cultural memory. The solution of socio-cultural problems, encoded in the system archetype — image — symbol, is illustrated on the example of Y. Bondarev's miniatures. The author believes that the translation of spiritual values of life from the writer to the reader in the lyrical miniature is the antagonist of the loss of personal and national orientation in the technogenic world.

Keywords: determinant of culture, lyric-philosophical beginning, spiritual values, archetype of creativity, image, symbol, succession, feeling, ideological content, miniature genre, mentality, cultural memory, self-identification, aesthetic object.

Социальная детерминация культуры имеет два взаимодополняющих русла: использование опыта предыдущих поколений и влияние этого опыта на динамику культуры. В литературе эти русла сливаются в единое течение — развитие жанров, современные жанровые формы существуют в едином литературном пространстве с их историческими предшественниками. С этой точки зрения развитие прозаического жанра миниатюры представляет особый интерес, поскольку основной особенностью его можно считать лирико-философское начало, которое предполагает погружение повествователя во внутренний мир человека с целью обобщить понимание жизни посредством лирического рассуждения, авторской рефлексии. Рефлексия направляет познание, а создание художественной картины мира предваряется преломлением бытия внешнего во внутреннем бытии личности писателя. Соединим в единый конгломерат и лирику, и философию, чтобы рассматривать эти категории как интенции познания мира, миропонимания, выполняющие в этом процессе различные функции. Если лирика воспроизводит функцию эстетическую, — эстетическое познание мира и себя в мире, то философия выделяет рефлексивный пласт и дифференцирует из него идеи, которые становятся фундаментом для обобщения опыта. Новое знание, осознанное писателем-художником, а именно опыт, закладывает предпосылки для новых художественных образов. В этой динамике лирический аспект можно назвать импульсом развития человеческой личности, и в частности философскую его составляющую в лирической прозе — творчеством, направленным на осознание автором своей роли в жизни и на стремление к познанию и преобразению действительности.

Будем придерживаться мнения, что явление культуры, рожденное индивидами, но вышедшее за рамки индивидуальной жизни, существует в истории народа как источник развития его творческой силы. Архетип куль-

туры народа является своеобразной генетической памятью, которая содержит ценности и установки поведения, «встроенный и присущий определенной социальной общности и культуре, [архетип] способен наполняться различным конкретным содержанием и нести положительные или отрицательные ценности, так как любая их система основывается на определенном архетипе» [1]. Размывание границ национальных культур в процессе глобализации является причиной потери ориентации в отечественном культурном пространстве, потери родовых корней мировоззрения, складываемого веками. Стремительное развитие техники способствует ослаблению душевности, чуткости, духовно-нравственные качества личности уходят на второй план, технизация «поглощает» личность. Вместе с тем чувственность лирики пробуждает задавленные техническими средствами общения с миром психические способности человека ощущать, воспринимать и представлять. Органическое единение изображения жизни и самой жизни прослеживается, например, в лирике С. Есенина. В поэме «Цветы» [10] переживание любви к человеку соединяется с чувственным пониманием событий революции, индивидуальное накладывается на историческое и такое слияние формирует философскую мысль о вселенском значении единичного в жизни всеобщей. «Я видел, как цветы ходили, / И сердцем стал с тех пор добрей, / Когда узнал, что в этом мире / То дело было в октябре», — уподобление человека цветку дает возможность в ассоциативном фоне запечатлеть ценность «укоренения» человека в родной земле и обозначить философские вопросы вечного и преходящего: Они не те, что на земле. / Цветы рябин другое дело. / Они как жизнь, как наше тело, / Делимое в предвечной мгле». Эстетическая значимость переживаний, настроений, эмоций в лирике определяется тонкостью, возвышенностью, торжественностью, силой. Эпитет «цветение» ярко показывает отношение к красоте

духа, готового к сражению за счастье и свободу. Романтики XIX века понимали органическую связь с природой и уподобляли общество единому организму, а наука не давала духовного развития. «Техника убивает все органическое в жизни и ставит под знак организации все человеческое существование. Неизбежность перехода от организма к организации есть один из источников современного кризиса мира», — писал Николай Бердяев [3]. Поэтому лирическое чувствование как философский аспект творчества в отечественной литературе имеет первостепенное значение, поскольку сохраняет человека как личность, его творческую природу. Чтобы доказать это утверждение, рассмотрим онтологию творчества. По Платону, есть мир идей, который содержит в себе чистые сущности всех вещей — идеи. Эстетический предмет, предмет искусства, в том числе литературное произведение, несет в себе красоту и идею вещи. Красота — это форма произведения. В форму художник облекает свое чувственное созерцание вещи, субъективность. «Стих есть не совокупность составляющих его звуков, — пишет Л.С. Выготский, — а есть последовательность или чередование их соотношения. Стоит переставить слова в стихе, сумма составляющих его звуков, то есть материал его, останется ненарушенной, но исчезнет его форма, стих» [5, с. 74]. Однако этого недостаточно для создания эстетического предмета. Он должен содержать истину, т.е. чистую идею. Если форма не содержит истины, она есть безобразие. Возникает вопрос: каким образом художник достает сущность вещи из мира идей? Ответ помогает найти Платон. Душа человека изначально выходит из этого сверхчувственного мира. В процессе творчества душа вспоминает идею вещи, создавая образ вещи. Другими словами, душа изображает идеальный мир в образах. Поэтому душа несет в себе свойство Демиурга, и ее можно назвать Творцом с этой точки зрения. Сущность вещей, которой наполняет форму

произведения душа, и есть истина для писателя. Таким образом, очевидна неразрывность красоты и истины в эстетическом предмете, в частности — в литературном произведении. Можно сказать, взаимопроникновение лирики и философии берет начало в тождественности эстетического созерцания и познания истины. «В идеальном синтезе мышления и чувственности участвует весь состав человеческой субъективности, вне опоры на сложившиеся формы внутри сознания он, этот синтез, невозможен. Эстетический предмет в качестве произведения искусства есть осуществленный идеал красоты» [12]. Обобщенное художественное отражение действительности в конкретной форме — это творческий процесс, направленный на создание картины жизни в свете эстетического идеала автора. Именно синтез идеи и чувства в художественном образе есть лирико-философское начало, роль которого — запечатлеть отражение надындивидуальной формы красоты, т. е. истины.

Философия, по Гегелю, всегда оказывается ведущей в кризисные моменты истории, поскольку мысль предшествует деятельности. «Писательство продолжает и способствует творчеству жизни тем, что с максимальной органичностью угадывает и отражает ее процессы» — эта идея развивается в философской эстетике с античных времен [8]. В поиске жанровой формы для свободного изображения жизнетворчества М. Пришвин пишет книгу о журавлиной родине, о пробуждении творчества в природе и роли в этом творчестве человека, вкладывает идею в символ природного творчества «Клавдофора» — сердце Земли для писателя. Эта идея осуществляется периодически в творчестве писателей разных эпох. Так, Серебряный век «уподобляет жизнь и литературу мистериальному “зерновому” прорастанию творческого духа в явлениях природы» [8]. О.В. Дефье находит слагаемые нового творческого взаимоотношения человека с природой, предложенные Пришвиным. Это созерцание,

сопереживание, угадывание, соединение себя с целым, с его природным ритмом и узнавание себя, прозрение. Здесь можно провести параллель с онтологической концепцией самодостаточности энергии жизни в романе Л. Леонова «Русский лес», где природа есть источник творчества: «Человек имеет возможность подсмотреть таинственную взаимосвязь, объединяющую ее явления в живой целостный организм, чтобы облегчить и ускорить работу природы в ее стремлении к совершенству» [11]. Таким образом переходит из поколения в поколение русской культуры архетип творчества, расширяя творческое сознание народа в лирико-философской традиции — в лирическом мотиве, образе, символе. Согласимся с К.Г. Юнгом, что образ, имеющий корни в мифологии, неосознанно включается автором в ткань произведения. «Праобраз, или архетип, есть фигура <...> повторяющаяся на протяжении истории везде, где свободно действует творческая фантазия». Это опыт предков, их переживаний: «Как если бы жизнь, которая ранее неуверенно и наощупь растекалась по обширной, но рыхлой равнине, потекла вдруг мощным потоком по глубоко прорезавшемуся в душе руслу», — так лирично Юнг говорит о повторении «сцепленности» обстоятельств, под влиянием которых формировался архетип [18, с. 94]. Безусловно, транслируемый писателем, архетип расширяет значение в проекции на современность.

Современной цивилизации необходимо взаимопонимание и сотрудничество, поскольку возрастает риск политического и экологического кризиса. Если считать культуру инструментом построения гражданского общества, а литературное произведение — способом самовыражения творческой личности, эксплицитно и имплицитно связанной с культурой нации, то национальная самооценочность, запечатленная в литературе, будет направлять вектор развития общественного сознания [20]. Через проверку

своих нравственных качеств, убеждений, интересов, идеалов в социокультурном пространстве реализуется самоидентификация. В сообществе человек чувствует себя защищенным, поскольку для поддержания внутреннего равновесия выбирает свою модель поведения. Вместе с тем психология искусства рассматривает идентификацию как отождествление себя с персонажами художественного произведения. Таким образом, формирование личности писателя, создающего художественный мир для выражения этических и философских идей, влияет на модель поведения читателя.

В когнитивной, социальной психологии идентификация личности базируется на самопознании. Ю. Бондарев, как и М. Пришвин, приравнивает творчество писателя смыслу жизни, но стремится осмысливать жизнь в ее динамической целостности, исследовать поведение в изменяющемся во времени бытии. Будем считать творчество Бондарева актом чувственного и рационального познания. Человек, побывавший на войне, несет в себе ее отпечаток — опыт, который повлиял на его образ мышления, поэтому у него особое восприятие мира. Это восприятие участник военных действий, если он писатель, фиксирует через самобытный язык и таким образом транслирует читателю свою картину мира, на которую наложила печать война. В этой модели, безусловно, присутствует идеологическая, когнитивная позиция писателя, и она оказывает влияние на читателя, не имеющего такого опыта. С этой точки зрения творчество Бондарева включает в себе огромный пласт коллективной памяти — памяти о Великой Отечественной. В его произведениях отражается сложность переживаний человеческого бытия в военное время. Читатель получает гештальт-схему (цельное восприятие) явления войны, набор представлений, уже обобщенные образы, сильные и яркие, рожденные в эмоциональном восприятии и в ощущении реальности: «Самоходки дыбят землю

огнем, а я кричу: «За мной, братва, так-пере-так! Влево давай! По ложбине, по оврагу, в обход горы, иначе всем похоронки!» <...> Рвемся, без голосу орем чего-то, задыхаемся, бежим по железному хламу, как сквозь колючую проволоку <...> Уже как черти в аду хрипим, в гору почти на карачках лезем, обмундирование на нас о проволоку, об железо в клочья вкось и поперек разодрано, — и все-таки ворвались в завод с тылу, можно сказать» («Атака») [4]. Память писателя — источник не только воображения, но и созидания прошлого. Хальбвакс считает, что в обществе сохраняются все факты, чтобы восстановить образы прошлого в индивидуальной памяти [17]. В литературе остается часть истории прошлого, причем историческая память не только передает опыт прошлого, но и является важнейшей составляющей самоидентификации писателя, которая зависит от психологических и культурных факторов. Вдохновение есть своеобразная форма общения с прошлым [16, с. 40]. Так создается индивидуализированная человеческая реальность. Согласно эмпиризму, источником знания и критерием истины в такой реальности служит чувственность и опыт писателя, поскольку знание философы-эмпиристы соотносят с чувством. Чувство является центрообразующей силой в лирической форме отображения действительности, концентрирует образ и сохраняет в нем идею. Именно чувство распространяется в восприятии образа, передается читателю.

Однако нельзя не учитывать и априорные условия, которые повлияли на обобщение чувственного знания. Это общественная жизнь и личная жизнь писателя. В этом плане интересна миниатюра «Отец» из цикла «Мгновения». В тематике два аспекта: социальный — отец и сын в обществе; и вечная тема отношения сына к отцу. Тема Великой Отечественной обозначена для выражения главной темы преемственности поколений. Социокультурная проблема изображена в конфликте сына и его сверстников, смеющихся

над отцом. Бондарев показывает моральное состояние подрастающего поколения: молодежь забыла об уважении к старшим, судит о человеке по одежде, а не по положению (к отцу друга следовало бы относиться доброжелательно). И даже сам автор-рассказчик поддается общественной тенденции, не пытается ее изменить. И только спустя годы понимает свою вину в этом перед отцом. Проблема аксиологическая — ценность взаимоотношений отца и сына — раскрывается в воспоминаниях сына об отце. Лирическое переживание сына, его отношение к отцу строит сюжетную линию. Модель реальности, состоящая из эпизодов разных периодов жизни, структурирует взаимоотношение поколений: отец дает маленькому сыну почувствовать себя взрослым; далее отец, в тулужке военного покроя, разговаривает с матерью, а сыну кажется, что отец вернулся с войны. Спустя годы военного времени сын вспоминает, что при возвращении с войны он так же, как и отец, сидел в родительском доме на том же месте и думал, что исполнил недоделанное отцом. В середину произведения писатель поставил главное событие: сын постеснялся защитить отца от обидного смеха одноклассников. Причем чувства даны вербально, они только названы, лирическая сюжетная линия гармонично организует эпическое изображение реальности. Идея вложена в эпизод и подчеркнута деталями одежды (клоунские башмаки у отца), подробно прорисована и дополнена выражением на лице персонажа — «негероически-безрадостное». Психологический вывод в словах рассказчика: дети считают отцов рыцарями, в то время как они обыкновенные, с заурядными заботами, — антагонистичен авторской позиции, которая вложена в уста сына в конце произведения: «Тогда я не думал, что настанет срок, когда в некий день я тоже окажусь чьим-то смешным, нелепым отцом и меня тоже постесняются защитить». Здесь мы видим желание писателя помочь подрастающему поколению определить свою позицию

в жизни, мотивировать к поиску ответов на духовные вопросы. Значит, писатель отождествляет себя с иерархическим порядком по образцу общества, несет в себе совокупность идей и настроений, составляющих концептуальную основу государственности. Глобальная политика всегда рассматривает культурные императивы нации. Отметим свойство культуры давать людям осознание общности через традиции, в том числе литературные. При этом сохраняется духовность для передачи будущим поколениям.

Мироощущение, мировосприятие автора миниатюры решает проблему творческого поиска истины, духовного понимания себя в жизни. Одной из форм духовно-культурной самоидентификации в гуманитарных науках считается ментальность, или менталитет. «Менталитет можно определить как идейно-поведенческий стереотип, как устойчивый пласт национальной психики, включающий в себя определенные мировоззренческие модели постижения мира (архетипы)» [1]. Движение от картин действительности к их эмоциональной обработке, к лирическому рассуждению, философской рефлексии показывает роль мышления в становлении личности. В цикле миниатюр писатель объединяет явления разного характера в идейном содержании. Краткость сюжета выявляет социальную или психологическую проблему и позволяет четко обозначить причину ее постановки. А пути решения проблемы зашифрованы в символе — переданы в настроении, в душевном переживании, в пейзаже, цветописии. Бондарев использует богатую цветовую гамму для изображения чувства. Символика цвета у Бондарева психологична. Пейзаж в начале миниатюры «Отец» предвещает главное событие и готовит читателя к выводу, который будет дан в конце. Это — «неправдоподобно-покойный после солнечного ада закат». Оксюморон «солнечный ад» символизирует пору детства, которая превращается в ад, когда человечность, ценность уважения к старшему поколению, к отцу, нивелируется

равнодушием, потерей духовной ориентации. Поэтому закат неправдоподобно-покойный. Но время зрелости наполнено мудростью, пониманием продолжения цепи поступков из поколения в поколение и стремлением сохранить красоту человеческих отношений в сознании молодежи.

Художественно-эстетическое сознание писателя выражает мир и культуру с помощью знака, символа. Культурно-информационное поле с кодами и символами остается в литературном пространстве эпохи как печать, в образном выражении. В системе образов можно проследить обработку сознания культурой, а также смыслообразующую роль образа. Например, в образную систему миниатюры Ю. Бондарева «Звезда и Земля» [4] вложена глобальная экологическая проблема современности, «отчуждение Земли и человека», причем представление Земли детерминировано славянской культурой, в которой человек и природа не разделены: художественный образ «плоть Земли» концентрирует информацию о цивилизации, где творения рук и мысли человеческой — в единой «плоти» с природными элементами Земли. Чувственный образ мира создается ощущением. Это психический акт, он фиксирует направление сознания внутрь или вовне, интенциональность. Направление внимания внутрь, на переживание возможной катастрофы, помогает писателю найти и показать причину отчуждения — равнодушное упование на «потом»: «Несомненно, люди понимают, вернее, чувствуют надвигающуюся опасность, но в то же время уповают на туманное “потом”, в котором может ничего и не случиться с прекраснейшим из миров». Ощущение «защитительного отдаления» от катастрофы в кульминации произведения дано в лирическом переживании и подчеркнуто хронотопом: перемещение действия из холодного поезда в теплую мирную жизнь в пространстве и переход из ночи в утро во времени. Цельные образы переходят из эпоса в лирику и показывают черты культурного

человека эпохи. Образ поезда, дребезжащего холодным железом, в батальной прозе Бондарева символизирует путь к смерти. Ощущением плоти человека в сквозниках вагонов перед боем начинается роман «Горячий снег» — и лирическая миниатюра «Звезда и Земля» в первой же строке дает читателю ассоциацию поезда жизни, летящего навстречу еще более страшного разрушения, если от Земли останется только свет звезды во Вселенной.

В символике проявляется сущность народного духа, но утрата органического единства с природной средой в техногенной организации бытия, разделение микро- и макрокосмоса ведет к утрате чувства Родины, к разрушению национальной целостности. Национальная знаковая система формируется под влиянием родной культуры и отражается в произведениях документальным фактом. Можно согласиться с исследователями из Казахстана, что именно литература аккумулирует в себе глубину человеческого сознания, историческую память, менталитет [20]. В миниатюре модель мира выделяет индивидуальное сознание из коллективного, а потому выходит за социальные и пространственно-временные рамки. В хронотопе миниатюры Ю. Бондарева «Отец» соединяются два поколения, это возможно благодаря лирическому рассуждению, которое собирает вокруг себя и время, и пространство на базе философского обобщения жизненного прошлого. Жанр миниатюры богат поэтизацией действительности, такая форма изображения не оставляет места для транслирования насилия и агрессии даже в военном прошлом, поскольку в слиянии лирики и эпоса выделяется эстетический предмет. Эстетический предмет всегда есть «внутренняя жизнь, иной раз даже необозримые глубины чувств и ощущений. Он всегда есть некая выраженность живого трепета жизни» [19]. Таким образом через личный опыт писателя сохраняется в литературе духовная ценность жизни.

То, что вышло за рамки индивидуального опыта и осталось в культурных памятниках, Я. Ассман называет символической культурной памятью [2]. Будем полагать ее антагонистом культурной деградации. Потеря личностной ориентации в современном мире во многом связана с процессом социализации личности, точнее, с искажением этого процесса. С одной стороны, жизнь в рамках норм и правил социума можно назвать фундаментом в доме деятельности человека. Отождествление себя с членами семьи, рабочего коллектива, культурной, этнической группой расширяет *Я* личности. С другой стороны, выход за границы различения себя и других на уровне эмоций, мотивов грозит потерей индивидуальности. Согласно гештальт-психологии, межличностный контакт требует затрат энергии на осознание другого, выделения его из общего «фона». «...Нагромождение событий ведет к сильной конкуренции фигур, опыт <...> плохо осознан. Нет времени остановиться и оглядеться. <...> И в результате нет возможности пользоваться своим опытом для построения следующего цикла контакта» [7]. Более того, в современной системе ценностей нет более идеала общезначимости в императивной форме, эклектика отражается в мышлении и поведении, размылись строгие критерии, которые помогали человеку выбрать необходимое решение. По мнению Н. Б. Маньковской, одна из отличительных черт постмодернизма — умышленное многообразие стилей: «постмодернизм реабилитировал нарративность посредством цитатности, интертекстуальности, выразившихся в многообразных имитациях, стилизациях литературных предшественников» [14]. В условиях глобализации и развития техники коммуникаций культура утрачивает национальную неповторимость, переосмысливаются накопленные художественные богатства, произведение попадает в контекст, который может оказаться для него необычным, дисгармоничным ему. Стираются поведенческие коды, поэтому

причиной актуальности малых литературных форм становится стремление к упорядочиванию, стабилизации. Для восстановления кодов необходимы четкие ориентиры на ценность, запечатленную в образе, этическую составляющую литературы. «М. Вебер доказывал, что именно базовые ценности культуры являются главной детерминантой жизни общества» [15]. Философия ищет пути достижения приоритетных ценностей. Вместе с тем «становление философского знания — это всегда внутренний акт, который вспыхивает, опосредуя собой другие действия» [13]. Следовательно, это уже переход от коллективного знания к индивидуальному. Поэтому возьмем за основу вывода идею Гегеля «мир как мысль». Мир и культура как образ мира диалектически связаны в процессе саморазвития: писатель, воспринимая мир, воссоздает картину мира, а постижение его произведения читателем способствует сохранению идейного содержания через ассоциацию, вызываемую символикой, или лирической образностью, и через оценивание. Передача культурного архетипа от писателя читателю формирует личностную идентичность, понимаемую в науке как способность к саморефлексии и самосознанию. Если рассматривать динамику культуры как формирование способа человеческого бытия, то лирико-философское начало в литературе ляжет в основу творческого акта писателя как способ миропонимания социумной и мировосприятия природы. Таким образом, литература детерминирует мировоззрение, или духовную культуру, через преемственность и трансляцию архетипа творчества. «Преемственность выражает передачу и восприятие положительных достижений от поколения к поколению. Без этого не может возникать более высокий уровень последующих эпох» [9].

Сегодня, в период посттоталитарной трансформации социальной и политической жизни общества, человечество, обладающее громадным культурным потенциалом, ответ-

ственно за использование этого потенциала во благо [6]. Прежде всего, сохранение культурной детерминанты в российском обществе подобно продолжению развития творческой силы, которая в литературе имеет в основе чувственность как психическую способность личности к мировосприятию. Авторская идея в словесном образе сохраняет общественную ценность, ее изображение органически связывает человека с природой и передает менталитет подрастающему поколению, мотивируя личность к идентификации в социальном и художественном пространстве. Образное поле лирической миниатюры аккумулирует глубину сознания личности, помогает в условиях техногенной организации современного общества ориентироваться на культурную память русской нации.

Лирико-философское начало в литературе сегодня выполняет задачу сохранения духовных ценностей, объединяет различные грани взаимодействия человека с жизнью в изображении внутреннего бытия личности. В имитации реальности через ощущение, отношение к событию философско-эстетическую сущность жизни писатель соотносит с законами природы и общества. Развитие лирико-философского начала в жанре миниатюры — это национальная тенденция, имеющая корни в психологии и мировоззрении русского писателя как носителя культуры России. Этот жанр формируется в связи с социальным окружением писателя и не имеет развития за рубежом.

Литература

1. Азина О. А. Национальная специфика архетипов и ценностей // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 94—96.
2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 363 с.
3. Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Путь. 1932. № 35. С. 56—68.

4. Бондарев Ю. В. Мгновения. М.: Sovremennik, 1987. 453 с.
5. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. 576 с.
6. Данильян О.Г. Тараненко В.М. Философия: учебник. М.: Эксмо, 2005. 512 с.
7. Демидова Т.А. Сойко В.В. Цикл контакта в гештальт-терапии // Психотерапия. Клиническая психология и психоанализ. 2015. Т. 19, № 1(70) С. 46—55.
8. Дефье О.В. Концепция и символика «органического творчества» в книге М. Пришвина «Журавлиная родина» // Русская словесность. 2018. № 3. С. 25—30.
9. Дзевенис А.А. Философия культуры // Дальневосточный аграрный Вестник. 2013. № 1(25). С. 47—52.
10. Есенин С. Собрание сочинений: в 2 т. Т.2. М.: Сов. Россия: Современник, 1990. 384 с.
11. Леонов Л. М. Русский лес: роман. М.: Художественная литература, 1974. 678 с.
12. Лобастов Г.В. Эстетический предмет как осуществленная красота // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2020. № 1(25). С. 64—75.
13. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию // Вестник высшей школы. М., 1989, № 2. С. 80—87.
14. Маньковская Н.Б. Постмодернизм в эстетике // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 192—230.
15. Равочкин Н.Н. Культурный детерминизм как основание социокультурной модернизации общества: анализ трудов Макса Вебера // Заметки ученого. 2015. № 3. С. 74—77.
16. Романовская Е.В. Морис Хальбвакс: Культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Вып. 3. С. 39—44. (Философия. Психология. Педагогика).
17. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 2/3. С. 8—27.
18. Эстетика и теория искусства XX века: хрестоматия / А. Мигунов, Н. Хренов. М.: Прогресс-Традиция. 1065 с.
19. Эстетический принцип в его трансцендентальном развитии [Электронный ресурс] // Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ч. 2. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev2_HistEst/2Los_estprin_2b.php (дата обращения 27.04.2021).
20. Reflection of Ideas about Native Land in Poetic and Prose Works Using Narrative Literature Technique / B. Z. Omarov, M. B. Salkynbayev, T. E. Kydyr, G. I. Kuldeyeva, M. Z. Yeskindirova, Z. K. Alshinbayeva // MEDIA WATCH. 2020. Vol.11, № 2. P. 408—418.

Поступила 04.03.2021

Малинкина Елена Владимировна — аспирант, кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (просп. Чайковского, 70, Тверь), alenska.malinckina@yandex.ru

References

1. Azina O. A. Nacional'naja specifika arhetipov i cennostej [NATIONAL SPECIFICS OF ARCHETYPES AND VALUES] // Teorija i praktika obshchestvennogo razvitija. 2013. № 11. S. 94—96.
2. Assman Ja. Kul'turnaja pamjat': pis'mo, pamjat' o proshlom i polit. identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. M.: Jaz. slav. kul'tury, 2004. 363 s.
3. Berdjaev N.A. Duhovnoe sostojanie sovremennogo mira // Put'. 1932. № 35. S. 56—68.
4. Bondarev Ju. V. Mgnovenija. M.: Sovremennik, 1987. 453 s. S. 176.
5. Vygotskij L.S. Psihologija iskusstva. M.: Iskusstvo, 1968. 576 s. S. 74.
6. Danil'jan O.G. Taranenko V.M. Filosofija: uchebnik. M.: Jeksmo, 2005. 512 s.
7. Demidova T.A. Sojko V.V. Cikl kontakta v geshtal't-terapii // Psihoterapija. Klinicheskaja psihologija i psihoanaliz. 2015. Т. 19, № 1(70) S. 46—55.
8. Def'e O.V. Koncepcija i simvolika «organicheskogo tvorchestva» v knige M. Prishvina «Zhuravlinaja rodina» [THE CONCEPT AND SYMBOLISM OF «ORGANIC CREATIVITY»

IN M. PRISHVIN'S BOOK «CRANE HOMELAND»] // Russkaja slovesnost'. 2018. № 3. S. 25—30.

9. Dzevenis A.A. Filosofija kul'tury // Dal'nevostochnyj agrarnyj Vestnik. 2013. № 1(25). S. 47—52.

10. Esenin S. Sobranie sochinenij: v 2 t. T.2. M.: Sov. Rossija: Sovremennik, 1990. 384 s.

11. Leonov L. M. Russkij les: roman. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1974. 678 s.

12. Lobastov G.V. Jesteticheskij predmet kak osushhestvlenaja krasota [AESTHETIC SUBJECT AS BEAUTY REALIZED] // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. 2020. № 1(25). S. 64—75.

13. Mamardashvili M. K. Kak ja ponimaju filosofiju // Vestnik vysshej shkoly. M., 1989, № 2, C. 80—87.

14. Man'kovskaja N.B. Postmodernizm v jestetike [POSTMODERNISM IN AESTHETICS] // Filosofskaja antropologija. 2018. T. 4. № 1. S. 192—230.

15. Ravochkin N.N. Kul'turnyj determinizm kak osnovanie sociokul'turnoj modernizacii obshhestva: analiz trudov Maksa Vebera [CULTURAL DETERMINISM AS THE BASIS OF SOCIAL AND CULTURAL MODERNIZATION OF SOCIETY: MAX WEBER WORKS ANALYSIS] // Zametki uchenogo. 2015. № 3. S. 74—77.

16. Romanovskaja E.V. Moris Hal'bvaks: Kul'turnye konteksty pamjati // Izvestija Saratovskogo universiteta. 2010. T. 10. Vyp. 3. S. 39—44. (Filosofija. Psihologija. Pedagogika).

17. Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' // Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kul'ture. 2005. № 2/3. S. 8—27.

18. Jestetika i teorija iskusstva HH veka: hrestomatija / A. Migunov, N. Hrenov. M.: Progress-Tradicija. 1065 s, S.94.

19. Jesteticheskij princip v ego transcendental'nom razvitii [Jelektronnyj resurs] // Losev A.F. Istoriya antichnoj jestetiki. Ch. 2. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev2_HistEst/2Los_estprin_2b.php (data obrashhenija 27.04.2021).

20. Reflection of Ideas about Native Land in Poetic and Prose Works Using Narrative Literature Technique / B. Z. Omarov, M. B. Salkynbayev, T. E. Kydyr, G. I. Kuldeyeva, M. Z. Yeskindirova,

Z. K. Alshinbayeva // MEDIA WATCH. 2020. Vol.11, № 2. P. 408—418.

Submitted 04.03.2021

Malinkina Elena V., PhD student, Department of philological foundations of publishing and literary creativity, Tver State University (70 Tchaikovsky Ave., Tver), alenka.malinckina@yandex.ru

Платон против «диамата»: спор о предмете философской науки в свете диалектики тотального и фрагментарного

М.Ю. Морозов

Гуманитарно-социальный институт, г. Люберцы, Россия

maxdiscovery@mail.ru

Статья представляет собой попытку осмысления диалога «Хармид» из наследия раннего Платона. Осмысление это совершается сквозь призму «двух актов» полемики о предмете и статусе философии, которая имела место в советских философских дискуссиях 20-х годов, и в 50-х годах, и связана с именами Э. Ильенкова, В. Коровикова, А. Деборина и др. Показывается, что ленинское решение вопроса о предмете философии, которое и отстаивал Ильенков, уходит корнями в идеи раннего Платона, который в силу исторической обусловленности не дает в «Хармиде» явного ответа и оставляет открытым финал. Однако контуры решения, намеченные уже самим Платоном, определенно «отсекают» большинство аргументов, высказанных в ходе полемики противниками Ильенкова, оставляя тем самым «идеальный образ» такого решения, доказывая его существование и однозначность.

Ключевые слова: предмет философии, диалектика, софросина, философия, теория познания, логика, Э.В. Ильенков.

Plato vs. «dialectical materialism»: the dispute about the subject of philosophical science in the light of the dialectic of totality and fragmentarity

M. Y. Morozov

Institute for the Humanities and Social Sciences, Lyubertsy, Russia

maxdiscovery@mail.ru

This article is an attempt to comprehend the dialogue «Charmides» from the heritage of early Plato. This reflection is made through the prism of «two acts» of polemics on the subject and status of philosophy, which took place in the Soviet philosophical debates of the 20s, and in the 50s, and are associated with the names of E. Ilyenkov, V. Korovikov, A. Deborin, etc. It is shown that the true Leninist solution to the question of the subject of philosophy, which Ilyenkov defended, has its roots in the ideas of early Plato, who, because of historical conditioning, does not give an explicit answer in «Charmides» and leaves the finale open. However, the contours of the solution outlined already by Plato himself definitely «cut off» most of the arguments expressed during the polemics by Ilyenkov's opponents, thus leaving an «ideal image» of such a solution, proving its existence and unambiguity.

Keywords: the subject of philosophy, dialectics, Sophrosyne, philosophy, theory of knowledge, logic, E.V. Ilyenkov.

«Любая попытка критически проанализировать гегелевскую философию права сразу же сталкивается с острейшими проблемами нашего, XX века, и именно с теми, которые практически еще не разрешены. Гегель поэтому сразу же превращается в повод для обнаружения актуальных разногласий, и любая интерпретация Гегеля имплицитно является выражением той или иной идеологической позиции — сознательно или бессознательно» [4, с. 83], — так начинает Э. В. Ильенков свой доклад «Гегель и отчуждение», подготовленный к Международному Гегелевскому конгрессу в Праге (1966). Понятно, что эти слова справедливы отнюдь не только в отношении гегелевской философии: в такие «поводы для обнаружения актуальных разногласий» превращаются и работы Маркса, Фихте, Канта, Спинозы, Аристотеля — словом, всей линии классической философии, а также — если брать шире и внимать совету М. Семека — *всех тех научных знаний, которые приближают к истине и не являются апологией наличного положения* [21]. В этом докладе Ильенкова содержится также следующая занимательная мысль: «Гегель в итоге предстает как своего рода неразвитый образ современности, XX века, als seiner Keim (как его зародыш. — М. М.). По этой причине интерпретации Гегеля всегда имеют явно или неявно подразумеваемую цель: “Das Böse im Keim zu ersticken” (уже в зародыше заботиться о добре. — М. М.). Или наоборот: “Das Gute im Keim zu pflegen” (уже в зародыше заботиться о добре. — М. М.). Это отчётливо видно из таких оборотов речи, как, например, “криптогегельянство Сталина”, что, впрочем, скорее означает обратное — “криптосталянизм Гегеля”...» [4, с. 83].

О такой «заботе о добре в зародыше» — Das Gute im Keim zu pflegen — и хотелось бы упомянуть. Есть у Платона один диалог — «Хармид» — который относится к раннему этапу его творчества. Осевая линия этого диалога — рассуждение о том, что обозначается непереводаемым греческим словом

«софросина». Что же такое эта «софросина»? А.Ф. Лосев отмечает, что можно допустить «в качестве перевода его и «рассудительность», и «благоразумие», и «здравомыслие», и «сдержанность», и «умственное целомудрие» (этот последний перевод представляется нам наиболее близким к греческому термину) [9]. Содержание «Хармида» и состоит, будто бы, в прояснении этого вопроса. В первой части диалога «рассудительность» (именно так переведено это понятие в издании [15]) получает в ходе диалога три различных определения («благопристойность, спокойствие души и тела»; «стыдливость души»; «делание своего»), но ни одно из них не выдерживает критики в споре. Вторая же часть диалога построена на противоречии, которое живо опознается читателями, знакомыми с философскими дискуссиями в советских журналах 20-х годов (речь о дискуссиях «механистов» и «деборинцев»), что обрели «второе дыхание» в связи с небезызвестными событиями на философском факультете МГУ середины 50-х годов (речь о тезисах Ильенкова — Коровикова).

Противоречие возникает по мере того, как мы пытаемся определить функцию и предмет философии: если философия претендует на научный статус, то каково её отношение к т.н. «положительным наукам»? Если философия — метанаука, «наука над науками», то мы, несколько огрубляя, получим деборинскую позицию, что философия есть методология положительных наук. В основном именно такое положение занимала философия диалектического материализма и согласно действительности (и в митинское, и в сусловское время), и в отражении этого действительного положения в учебниках по «диамату» и «истмату». Так понятая философия, хотя и опирается на данное Энгельсом определение науки «о всеобщих законах природы, общества и мышления», является не «итогом, суммой, выводом *истории* познания мира» [8, с. 85], а набором догм-постулатов («познание есть отражение»,

«материя первична», «все взаимосвязано» и т.д.), с которыми должны соотноситься свои выводы положительные науки, которые (постулаты) должны выполнять также функцию «связывания», синтеза, обобщения данных всех положительных наук в единое мировоззрение. Нетрудно предположить, что это «соотображивание», связывание, обобщение будет внешним и абстрактно-бессодержательным постольку, поскольку абстрактно-бессодержательными становятся данные (сами по себе верные) постулаты в отрыве от движения самого материала исследования; такое «соотображивание» сродни внешнему «налаганию» системы диалектических категорий (в лучшем случае) на материал или поиску в этом материале законов и черт диалектики (в худшем случае). Тем более нетрудно такое предположение подтвердить, обращаясь к многочисленным примерам научных работ (прежде всего — философских) из советской действительности; свидетельство жалкого положения такой философской «науки» — ильенковское письмо «О положении с философией» [3, с. 378—387].

Если же философия — не метанаука, а лишь наука в ряду других наук, «равная среди равных», то становится непонятным, а что же, собственно, она должна изучать? Широко известно положение Энгельса: «За философией, изгнанной из природы и из истории, *остаётся*, таким образом, ещё только царство *чистой мысли*, поскольку оно ещё остаётся: учение о законах самого *процесса мышления, логика и диалектика*» [10, с. 316]. Трактовалось оно и раньше, и сегодня трактуется, двояко.

1. Философия — вредный пережиток буржуазного общества, и задача пролетарской науки — изгнать философию из этой науки вовсе. Наиболее ярко и отчетливо такая позиция выражена в статье С. Минина «Философию за борт!» [14]. Логический акцент в толковании указанной цитаты Энгельса делается при этом на словах «*изгнанной из природы и истории*» (то, что

отцы-основатели уже успели сделать сами, без помощи советских теоретиков) и «*поскольку ещё остаётся*» (следовательно, остаться не должно вовсе — тут отцы-основатели фундаментально поработать не успели, не вычистили буржуазную заразу до конца). «Чистая мысль» в таком изложении понималась как нечто безусловно вредное (впрочем, не без оснований), а для яркости образа и увесистости аргумента позиция подкреплялась также цитатой из Маркса о половой любви [11, с. 225] и цитатой из Энгельса о «ныне покойной философии» [13, с. 27].

2. Философия — не пережиток буржуазного общества, а равноправная наука с прочими положительными (см. ответ Румия В. на вышеуказанную статью С. Минина [17]); «умирает» философия только в прежнем смысле построения систем, претендующих на всеохватность и абсолютную окончательную истину. У так понятой философии, как указывал Энгельс в ряде мест помимо вышеприведенного, есть свой четко определенный предмет: мышление с его законами, логика и диалектика.

Понятное дело, что имеет смысл разбирать далее только второй пункт, т.к. принятие первого самоупраздняет смысл не только данной статьи, но и всякие рассуждения о философии вообще. Основание первого пункта — способ понимания позиции Энгельса как упразднения философии вообще — заключается в том, что философия, начиная с Маркса, действительно коренным образом меняет свое качественное положение в системе наук. Но даже если здесь говорить об упразднении всякой философии, грубейшей ошибкой будет упразднять также специальные теоретико-познавательные проблемы, которые этой отраслью науки ставились и решались. Таким образом, мы вновь имеем «развилку»: отбросить философию вовсе (зряшное отрицание типа «нет») со всем ее «философским хламом» или сохранить все накопленное более-чем-двухтысячелетней ее историей богатство. Второй

вариант, разумеется, более адекватен — но именно он и сводит первую трактовку (см. п. 1) к второй (см. п. 2), а спор о «смерти философии» превращается в спор о словах.

Но и во втором пункте (философия как отдельная наука наряду с остальными) не все так просто: ведь именно отсюда растет позитивистская позиция «наука сама себе философия». Дескать, изучаете вы свое «чистое мышление»? Вот и изучайте, а к физикам, химикам, биологам etc. не вздумайте лезть — у них своя «логика предметной области», и в ней они разбираются получше философов. Такое понимание, в основном, положено сегодня здравым смыслом в т.н. «научном сообществе» и является следствием из методологически принятого (и политически приятного) плюрализма: истин много, у каждого своя — выбирай на вкус. А о вкусах, как известно, не спорят.

Все это прекрасно и увлекательно, скажет читатель, но причем же здесь Платон? Платон к этим вопросам примыкает самым непосредственным образом. Удивительно то, что противоречие, выраженное им в «Хармиде», не только почти дословно воспроизводит аргументы сторон дискуссии о предмете философии, но и оставляет единственно возможный положительный ответ — заключенный, правда, в форме вопроса в открытом финале диалога. Обратимся к тексту.

Вторая часть диалога трактует «рассудительность» (мы помним, что за этим скрывается неведомая «софросина») как некоторое *знание*. Но если это знание, то с необходимостью оно является знанием *некоторой вещи*. Ведь полезность знания строительного или медицинского — очевидна. Софросина же является «знанием самого себя» — о чем это знание? В чем его «полезность»? Сократ спрашивает собеседника: «Будучи наукой о себе, что доставляет нам рассудительность прекрасного и достойного упоминания?» [15, с. 312]. Большого труда стоит, следуя за мыслью философа, не согласиться с ним:

верно, никакая рассудительность как «знание себя» не может непосредственно дать умение построить дом. Но делает ли ее это бесполезной? Мысль Платона бьется в тисках именно указанного выше противоречия: «наука наук» или «отдельная наука о мышлении»? Это необходимо держать в уме, чтобы верно понять направление его философского поиска.

Итак, любая наука, любое знание имеет отличный от себя предмет. Но не «софросина». Нельзя не отметить здесь важную перекличку смыслов: в позиции Спинозы о различении знания и предмета этого знания — «идея тяжести сама не тяжела, идея круга сама не кругла» — явно виден «ответ» платоновского рассуждения. «Софросину» в комментариях к другому диалогу Платона, «Гиппий меньший», Лосев трактует как «субъективную сторону предикации», в противовес объективному обоснованию предикации, необходимость которого и подчеркивается в «Гиппии меньшем»; такое обоснование отличает знание от пустой болтовни. Нет ничего удивительного, что субъективная сторона предикации (т.е. собственно «ум», способность ума). Кант назовет ее способностью суждения, которая не может быть воспитана) мыслится в отрыве от объективной стороны (содержания знания). Понимание содержания категории как «миллионы раз повторенного практического действия, закрепленного в форме понятия» [8, 172] (т.е. понятия как объективного по содержанию и субъективного по форме), принятое в материалистической диалектике, понятой как логика и теория познания, снимает данный разрыв. Мы склонны по этой именно причине считать, что философия, понятая как единство диалектики, логики и теории познания и есть обсуждаемая в этом диалоге «софросина».

Платоновское определение почти дословно совпадает здесь с пониманием предмета философии Э.В. Ильенковым, которое мы обнаруживаем в его «Тезисах»: «Все

остальные науки имеют своим предметом нечто иное, а не самих себя, рассудительность же — единственная наука, имеющая своим предметом как другие науки, так и самое себя» [15, с. 312].

Однако отсюда открывается путь мысли к двум различным вариантам понимания, а именно: позиции Ленина и Деборина. Сократ, заостряя позицию своего собеседника, дает новое определение: философия понимается как способность проводить границу между истиной и ложью не только у самого себя, но и у других; эта способность выводится из положения философии как единой науки, предмет которой есть не только она сама, но и другие науки. Здесь уже нетрудно угадать «всеобщие законы природы, общества и мышления», осмысленные в митинско-сусловском ключе.

Но Платон устами Сократа мастерски критикует это положение, камня на камне от него не оставляя: «Представь себе, если угодно, что существует некое зрение, которое не имеет своим объектом то, что является объектом всех других зрений, но представляет собою видение лишь самого себя и других зрений, а также слепоты; при этом оно, будучи зрением, вовсе не различает цвета, но видит лишь себя и другие зрения. Думаешь ли ты, что нечто подобное существует?» [15, с. 314].

Разумеется, ни подобного зрения, ни слуха, ни других чувств, ни любви, ни страстей, ни даже мнения, направленного на самое себя быть не может. Так не странно ли, спрашивает Платон, что наука, направленная на самое себя и на другие науки все-таки есть? Причем такая наука оказывается непременно *беспредметной*. Конечно, это очень странно; с этим вынужден согласиться и Критий, собеседник Сократа. Итак, мышление видит само мышление, размышляет о самом мышлении — это, по расхожему определению, и есть философия. Но само мышление есть по необходимости *отражение своего иного*, не-мышления; наука о науке

не должна и не может абстрагироваться от мира. Здесь же стоит отметить выход на глубокую диалектику принципов тотальности и фрагментарности, принципов «единого» и «делимого» («1» и «2»), которая в этом контексте отражена в проблемах, связанных с категорией фрактальности, причем нетрудно показать, что проблематика эта далеко не ограничивается историческим горизонтом 19 века (обычно ее связывают с именами Б. Больцано и К. Вейерштрасса), а восходит, как минимум, к учению пифагорейцев. Мы убеждены, что исследования в русле данной проблемы, где одномерность социума и человека, господство технологической рациональности, проблема возникновения мышления, его чистых и превращенных форм, проблема искажения и симуляции связываются в один туго заплетенный узел, обладают огромным эвристическим потенциалом, раскрыть который способна только диалектическая логика.

Итак, если философия — наука «о мире в целом», «мире вообще», то это и значит, что она лишена своего предмета, что она наука *обо всем вообще*, и именно потому — *ни о чем*. Значит, философия должна несомненно быть наукой о *чём-то*, чём-то определенном. В этом русле направляется и мысль Платона. Приводимый ниже отрывок является важнейшим для положительного решения проблемы предмета философии:

«Что же, скажем ли мы, что эта наука является наукой о чем-то и в ней заложена некая потенция быть таковой? Ты с этим согласен?

— Да, несомненно.

— Ведь и о большем мы утверждаем, что оно обладает такого рода потенцией, которая позволяет ему быть большим, чем нечто другое?

— Да.

— А это другое разве не является меньшим, коль скоро большее — больше?

— Это неизбежно.

— Итак, если бы мы нашли некое большее, которое было бы больше [других]

больших и самого себя, но другие большие не превышали бы ни одно из них, то ему вполне оказалось бы присущим быть больше самого себя и одновременно меньше? Или ты не согласен с этим?

— Напротив, я считаю это само собой разумеющимся, Сократ, — отвечал Критий.

— Значит, если что-либо является двойным по отношению к другим двойным величинам и к самому себе, то именно будучи половиной самого себя и других двойных величин, оно будет двойным как по отношению к самому себе, так и к ним. Ведь двойным оно может быть только по отношению к своей половине [31].

— Это верно» [15, с. 315—316].

Этот фрагмент требует пояснения и комментария, поскольку является в диалоге ключевым. Примечание [31] гласит, что «здесь обсуждается диалектика отношений одного и иного, характерная для диалога «Парменид»». Одного указания на сходство проблематики с другим знаменитым диалогом недостаточно, ведь проблематика эта — далеко не игра словами, не голое «искусство спорить», как по неразумению часто понимают античную диалектику, вовсе нет. На наш взгляд, это важнейший пункт для понимания и разрешения платоновской проблематики: «если бы мы нашли некое большее, которое было бы больше [других] больших и самого себя, но другие большие не превышали бы ни одно из них, то ему вполне оказалось бы присущим быть больше самого себя и одновременно меньше». Само строение фразы удивительно напоминает известный пассаж из Маркса: «...если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости» [12, с. 177]. Совпадение ритмического и смыслового слоев двух фраз вполне может быть объектом текстологического исследования на предмет перекрестного влияния Платона на марксовы построения, но речь сейчас

о другом — о ключе к разрешению противоречивого положения философии. «Некое большее», которое предполагает Платон — это познающее мышление, возникающее по практической необходимости и по этой же необходимости совершающее удвоение мира в сознании («быть двойным по отношению к самому себе и другим двойным величинам»). Созидаемое в процессе человеческой практики тело культуры и существующее через и сквозь индивидов, включенных в это предметное неорганическое «тело» и создает такую «путаную» ситуацию, которую *предельно точно* на языке понятий выражает Платон: отдельный индивид, осуществляющий свою жизнедеятельность уже не по мере своих биологических потребностей, а по мере потребностей человеческого мира, является «большим самого себя», но и другие такие большие не превышают в этом смысле ни одного из них — здесь отчетливо видна коммунистическая мысль о равенстве членов человеческого общества (в противовес обществу «гражданскому», как пишет Маркс в «Тезисах о Фейербахе»). Однако он *не только больше самого себя, но и одновременно меньше самого себя* постольку, поскольку он сам (т.е. само человеческое «Я») есть не что иное, как усвоенные (интериоризированные) формы человеческого общества, способы человеческой деятельности («пересаженные в голову и преобразованные в ней», по словам Маркса) и вне этих форм, которые никак не сводятся к одному (абстрактному) функционирующему индивиду, собственно «собой» быть перестает. Даже, точнее, не перестает, а просто не возникает — ведь излюбленный пример Робинзона характерен тем, что Робинзон на острове вовсе не абстрактный индивид: он несет «в себе» всю потенцию человеческого общества, той культуры, в которой он воспитан, тех способностей, которые он в этой культуре получил. Но попади Робинзон на необитаемый остров, будучи 2—3 недель от роду — и никакого романа не получилось бы. Ведь не получилось бы человека.

Именно теорией *такого* познающего (постольку, поскольку преобразующего) мышления является философия — это тезис уже вполне марксистский, наиболее ясное и законченное выражение нашедший в ленинском определении: *диалектика, логика, теория познания, не нужно и трех слов, а не только трех разных наук*. Очень характерно, что Платон оставляет центральный вопрос диалога открытым. Ксенофонт, указывая, что Сократ не дал определения софии (мудрости) и софросины — «целомудрия» (рассудительности), ставит, однако, ему в заслугу положение о том, что, зная прекрасное (*καλά*) и хорошее в нравственном смысле (*αγαθά*), надо уметь ими пользоваться, а зная нравственно безобразное, надо его избегать [7, с. 97]. А.А. Тахо-Годи указывает, что «главная цель Сократа — заставить читателя задуматься над диалектикой понятия» [15, с. 557]. А.Ф. Лосев отмечает «В определении софросины на первый план выступает здесь тоже «делание своего». Однако это какое-то очень общее мастерство, и создает это мастерство не правильную подвижность корабля, и не здоровую жизнь для больного, и не домашнюю утварь. Но в чем именно заключается эта общность, эта общая предметность, мастерски создаваемая самой этой предельной общностью? О содержательном наполнении этой предельной общности, о ее специфической предметности — об этом в «Хармиде» ничего не сказано» [9].

Все это так, но дело, думается, еще и в том (и прежде всего в том), что сам вопрос, гениально и точно поставленный в этом диалоге Платоном, невозможно было решить на современном ему этапе развития общества. Чрезвычайно ценно для исследователя платоновского наследия именно в «Хармиде» то, что собственное решение Платона — на объективно-идеалистической основе — здесь еще только вырабатывается и будет развернуто в более поздних диалогах, но при этом уже очень явно высвечены те тенденции, которые получили развитие в современной нам

философии. То, что эти тенденции тупиковые — уже Платон видит четко и ясно. Интеллектуальная честность позволяет ему прямо заявить в конце диалога о своей ошибке, о негодности первоначальных допущений: не имея возможности провести последовательно тот или иной принцип в отношении вопроса о предмете философии, Сократу и Критию приходится обуславливать рассуждение принятой договоренностью, допускать конвенцию (которую Л.К. Науменко метко обозначил как «фиктивность объективности»): «Но, Критий, если тебе это по душе, давай сейчас договоримся, что возможно существование науки о науке, и снова посмотрим, так ли это на самом деле» [15, с. 317].

Дальнейшее рассуждение Сократа показывает, что «чистое знание» в отрыве от действительности — бесполезно, ведь если софросина есть только знание о знании, а равно и о невежестве, то без знания, «погруженного» в предметные формы (скажем, врачебного дела, или зодчества, или иного мастерства), с одной лишь ее помощью нам не отличить умелого врача от неумелого, от лишь притворяющегося таковым, а значит и сама позиция опоры на «знание себя» теряет смысл. Такая позиция, впрочем, приводит к оголтелому эмпиризму — и это Платон чувствует очень хорошо. Знание, смысл как «бытие-с-мыслью» неотделимы, как замечал еще Л. Фейербах, даже от акта восприятия: на человека производят впечатление не только лучи солнца, но и равнодушный блеск далеких холодных звезд. Видеть без сознания или вовсе ничего не видеть — это одно и то же; это положение получает множество экспериментальных доказательств в психологической школе Л.С. Выготского. В лекциях о высших психологических функциях [2] он подтверждает на эмпирическом материале тезис Фейербаха, а многочисленные исследования развития этих функций у детей дают этому тезису наглядную иллюстрацию. Так, в статье Каплан и Фонарева [6],

посвященной умственному развитию детей в раннем возрасте, отмечается, что цвет, который ребенок с чисто физиологической точки зрения способен воспринимать практически с рождения, попадает в сферу его субъективности далеко не сразу — лишь к двум с половиной годам. Ребенок сталкивается с практической потребностью выделять цвет из хаоса разнообразных ощущений, и лишь постольку вынужден осмысливать это новое качество, «втягивать» его в орбиту своего «Я». В дальнейшей практике именно это осмысление является как бы пред-заданным, тем фундаментом, на котором человек строит взаимодействие с контурами внешних — материальных и идеальных — вещей. Отсюда и растет непонимание активности идеальной формы, свойственное эмпиристской традиции: в область отбора фактов попадает то и только то, *что мы выделяем* как имеющее существенное отношение к этой области фактов, и такая кажущаяся тавтология представляет немалую проблему, проблему основания, которым является предметно-преобразующая общественная практика. Но эта-то существенность, это-то отношение и определяется пред-заложенными в человека (до процесса исследования, а не априорно в кантовском смысле) понятиями, которые играют роль «просевных фильтров» для фактов: например, экономист, оставаясь экономистом, не будет учитывать среднепериодические флуктуации орбиты Юпитера как существенный фактор в своем исследовании, а специалист по эстетике — особенности химического состава краски или мрамора, которые являются «субстратом» произведения искусства. Эту активную роль знания и отмечает Платон: «...Быть может, то, что мы определили сейчас как рассудительность, а именно возможность отличать знание от невежества, имеет то преимущество, что человек, обладающий этой возможностью, усваивая что-то иное, легче это усваивает, и все представляется ему более ясным, ибо всему, что он изучает, он

предпосылает знание. И, быть может, других людей он лучше испытает в отношении того, что ему самому понятно, а те, кто производят испытание без такого знания, делают это слабее и хуже?» [15, с. 321].

Крайне любопытно — коль мы ведем речь о скрытых «ростках» будущих учений — отметить в этом диалоге и важные замечания, которые хоть и не относятся непосредственно к предмету философии, но имеют немалое значение для того, что обычно называют термином «ленинизм»: поверхностная критика далеко не всегда, как блестяще показывают исследования М. Семека [22] и М. Сobotки [23], представляет себе глубину, в которую уходят основания этой теории. В нижеприведенном рассуждении Платона относительно важности «софросины» в управленческой руководящей деятельности нетрудно усмотреть зародыш знаменитого ленинского тезиса о «кухарке, управляющей государством» и о том, что «каждый должен быть бюрократом, чтобы никто не был бюрократом». Обратим также внимание на окончание фразы: здесь открывается выход в богатую и плодотворную проблематику превращения философии в идеологию и превращенных форм сознания вообще.

«Однако вот то, что мы сегодня сказали о рассудительности — будто великим была бы она благом, если бы оказалась способной руководить и домашним и государственным обиходом, — мне кажется, Критий, мы допустили неправильно.

— Почему так? — спросил он.

— А потому, — отвечал я, — что мы с легкостью допустили, будто для людей было бы великим благом, если бы каждый из нас делал сам то, что он знает, а то, что ему неведомо, препоручал бы людям знающим» [15, с. 321].

Платон выступает здесь против разделения труда! Ведь «великое благо» перекладывания ответственности мышления и тяжести действия по меркам свободы, весьма ярко и обстоятельно описанное Э. Фроммом [20]

и знакомое многим читателям далеко не по одним только книгам, с необходимостью оборачивается бессознательностью и беспомощностью в отношении глобальных проблем.

Особенно удивительно и важно то, что вопрос о разделении труда — вопрос чисто общественный — оказывается здесь завязан на решении вопроса о предмете (месте) философии; из определенного решения этого отвлеченного, казалось бы, вопроса следует напрямую определенное отношение и к разделению труда. В следующем фрагменте — почти полное совпадение с ленинской позицией. Диалектика, растворяясь в материале, выступает теорией познания потому, что она является теорией переделывания, истинным мастерством преобразования; здесь — точка совпадения истины, добра и красоты, характерная для Сократа, Платона и Маркса:

«Ведь если нами руководит по преимуществу рассудительность — в том качестве, как мы ее сейчас определили, — и, с другой стороны, если она действует в соответствии с науками, то ни один самозванный кормчий нас не обманул бы, и ни врач, ни стратег, ни кто-либо другой, делающий вид, что он знает то, чего он не знает, не остался бы неразгаданным. А коль скоро это обстоит таким образом, какой может быть иной для нас вывод, кроме того, что и тела наши будут более здоровыми, чем теперь, и скорее спасутся те, кто рискуют как на войне, так и на море, и любая утварь, одежда, обувь — одним словом, любые вещи будут изготавливаться искусно для нас, и все прочее, ибо мы будем пользоваться услугами только истинных мастеров. <...> Я постигаю, что *человеческий род будет подготовлен и снаряжен для сознательной жизни и деятельности таким образом:*

рассудительность, как верный страж, не допустит, чтобы вмешалось невежество и стало нашим помощником (курсив. — М. М.)» [15, с. 322].

Но и с этой мыслью Платон согласиться до конца не может: он иронизирует над собеседником, в шутку предлагая ему применить «знание себя» к изготовлению обуви, обработке меди, шерсти, дерева и т.п. Здесь выявляется не что иное, как историческая ограниченность его позиции. Именно эта историческая ограниченность мешает Платону признать в труде по производству материальных благ «сознательный подход», дарующий благополучие и счастье. Особенно явным это становится с учетом примечания 34: «В ориг. τέλος του εν πράττειν, букв.: «завершение благополучия». Но так как слово τέλος — «конец», «цель» (ср.: телеология) имеет в греческом языке значение окончательной реализации, совершенной законченности (ср. Зевс Телейос, т.е. Зевс, приводящий к законченному совершенству), это выражение можно перевести как «совершенное осуществление благополучия» [15, с. 556]. Не может еще рабочий человек во времена Платона рассматриваться как «цель» и «совершенная законченность» (или «законченное совершенство»), и это понятно. Чтобы не оставалось сомнений, Платон проясняет эту свою позицию:

«Скажи мне, — возразил я, — разве не одно и то же ты называешь словами “делать” и “заниматься”? [22]

— Нет, не одно и то же, — отвечал он. — Да и “трудиться” не означает “делать” [23]. Я перенял это у Гесиода, сказавшего, что никакой труд не может считаться зазорным. [24]¹ Или, думаешь ты, если бы он называл словами “трудиться” и “заниматься” те дела,

¹ Примечательно, что Гесиод — певец родоплеменного общества — вкладывает тот смысл, что труд не позорен, позорна праздность. Платон же, внешне принимая эту формулу, отсекает как позорные определенные виды труда, называя их иначе: просто «дело». За будто бы малозначительной языковой игрой кроется глубокое классовое содержание: труд членов рода как единого целого на благо целого противоположен по сути расколотому по классовым интересам труду в экономической формации, обществе господства и подчинения, первой прогрессивной эпохой которой является античное общество.

что ты сейчас перечислил, он решился бы сказать, что нет никакого позора в ремесле сапожника, торговца соленой рыбой² или продажного развратника? Не надо так думать, Сократ; я полагаю, что он считал “дело” чем-то отличным от “труда” и “занятия”»³ [15, с. 308—309].

Ремесло сапожника ставится в одном ряду с ремеслом торговца и продажного развратника. При капитализме, впрочем, все трое вполне могут быть пролетариями, так что и сегодня такой ряд не вполне лишен основания.

Интереснее другое: соотношение «дела» (ποίηϊν) и «труда» (ἐργάζεσθαι), «занятия» (πράττειν) (здесь у Платона два последних — синонимы). Примечание 22 гласит: «Если вспомнить, что в «Никомаховой этике» Аристотель различает *praxis* (творческая деятельность) и *poiesis* (делание), то становится ясно, что в творческом действии совпадают деятельность и ее цель, а в обычном действии процесс делания мыслится вне его связи с результатом» [15, с. 555]. Это не может не вызывать у внимательного читателя размышлений на мотивы творческой деятельности, отчуждения и производительного труда; здесь, опять-таки, подчеркнем, что ремесло сапожника мыслится Платоном принципиально отличным, противоположным творческой деятельности, связанной с совпадением этой деятельности и ее цели, т.е. понимается как отчужденный труд («мыслится вне его связи с результатом»). Связано это, несомненно, не с собственными качественными определениями процесса труда (и сапожник ведь может делать сапоги на уровне искусства — эстетическая проблематика безразличного отношения великолепно развернута А.С. Канарским

в «Диалектике эстетического процесса» [5]), а с социальным положением как ремесленника, так и его собратьев по классу.

Подобная же историческая ограниченность заставляет Шеллинга помещать на вершину своей системы человека искусства, гения, который совершенно иррациональным образом совершает скачок, переход (тождество) между двумя «ветвями» этой системы — трансцендентальным идеализмом и натурфилософией, проторяя путь всей неклассической философии от Шопенгауэра до современных спекулятивных реалистов. Известно замечание Энгельса о том, что «история имеет свой собственный ход, и сколь бы диалектически этот ход ни совершался в конечном счете, все же диалектике нередко приходится довольно долго дожидаться истории» [13, с. 430]. Да, из-за исторической ограниченности Платон не приходит к решению. Он оставляет нас с неразрешенным вопросом «дождаться истории» — но сам «коридор» возможных решений в результате его критики остается поразительно узким. Ровно настолько, чтобы в этом «коридоре» поместилось ленинское решение, которое необыкновенно точно совпадает с очерченным Платоном «контуром» — контуром вещи, которой еще нет, но которая по всем необходимым признакам должна там быть. То, что эта вещь там точно есть — нетрудно уразуметь после того, как известен «ключ к анатомии человека». Во «Всеобщей теории развития» В.А. Босенко иллюстрирует это таким образом: «Механизм постижения сущности примерно таков: мы посредством практики вырываем из бесконечного единого ту или иную вещь, как бы вынимаем «кирпич» из сплошной «стены» абсолютного бытия единства мира. При этом вырванное

² *Шить обувь, продавать солонину, или сидеть в лавочке*, σκυτοτομοῦντι ἢ ταριχολωλοῦντι ἢ ἐπ’ οἰκίματος καθήμενῳ. Σκυτοτομοῦντι у греков почиталось самым низким ремеслом; так что σκυτοτόμοι, башмачники и вообще мастера, приготовлявшие какие-нибудь вещи из кожи, вошли у них в пословицу.

³ Перевод Карпова [16] позволяет сделать смысл соотношения более прозрачным: производить (*poiein*) — работать (*ergadzein*) — делать (*pratein*). Также важны для понимания примечания 23 и 24 о смысле указанного стиха Гесиода и о характере различных видов работ на с. 291.

нечто, пущенное в практическое дело по потребностям общественным человеческим, перестает быть собой. Как восстановить оборванные с единством мира связи, когда вещи уже нет?

Нет вынутого из «сплошной стены» всеобщего бытия «кирпича», его использовали в хозяйстве практическом. (То как «оселок» для точки ножа, то после размельчения в порошок — для чистки посуды, то как подпорка вместо сломавшейся ножки дивана, то как гнет при засолке капусты и т.д. до бесконечности. Но в каждом случае он перестает быть «кирпичом». Это его исходное качество отрицается.) Но осталась своего рода «дырка», некоторое «ничто» этого нечто в «стене» из которой мы вырвали чувственно-практически эту форму бытия. А с этим, значит, получили форму предмета без предмета. По этой ничтожной идеальной форме и происходит восстановление связей всеобщих. Мы практически делаем воспроизведение вещи по ее контуру и водружаем на место и, таким образом, устанавливаем объективную истинность нашего знания о ней и ее места в мировой связи. Но уже на уровне знания сущности ее, конкретности (единства в многообразии), а не односторонности (абстрактности), противоречивости и т.д., доведенной до единства отдельности и общего, всеобщего. Если мы в состоянии практически воспроизвести вещь исходного типа, которая адекватно занимает место по контуру упомянутой «дырки», то это и есть показатель и критерий истинности нашего знания. Этим же мы восстанавливаем ее всеобщую связь, единство в многообразии (= конкретность). В этом и заключается смысл того, что зовется конкретностью истины» [1, с. 40—41].

Именно своей конкретностью — единством во многообразии — так сложен для уяснения вопрос о предмете философии. Нетрудно видеть, что положение о единстве диалектики, логики и теории познания легко разрывается рассудком на две мнимо независимые половинки; половинки эти абстрактны

— и потому неистинны. Но каждая из них содержит на себе «налет» истины, потому так трудно рассудку отказаться от них в своей отдельности — или же в своей отдельности согласиться с ними. Получается то, что Гегель описывает в главе «Науки логики» об абстрактном отрицании конечного — дурная бесконечность. Сначала верно одно — затем другое — затем снова первое — затем снова второе... (Словно «функция истинности» в формальной логике принимает последовательно значения: 0, 1, 0, 1, 0... Вот только и «истинность» здесь — неистинная; она сама есть лишь абстрактная половинка. Именно такой подход к формализации противоречия предлагается В.В. Тарасенко [19] и В.А. Светловым [18]). Рассудок сводит себя с ума — хотя, строго говоря, никакого «ума» тут еще нет. Для ума же характерно не «зряшное» отрицание, а умение выдерживать напряжение противоречия. Умение это — мыслить культурно — и воспитывается на осмыслении материала долгого и трудного развития передовой науки, которая мышление (и потому — бытие мира в целом) делает своим предметом.

Литература

1. **Босенко В. А.** Всеобщая теория развития. Киев, 2001. 468 с.
2. **Выготский Л. С.** Лекции по психологии. СПб.: СОЮЗ, 1999. 144 с.
3. **Ильенков Э. В.** О положении с философией (Письмо в ЦК партии) // «Эвальд Васильевич Ильенков» Под ред. В. И. Толстых. М.: РОС-СПЭН, 2008. 375 с.
4. **Ильенков Э. В.** Диалектическая логика: собр. соч. Т. 4. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 464 с.
5. **Канарский А. С.** Диалектика эстетического процесса. Киев, 2008. 380 с.
6. **Каплан Л., Фонарев А.** Умственное развитие в раннем детстве: как ему способствовать // Наши дети: сб. М.: Книга, 1988; То же // Заря: электр. библиотека. URL: <https://zarya.xyz/l-ka-plan-a-fonaryov-umstvennoe-razvitie-v-rannem->

detstve-kak-emu-sposobstvovat/ (дата обращения 20.04.2021).

7. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. 379 с.

8. Ленин В. И. Полное собр. соч. Т. 29. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1969. 776 с.

9. Лосев А. Ф. Комментарии к диалогам Платона [Электронный ресурс]. М.: Мысль. Киев: PSYLIB, 2005. // PSYLIB.KIEV.UA: библиотека Фонда содействия развитию психической культуры. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/losew06/index.htm> (дата обращения 20.04.2021).

10. Маркс К., Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 21. М.: Изд-во политической литературы, 1961.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М.: Изд-во политической литературы, 1955.

12. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Т. 1 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 23. М.: Изд-во политической литературы, 1960.

13. Маркс К., Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 20. М.: Изд-во политической литературы, 1961.

14. Минин С. Философию за борт! // Под знаменем марксизма. 1922. № 05-06; То же // Заря: электр. библиотека. URL: <https://zarya.xyz/minin-s-filosofiyu-za-bort/> (дата обращения 20.04.2021).

15. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986.

16. Платон. Сочинения: в 6 т. / Пер. В. Н. Карпова. СПб.: типография духовн. журнала «Странник», 1863. Т. 1.

17. Румий В. Философию за борт? // Под знаменем марксизма. 1922. № 05-06; То же // Заря: электр. библиотека. URL: <https://zarya.xyz/rumij-v-filosofiyu-za-bort/> (дата обращения 20.04.2021).

18. Светлов В. А. Диалектическое противоречие: Новые формальные основания диалектического мышления. М.: ЛЕНАНД, 2021. 208 с.

19. Тарасенко В. В. Фрактальная логика. 5-е изд. М.: URSS, 2018. 200 с.

20. Фромм Э. Бегство от свободы / [Пер. с англ. А. В. Александровой]. М.: АСТ, 2019. 288 с.

21. Kloc-Konkołowicz J. Rozum praktyczny w filozofii Kanta i Fichtego Prymat praktyczności w klasycznej myśli niemieckiej [Monografie Fundacji na Rzecz Nauki Polskiej. Seria Humanistyczna]. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2007. ISBN: 9788322927960.

22. Siemek M. J. Idea transcendentalizmu u Fichtego i Kanta. Warszawa: PWN, 1977.

23. Sobotka M. Člověk a práce v německé klasické filosofii. Praha. 1964.

Поступила 20.04.2021

Морозов Максим Юрьевич — преподаватель Гуманитарно-социального института (Российская Федерация, 140079, Московская область, город Люберцы, дачный посёлок Красково, улица Карла Маркса, дом 117); maxdiscovery@mail.ru

References

1. Bosenko V. A. Vseobshhaja teorija razvitiya. Kiev, 2001. 468 s.

2. Vygotskij L. S. Lekcii po psihologii. SPb.: SOJuZ, 1999. 144 s.

3. Il'nikov Je. V. O polozhenii s filosofiej (Pis'mo v CK partii) // «Jeval'd Vasil'evich Il'nikov» Pod red. V. I. Tolstyh. M.: ROSSPJeN, 2008. 375 s.

4. Il'nikov Je. V. Dialekticheskaja logika: sobr. soch. T. 4. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitacija», 2020. 464 s.

5. Kanarskij A. S. Dialektika jesteticheskogo processa. Kiev, 2008. 380 s.

6. Kaplan L., Fonarev A. Umstvennoe razvitie v rannem detstve: kak emu sposobstvovat' // Nashi deti: sb. M.: Kniga, 1988; To zhe // Zarya: jelektr. biblioteka. URL: <https://zarya.xyz/l-kaplan-a-fonaryov-umstvennoe-razvitie-v-rannem-detstve-kak-emu-sposobstvovat/> (data obrashhenija 20.04.2021).

7. Ksenofont. Vospominanija o Sokrate. M.: Nauka, 1993. 379 s.

8. Lenin V. I. Polnoe sobr. soch. T. 29. 5-e izd. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1969. 776 s.

9. Losev A. F. Kommentarii k dialogam Platona [Jelektronnyj resurs]. M.: Mysl'. Kiev: PSYLIB, 2005. // PSYLIB.KIEV.UA: biblioteka Fonda sodejstvija

Submitted 20.04.2021

rozvitiju psihicheskoj kul'tury. Rezhim dostupa: <http://psylib.org.ua/books/losew06/index.htm> (data obrashhenija 20.04.2021).

10. Marks K., Jengel's F. Ljudvig Fejrbah i konec nemeckoj klassicheskoj filosofii // K. Marks i F. Jengel's. Sochinenija: v 50 t. 2-e izd. T. 21. M.: Izd-vo politicheskoj literatury, 1961.

11. Marks K., Jengel's F. Nemeckaja ideologija // K. Marks i F. Jengel's. Sochinenija: v 50 t. 2-e izd. T. 3. M.: Izd-vo politicheskoj literatury, 1955.

12. Marks K., Jengel's F. Kapital. T. 1 // K. Marks i F. Jengel's. Sochinenija: v 50 t. 2-e izd. T. 23. M.: Izd-vo politicheskoj literatury, 1960.

13. Marks K., Jengel's F. Anti-Djuring // K. Marks i F. Jengel's. Sochinenija: v 50 t. 2-e izd. T. 20. M.: Izd-vo politicheskoj literatury, 1961.

14. Minin S. Filosofiju za bort! // Pod zname-nem marksizma. 1922. № 05-06; To zhe // Zarja: je-lektr. biblioteka. URL: <https://zarya.xyz/minin-s-filosofiju-za-bort/> (data obrashhenija 20.04.2021).

15. Platon. Dialogi. M.: Mysl', 1986.

16. Platon. Sochinenija: v 6 t. / Per. V. N. Kar-pova. SPb.: tipografija duhovn. zhurnala «Strannik», 1863. T. 1.

17. Rumij V. Filosofiju za bort? // Pod zname-nem marksizma. 1922. № 05-06; To zhe // Zarja: je-lektr. biblioteka. URL: <https://zarya.xyz/rumij-v-filosofiju-za-bort/> (data obrashhenija 20.04.2021).

18. Svetlov V. A. Dialekticheskoe protivorechie: Novye formal'nye osnovanija dialekticheskogo mysh-lenija. M.: LENAND, 2021. 208 s.

19. Tarasenko V.V. Fraktal'naja logika. 5-e izd. M.: URSS, 2018. 200 c.

20. Fromm Je. Begstvo ot svobody / [Per. s angl. A.V. Aleksandrovoj]. M.: AST, 2019. 288 s.

21. Kloc-Konkołowicz J. Rozum praktyczny w filozofii Kanta i Fichtego Prymat praktyczności w klasycznej myśli niemieckiej [Monografie Fundacji na Rzecz Nauki Polskiej. Seria Humanistyczna]. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2007. ISBN: 9788322927960.

22. Siemek M.J. Idea transcendentalizmu u Fichtego i Kanta. Warszawa: PWN, 1977.

23. Sobotka M. Člověk a práce v německé klasické filosofii. Praha. 1964.

Morozov Maxim Yurievich, Lecturer at the Institute for the Humanities and Social Sciences (Russian Federation, 140079, Moscow Oblast, Lyubertsy, village Kraskovo, 117 Karla Marksa Street); maxdiscovery@mail.ru.

Историческая политика в контексте трансформаций концепций национальной безопасности Беларуси и России: теоретические основания

А.А. Мушта¹, Т.В. Растимешина²

¹Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь, г. Минск

²Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Россия, г. Москва

alex_mushta@mail.ru

Рассматриваются взаимосвязанные концепты исторической политики и политики памяти. Прослеживаются основания взаимосвязи между политикой безопасности личности, общества и государства и политикой памяти. Отмечается особенность современной российской и белорусской исторической политики, которая связана с использованием исторической памяти в качестве источника легитимности политических институтов. Показываются предпосылки секьюритизации исторической политики и политики памяти в условиях возрастания рисков и угроз внешнего характера и внутренней дестабилизации по отношению к политическим системам Беларуси и России.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, секьюритизация, национальная безопасность, Беларусь, Россия, историцистская схема, историцизм.

Historical Policy in the context of Transformations of the National security Concepts in Belarus and Russia: theoretical foundations

A.A. Mushta¹, T.V. Rastimehina²

¹Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Republic of Belarus, Minsk

²National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology», Russia, Moscow

alex_mushta@mail.ru

The interrelated concepts of historical policy and memory policy are considered. The foundations of the relationship between the security policy of the individual, society and the state and the policy of memory are traced. The author notes the peculiarity of modern Russian and Belarusian historical politics, which is associated with the use of historical memory as a source of legitimacy of political institutions. The author shows the prerequisites for the securitization of historical and

memory policy in the context of increasing risks and threats of an external nature and internal destabilization in relation to the political systems of Belarus and Russia.

Keywords: historical policy, memory policy, securitization, national security, Belarus, Russia, historicist scheme, historicism.

В начале третьего десятилетия XXI века, как и в предшествующие исторические периоды, проблема обеспечения безопасного существования личности, общества и государства продолжает носить острый характер. Внешние угрозы и внутренние политические противоречия оказывают существенное давление на национальные и международные системы безопасности, предъявляют принципиально новые требования к государственному управлению.

К перечню его актуальных направлений обеспечения безопасности, безусловно, относится историческая политика. Как показывает анализ, в настоящее время указанный термин вызывает полярные оценки и не имеет однозначного определения. В контексте заявленной темы ограничимся двумя дефинициями авторитетных исследователей из России и Украины:

«Набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие» [Миллер, с. 10].

«Целенаправленное конструирование и утилитарное использование в политических целях “исторической памяти” и других форм коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций — в том числе профессиональной историографии» [Касьянов].

Также следует отметить, что многие авторы не видят большой проблемы в отожд-

ествлении исторической политики с другим феноменом — «политика памяти». А поэтому их дефиниции весьма схожи:

— инструмент формирования макрополитической идентичности того или иного общества;

— система форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью нации (народа);

— совокупность акторов и коммуникаций, функционирующая относительно политического использования прошлого;

— политический менеджмент наследия воспоминаний;

— ресурс «мягкой силы» государства, важный компонент его идеологической стратегии и практики и др.

В Республике Беларусь категория «историческая политика» употребляется в сугубо позитивной коннотации, как «система целенаправленной деятельности институтов государственной власти по формированию национального историко-государственного мировоззрения человека и общества, укреплению историко-культурных и духовно-этических представлений людей, их готовности к созидательному труду, отстаиванию государственной безопасности и национальных интересов Отечества» [Коваленя, Арчаков, Данилович, Баньковский, с. 10—11].

Весьма симптоматичная в данном определении ссылка на национальные интересы и государственную безопасность служит наглядным подтверждением того, что сегодня историческая политика и связанная с ней

политика памяти многих стран (в том числе Беларуси и России) включены в более широкий круг проблем национальной безопасности.

Следует отметить, что сама история (память) власти в России, Беларуси и странах постсоветского пространства со сходными политическими режимами обладают определенной спецификой. Они, как правило, сконструированы, воспроизводимы посредством различных механизмов и инструментов, произвольны и производны от актуальных для текущего момента времени политических задач. За счет конструируемой (формируемой, корректируемой, контролируемой) памяти (конструирование и реконструкция производятся в рамках рассматриваемых политик) народы Беларуси и России разрешают конфликты между прошлыми и настоящими состояниями политических систем и политических институтов, а государственные институты и элиты укрепляют свою легитимность.

Западные политические культуры преимущественно избегают конфликтов с прошлым. В каком-то смысле западное прошлое более стабильно и «предсказуемо», оно осуществляет функцию политического якоря, балласта, обеспечивающего устойчивость политических систем в периоды турбулентностей, сломов и кризисов; память нормализует и создает естественные границы для эволюционного преемственного воспроизводства институционального и иных уровней политических систем. Несомненно, существует специфика памяти о прошлом для каждой из западных стран. Так, для английской политической системы память является преимущественно противоядием, содержащим ценности традиционализма и консерватизма, защищающего общество и власть от

«избыточных» модернизаций и реформ [Эйзенштадт, с. 271—273]. Во Франции память играет «направляющую и формирующую роль по отношению к национальному сознанию» [Нора, с. 22]. Тем не менее есть основания говорить о наличии общих атрибуций в культуре памяти власти западноевропейских демократий: память о политическом прошлом — это чаще всего зафиксированные реалии в форме исторических фактов, социальный и политический опыт во всей его сложности и многомерности, который кумулируется, наследуется и осмысливается (интерпретируется) каждым из поколений; однако существует общественный консенсус о недопустимости полного пересмотра и перелицовки фактографической составляющей, открытые информационные пространства, подконтрольные не только государству, но и гражданскому обществу, в том числе академии, не допускают ни затирания и замалчивания части фактов, ни общественной конфронтации по поводу радикализации общественного сознания на основе их переинтерпретации.

Если европейцы осваивают и присваивают прошлое, то постсоветская традиция привержена схеме «уничтожения — производства — воспроизводства». В некотором смысле каждому политическому режиму и каждой национальной идентичности на постсоветском пространстве нужно новое, причем суверенное прошлое. В результате память в постсоветских системах государственности и национальной идентичности замещается и подменяется различными историческими схемами: нации и элиты, «выброшенные» из исторического контекста политической турбулентностью и режимными трансформациями, имевшими место в 90-е годы XX века, замещают образовав-

шиеся лакуны «заплатками» историцистских мануфактур.

И гражданское общество (нация), и элита испытывают потребность в прошлом, поскольку нуждаются в том, чтобы быть встроенными в историческое время, эпоху, в идеале — в вечность. Для нации историческая память — основание национальной идентичности, для элиты — базис символической легитимности. Как точно отмечает Т. Нобль, «правлящая группа всегда озабочена, прежде всего, своим увековечиванием, и, что самое главное, своей продолженностью во власти» [Noble, с. 115]. Нуждаясь в легитимности, институты испытывают потребность рассматривать свой образ в его проекции на прошлое и находить конструктивные совпадения. Институты заинтересованы в построении проекции именно так, чтобы образ настоящей власти оказывался в достаточной (для обоснования ее легитимности) степени соответствующим проверенным на прочность и эффективность моделям власти исторического прошлого. Повторяемость ситуаций и образов в белорусской и российской политических культурах принято интерпретировать как стабильность и гармонию.

Таким образом, особенностью современной российской и белорусской политики является то обстоятельство, что память есть в первую очередь политический ресурс и лишь во вторую — объективная данность. Именно такой подход к исторической политике имел в виду М.Н. Покровский, заявлявший: «История не есть самодовлеющая задача, история — величайшее орудие политической борьбы, другого смысла история не имеет» [Эйзенштадт, с. 271—273]. Ему же принадлежит и другая знаменитая фраза: «История, политика прошлого, чрезвычайно увязана с политикой настоящего» [Аритизов, с. 107].

Как мы уже отметили, потребность в исторической памяти есть и у наций, и у институтов. Политические лидеры, партии, институты гражданского общества борются за обладание содержанием и формированием памяти. Но, как правило, на постсоветском пространстве государство является субъектом, априорно побеждающим в этой борьбе, поскольку ресурсы по «производству» и реконструированию истории сконцентрированы в руках государства. Оно контролирует большую часть исторического и информационного пространства, поэтому обладает монополией на использование памяти как политического ресурса.

Утопический и догматический историцизм, в терминологии К. Поппера, или «политика прошлого» представляет собой «метафизику истории» [19]. К. Поппер классифицирует те догмы, принципы и технологии, посредством которых авторы историцистских конструктов — политики — «управляют» исторической памятью. Совокупность этих технологий К. Поппер назвал историцизмом. К. Поппер показал, что примат историцизма в политике восходит к «персонализации» исторических сил и тенденций. Основной технологией историцизма является «выпячивание» или замалчивание тех или иных исторических периодов и явлений, поскольку в его основе лежит идея о том, что в прошлом той или иной нации или государства есть периоды более значимые: периоды расцвета, восхождения, величия и периоды нисхождения, заката, «тупиковых» путей [Поппер, 1993].

Историцистская схема представляет собой социально-философскую концепцию большей или меньшей степени сложности и глубины, в основе которой лежит догматизация универсального закона, открывающего возможность

интерпретации того или иного факта исторического прошлого и прогнозирования будущего на их основе. В психологическом отношении, историцистская схема как итог историцистского производства есть не что иное, как навязанное широким массам населения, внушенное воспоминание, сквозь призму которого граждане интерпретируют настоящее и представляют будущее. Государства, полностью владеющие информационным ресурсом и контролирующие значимые части информационных пространств, способны навязать внушаемым аудиториям любую «травму» (ярким примером искусственной травматизации является навязанный гражданам России концепт постколониальной драмы катастрофического распада СССР и соответствующих «фантомных болей» бывшей метрополии¹) или, напротив, воспоминание о победах и свершениях, которые воспринимаются как свои, индивидуальные, лично значимые.

Одной из наиболее актуальных из применяемых сегодня политическими институтами историцистских схем является модель секьюритизации.

Теоретико-философские истоки концепта «секьюритизация», как известно, восходят к Копенгагенской школе, рассматривавшей национальную и международную безопасность с позиций постмодернизма и конструктивизма. Ее представители Б. Бузан (Buzan B.), О. Вейвер (Waever O.) и Дж. Де Вейл (Wilde J. De) суть феномена секьюритизации и механизмы его функционирования изложили в ряде работ, главной из которых считается «Безопасность: новая структура для анализа» (1998 г.).

В наиболее общем виде секьюритизация — процессы признания факта существования угрозы (потенциальной или реальной), в настоящем и прошлом, наделения ее дополнительной значимостью (вплоть до закрепления в общественном сознании в статусе «экзистенциальной»), превращения ее в предмет внимания государственной политики (выработка, ресурсное обеспечение, реализация комплекса мер, направленных на предотвращение и противодействие угрозе) [Гайдаев; Седов].

Об устойчивом тренде перевода национально-государственной идентичности, исторических нарративов и исторической политики в плоскость рисков и угроз для национальной и международной безопасности пишут в своих работах российские исследователи: В. Апрыщенко, О. Гайдаев, Д. Ефременко, А. Миллер, Я. Севастьянова, М. Тамбовцева, Л. Фадеева, Д. Эйвазов и др.

Именно такой сценарий «акцентуации угроз» последовательно осуществляется в России с 2014 года: его апологеты пытаются осуществить возгонку и актуализацию патриотических архетипов национального самосознания, акцентируя наличие большого количества внешних угроз, особой роли государства в их преодолении и создании системы защиты от эскалации угроз, в связи с чем настаивают на необходимости этатизации и патернализации определенных сфер общественного развития. Стратегия секьюритизации, которая, в определенном смысле, перекликается с советской стратегией и идеологией Холодной войны, включает ряд идеологем. К их числу относится идея «Россия (Беларусь) в кольце

¹ Восприятие распада СССР как геополитической катастрофы естественным и неизбежным образом предполагает отложенные «фантомные» боли метрополии: и великодержавный шовинизм, и колониальный снобизм элит и народа России, если не исключаящие, то затрудняющие интеграцию русского и белорусского народов на основе идей равноправия и общего прошлого.

врагов». Так, Председатель Правительства РФ заявлял: «...мы должны понимать, что можем противопоставить в этой ситуации. И когда кольцо вокруг нашей страны начинает сжиматься — а количество стран, которые входят в НАТО, все увеличивается и увеличивается, — это нас не может не беспокоить» [Медведев назвал расширение НАТО...].

Наличие внешней институционализированной и/или персонифицированной угрозы, в свою очередь, предполагает возможность «повторения войны» и одерживания соответствующей победы. Следовательно, секьюритизация подразумевает возможность мобилизации граждан на ее основе, а именно «создание особого духовного подъема среди всех слоев населения, обеспечивающего готовность прилагать дополнительные усилия и даже идти на определенные жертвы» [Седов, с. 12], причем миллионами советских (и постсоветских — российских и белорусских) граждан жертвование материальными ресурсами, даже «своей жизнью и жизнью близких во имя победы должно восприниматься как политическая норма» [Растимешина, с. 19], должно быть основано на «фактическом пренебрежении собственными гражданскими правами, в том числе политическими» [Растимешина, с. 21].

Обеспечивают возможность мобилизации граждан России и Беларуси на основе концепта «секьюритизации», как мы считаем, также три основных фактора.

Прежде всего это патриотизм, в качестве основных компонентов которого выступают, с одной стороны, идеи уязвленной национальной гордости, с другой стороны, этатизм и преданность государству и лицам, воплощающим государственную власть, нацио-

нальному лидеру. В частности, в России антисанкции, и другие изоляционистские шаги (выход из различных международных организаций), — были первыми шагами государства по осуществлению мобилизационного сценария, реализованными с опорой на национальный консенсус.

Другой источник мобилизационной готовности: «персонализация, сакрализация верховной власти, восприятие образа лидера сквозь призму представлений о спасителе, «отце-благодетеле», «царе-батюшке» в сочетании с клиентелизмом, абсолютизацией роли личности, склонностью к авторитаризму» [Растимешина, с. 20]. Абсолютизация роли личности сопровождается недоверием к институтам и желанием отказаться от политической власти в пользу персоны, имеющей всенародное доверие.

И третий фактор — источник мобилизационного сознания, в частности различные aberrации: конспирология, шпиономания, экономический догматизм, мифологизация исторических событий, историцизм и т.п. Все эти отклонения от истины и заблуждения активно распространяются и поддерживаются преимущественно посредством государственных информационных ресурсов.

Международной исследовательской группой под руководством директора института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) В. Апрыщенко изучено влияние коллективной памяти на представления о безопасности в Европе, включая Россию. В результате анализа взаимодействия коллективной памяти, идеи безопасности и идентичности составлена оригинальная трехчастная модель «секьюритизации» (так называемый «треугольник секьюритизации»). В ее основу положен тезис о том, что коллективная

память является основным элементом, конституирующим смыслы безопасности, при этом, как полагает В. Апрыщенко, «тройную связку памяти, безопасности и идентичности разрушить невозможно» [Апрыщенко, с. 105]. К сегодняшнему дню и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь историческая политика и политика памяти также заметно «секьюритизированы», то есть осмыслены в качестве проблемного поля, непосредственно связанного с вопросами национальной безопасности.

Литература

1. Noble T. Social theory and social change. Basingstoke and New York: Palgrave, 2000.
2. Апрыщенко В. Память как безопасность // Новое прошлое / The new past. 2016. № 3. С. 86—108.
3. Аритизов А.Н. Критика М.Н. Покровского и его школы // История СССР. 1991. № 1. С. 102—120.
4. В российско-белорусском информационном пространстве очевиден дефицит позитива — Петришенко [Электронный ресурс]: БЕЛТА: сайт Агентства. URL: <https://www.belta.by/culture/view/v-rossijsko-belorusskom-informatsionnom-prostranstve-ocheviden-defitsit-pozitiva-petrischenko-237659-2017/> (дата доступа: 10.12.2020).
5. Валаханович И. Историческая политика: тренды уходящего года [Электронный ресурс] // БИСИ: Белорусский институт стратегических исследований. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/istoricheskaya-politika-trendy-ukhodyaschego-goda/> (дата обращения: 13.02.2021).
6. Гайдаев О. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. №. 1. С. 20—32.
7. Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании 11 февраля 2021 г. [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь: официальный интернет-портал. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> (дата обращения: 13.02.2021).
8. Емельянова Н. Политика памяти и травмы коллективной памяти в условиях секьюритизации // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 30—34.
9. Покровский М. Институт истории и задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. Т. 14. С. 3—12.
10. Касьянов Г. К десятилетию Украинского института национальной памяти (2006—2016) [Электронный ресурс] / Historians: исторический интернет-портал. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1755-georgij-kasyanov-k-desyatiletiju-ukrainskogo-institutu-natsional-noj-pamyati-2006-2016/> (дата обращения: 01.04.2021).
11. Коваленя А. К вопросу об исторической политике / А. Коваленя, В. Арчаков, В. Данилович, А. Баньковский // Беларуская думка. 2019. № 8. С. 3—11.
12. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 г. № 575 (в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 24.01.2014 № 49) // Министерство обороны Республики Беларусь: военный информационный портал. URL: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/konsep/ (дата обращения 12.05.2021).
13. Медведев назвал расширение НАТО «безусловной угрозой России» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: официальный сайт. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3707140> (дата обращения 20.10.2019).
14. Мединский предложил создать документ по государственной исторической политике России [Электронный ресурс]: ТАСС: информ. агентство. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11028607> (дата доступа: 02.04.2021).
15. Миллер А. Россия: Власть и история // Pro et Contra 2009. Т. 13. № 3—4. С. 6—23.
16. Минпросвещения одобрило учебник по истории под редакцией Мединского [Электронный ресурс] / ТАСС: информ. агентство. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11011435/> (дата доступа: 28.03.2021).
17. Нора П. Франция — память / П. Нора и др.; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 325 с.
18. Песков: Уязвимость или Москвы, или Минска усиливает опасность для второй страны [Электронный ресурс] / TUT.BY: [новостн. сайт].

URL: <https://news.tut.by/economics/727575.html> (дата доступа: 21.04.2021).

19. Поппер К. Нищета историцизма.: пер. с англ. М.: Прогресс: VIA, 1993. 185 с.

20. Поппер К. Открытое общество и его враги: [в 2 т.]: пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Открытое о-во «Феникс», 1992. 525 с.

21. Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 «О Концепция информационной безопасности Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: https://www.beltim.by/system/files/2020-08/koncepciya-informacionnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus_postanovlenie-soveta-bezopasnosti-respubliki-belarus-18.03.19-no1.pdf (дата обращения 10.02.2021).

22. Путина удивило содержание российских учебников истории [Электронный ресурс] / LENTA.RU: [новостн. сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/04/21/history/> (дата доступа: 21.04.2021).

23. Растимешина Т. В. Культурное наследие и подданническая политическая культура российского общества // Власть. 2012. № 2. С. 18—21.

24. Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2003. 177 с.

25. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: учеб. пособ. / Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. М.: Аспект Пресс, 2002. 535 с.

26. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата доступа: 13.02.2021).

27. Тамбовцева М. Теоретический подход Копенгагенской школы к обеспечению международной безопасности: основные положения теории секьюритизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83). С. 185—187.

28. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 415 с.

Поступила 30.04.2021

Мушта Александр Александрович — кандидат философских наук, доцент, ведущий специалист Информационно-аналитического управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь (220007, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Московская, 17).

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1), rast-v2012@yandex.ru

References

1. Noble T. Social theory and social change. Basingstoke and New York: Palgrave, 2000.
2. Apyrshhenko V. Pamjat' kak bezopasnost' [MEMORY AS SECURITY] // Novoe proshloe / The new past. 2016. № 3. S. 86—108.
3. Aritizov A.N. Kritika M.N. Pokrovskogo i ego shkoly // Istorija SSSR. 1991. № 1. S. 102—120.
4. V rossijsko-belorusskom informacionnom prostranstve ocheviden deficit pozitivna — Petrishenko [Elektronnyj resurs]: BELTA: sajт Agentstva. URL: <https://www.belta.by/culture/view/v-rossijsko-belorusskom-informatsionnom-prostranstve-ocheviden-defitsit-pozitiva-petrishenko-237659-2017/> (data dostupa: 10.12.2020).
5. Valahanovich I. Istoricheskaja politika: trendy uhodjashhego goda [Elektronnyj resurs] // BISI: Belorusskij institut strategicheskikh issledovanij. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/istoricheskaya-politika-trendy-ukhodyaschego-goda/> (data obrashhenija: 13.02.2021).
6. Gajdaev O. Teorija sek'juritizacii, ili Horosho zabytoe staroe: k voprosu o teoretiko-filosofskih istokah i zarozhdenii teorii [SECURITIZATION THEORY OR A WELL OVERLOOKED OLD: ON THE PHILOSOPHICAL AND THEORETICAL PREMISES AND ORIGINS OF THE THEORY] // Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija. 2021. T. 21. №. 1. S. 20—32.

7. Doklad Prezidenta Belarusi na VI Vsebelorusskom narodnom sobranii 11 fevralja 2021 g. [Elektronnyj resurs] // Prezident Respubliki Belarus': oficial'nyj internet-portal. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> (data obrashhenija: 13.02.2021).
8. Emel'janova N. Politika pamjati i travmy kolektivnoj pamjati v uslovijah sek'juritizacii [POLITICS OF MEMORY AND TRAUMA TO COLLECTIVE MEMORY UNDER SECURITIZATION CONDITIONS] // Voprosy filosofii. 2020. № 7. S. 30—34.
9. Pokrovskij M. Institut istorii i zadachi istorikov-marksistov // Istorik-marksist. 1929. T. 14. S. 3—12.
10. Kas'janov G. K desjatiletiju Ukrainskogo instituta nacional'noj pamjati (2006—2016) [Elektronnyj resurs] / Historians: istoricheskij internet-portal. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1755-georgij-kas-yanov-k-desjatiletiyu-ukrainskogo-instituta-natsional-noj-pamyati-2006-2016/> (data obrashhenija: 01.04.2021).
11. Kovalenja A. K voprosu ob istoricheskoy politike / A. Kovalenja, V. Archakov, V. Danilovich, A. Ban'kovskij // Belaruskaja dumka. 2019. № 8. S. 3—11.
12. Konceptija nacional'noj bezopasnosti Respubliki Belarus' [Elektronnyj resurs]: utverzhdena Ukazom Prezidenta Respubliki Belarus' ot 09.11.2010 g. № 575 (v red. Ukaza Prezidenta Respubliki Belarus' ot 24.01.2014 № 49) // Ministerstvo oborony Respubliki Belarus': voennyj informacionnyj portal. URL: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/koncept/ (data obrashhenija 12.05.2021).
13. Medvedev nazval rasshirenie NATO «bezuslovnoj ugrozoy Rossii» [Elektronnyj resurs] // Kommersant#: oficial'nyj sajt. Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/3707140> (data obrashhenija 20.10.2019).
14. Medinskij predlozhl sozdat' dokument po gosudarstvennoj istoricheskoy politike Rossii [Elektronnyj resurs]: TASS: inform. agentstvo. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11028607> (data dostupa: 02.04.2021).
15. Miller A. Rossija: Vlast' i istorija // Pro et Contra 2009. T. 13. № 3—4. S. 6—23.
16. Minprosveshhenija odobrilo uchebnik po istorii pod redakciej Medinskogo [Elektronnyj resurs] / TASS: inform. agentstvo. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11011435/> (data dostupa: 28.03.2021).
17. Nora P. Francija — pamjat' / P. Nora i dr.; per. s fr. D. Hapaevoj. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1999. 325 s.
18. Peskov: Ujazvimost' ili Moskvu, ili Minska usilivaet opasnost' dlja vtoroj strany [Elektronnyj resurs] / TUT.BY: [novostn. cajt]. URL: <https://news.tut.by/economics/727575.html> (data dostupa: 21.04.2021).
19. Popper K. Nishheta istoricizma.: per. s angl. M.: Progress: VIA, 1993. 185 s.
20. Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi: [v 2 t.]: per. s angl. pod obshh. red. V. N. Sadovskogo. T. 2: Vremja lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly. M.: Otkrytoe o-vo «Feniks», 1992. 525 s.
21. Postanovlenie Soveta Bezopasnosti Respubliki Belarus' ot 18 marta 2019 g. № 1 «O Konceptija informacionnoj bezopasnosti Respubliki Belarus'» [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.beltim.by/system/files/2020-08/koncepciya-informacionnoj-bezopasnosti-respubliki-belarus_postanovlenie-soveta-bezopasnosti-respubliki-belarus-18.03.19-no1.pdf (data obrashhenija 10.02.2021).
22. Putina udivilo sodержanie rossijskih uchebnikov istorii [Elektronnyj resurs] / LENTA.RU: [novostn. cajt]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/04/21/history/> (data dostupa: 21.04.2021).
23. Rastimeshina T. V. Kul'turnoe nasledie i poddannicheskaja politicheskaja kul'tura rossijskogo obshhestva // Vlast'. 2012. № 2. S. 18—21.
24. Sedov V. V. Mobilizacionnaja jekonomika: sovetskaja model'. Cheljabinsk: Cheljab. gos. un-t, 2003. 177 s.
25. Sravnitel'naja politologija segodnja: mirovoj obzor: ucheb. posob. / Almond G., Paujell Dzh., Strom K., Dalton R. M.: Aspekt Press, 2002. 535 s.
26. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda [Elektronnyj resurs] // Prezident Rossii: oficial'nyj sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (data dostupa: 13.02.2021).
27. Tambovceva M. Teoreticheskij podhod Kopenhagenskoy shkoly k obespecheniju mezhdunarodnoj bezopasnosti: osnovnye polozhenija teorii sek'juritizacii [THEORETICAL APPROACH OF COPENHAGEN SCHOOL TO ENSURING INTERNATIONAL SECURITY: THE BASIC PROVISIONS OF SECURITIZATION THEORY] // Istoriicheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy

teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2017. № 9(83).
С. 185—187.

28. Jezzenshtadt Sh. Revoljucija i preobrazovanie
obshhestv: Sravnitel'noe izuchenie civilizacij. M.: As-
pekt Press, 1999. 415 с.

Submitted 30.04.2021

Mushta Alexander Alexandrovich, PhD in Phi-
losophy, Associate Professor, Leading Special-
ist of the Information and Analytical Manage-
ment of the Academy of Management under the
President of the Republic of Belarus
(220007, Republic of Belarus, Minsk, st. Mos-
kovskaya, 17).

Rastimeshina T.V., Doctor of Political
Sciences, Professor at the Department of Phi-
losophy, Sociology and Political Science of
National Research University of Electronic
Technology (MIET) (Russia, 124498, Mos-
cow, Zelenograd, Shokina Square, 1), rast-
v2012@yandex.ru

Воздействие информационных технологий на человека и его сознание

А.С. Некрасов¹, Н.А. Некрасова¹, С.И. Некрасов²

¹*Российский университет транспорта*

²*Московский государственный технический университет гражданской авиации*

andrnek@mail.ru

Статья посвящена анализу влияния информационных технологий на жизнедеятельность человека. В статье доказывается, что современные технологии делают человека запрограммированным, так как попадая в сетевой оборот, он становится его частью, что ведет к смешению реального и виртуального, действительного и вымышленного. Особое внимание в статье уделяется анализу современных научных исследований, которые обосновывают процесс деградации человеческого сознания под воздействием длительного общения с компьютером, когда человек, теряя свою подлинную сущность. Делается вывод о том, что основная глобальная проблема современного информационного общества — это проблема экологии человека и его сознания.

Ключевые слова: информационные технологии, гиперинформационная среда, виртуальная революция, кризис идентичности, деградация человеческого сознания, режимы работы мозга, экология человека.

Impact of information technology on a person and his consciousness

A.S. Nekrasov¹, N.A. Nekrasova¹, S.I. Nekrasov²

¹*Russian University of Transport (MIIT)*

²*Moscow State Technical University of Civil Aviation (MSTU GA)*

andrnek@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the influence of information technologies on human life. The article proves that modern technologies make a person programmed, since getting into a network circulation, he becomes a part of it, which leads to a mixture of real and virtual, real and fictional. Particular attention is paid to the analysis of modern scientific research, which substantiate the process of degradation of human consciousness under the influence of long-term communication with a computer, when a person loses his true essence. It is concluded that the main global problem of the modern information society is the problem of human ecology and his consciousness.

Keywords: information technology, hyper-informational environment, virtual revolution, identity crisis, degradation of human consciousness, brain modes, human ecology.

Если триумф информационно-коммуникативных инноваций 80—90-х гг. XX в. привел к технологической революции, то трансформация систем связи на основе информационных технологий в единую мировую систему коммуникации привела к становлению цифрового общества. История человечества начиналась тогда, когда люди начали создавать знаки и символы, то есть жить в искусственном знаково-символическом мире. Поэтому можно утверждать, что человека сформировали знаки и символы. А значит, человек живет в смешанном мире реального и вымышленного, действительного и виртуального. Доступность информации связала современного человека со всем миром, но и пронизала его мощным информационным полем, изменив его взгляды на все стороны человеческой жизни.

Информация развивает познавательные возможности человека, но одновременно удаляет его не только от природы, частью которой он является, но и от других людей, общение с которыми делает человека человеком. Природную (естественную) сферу и социальное общение человек начинает получать не в непосредственном контакте с миром, а в опосредованном виде — через информационную среду, которая кем-то запрограммирована и мифологизирована с определенной целью. Информационная среда упрощает реальность, подменяя собой подлинный смысл явлений. Современная информационная среда становится объектом манипулирования сознанием людей. Борьба за сознание человека — это самое главное сражение в современном мире. Подавление сознания человека, зомбирование его и подавление его воли при помощи информационного потока, — все это позволяет без войн и оружия владеть миром.

Благая цель в форме доступности информации в мировом масштабе на деле оборачивается угнетением человеческой индивидуальности. Поэтому между глобализацией и информатизацией общества существуют глубинные связи, так как современные информационные технологии изменяют саму структуру обще-

ства, превращая его, по словам М. Кастельса, в «информационный капитализм» [1, с. 13], стержнем которого становится «компьютерный» (или «информационный») человек. Такой человек «имеет систематический контакт с информационной средой, так и осознанные реакции на события» [1, с. 13]. При этом надо отличать человека, который работает на компьютере, от человека, который поработен компьютером и живет в социальных сетях. Такого человека можно назвать «информационным человеком», так как он, обслуживая информационные потоки, перестает развивать себя, строя свои взаимоотношения с миром и другим человеком опосредованно, погружаясь в виртуальное пространство. Неслучайно современный этап общественного развития часто определяют как «виртуальную революцию», ибо человек начинает существовать в виртуальной реальности, особенности которой заключаются в том, что человек погружается в киберпространство, где господствует искусственный (а не естественный) трехмерный мир, который представляет собой электронную сеть, где свернуты виртуальные реальности. Дж. Ланье такую революцию назвал интерактивной имитацией реалистичных и выдуманных сред, то есть иллюзорный мир, куда погружается человек, формируя особые стимулы в своем сенсорном поле [2].

Виртуальная революция ведет к трансформации сути человеческого существования, которое традиционно имело дело с реальными материально-вещественными процессами. Современные информационные системы делают общение с виртуальной реальностью сутью человеческого существования, превращая человека в проводника между реальным материальным и виртуальным мирами. Виртуальная среда приводит к глубинным изменениям не только в жизнедеятельности человека, который имел дело с вещественно-материальными процессами, а не с иллюзорными явлениями, но и в самой сущности человека, непосредственное общение которого с другим человеком и делает его таковым.

Пагубное влияние современных информационных технологий предвидел Э. Фромм в своей книге «Душа человека». Он писал: «Компьютеры должны стать функциональной частью жизненно ориентированной социальной системы, а не раковой опухолью, начинающей разрушать систему и, в конце концов, убивающей ее. Машины или компьютеры должны стать средствами для осуществления целей, установленных разумом и волей человека для их осуществления» [3, с. 292]. В глобальной информационной среде формируется новый человек — «человек-компьютер» (по аналогии с произведением Ж. Ламетри «Человек-машина»), четой которого становится духовное обнищание. Превращение человека в информационную машину производится методом манипулирующего воздействия на человеческое сознание информационной системы путем подрыва социально-культурных ценностей, что связано со способностью человека критически воспринимать и анализировать информационный поток, вызывая примитивные, подчас животные желания и инстинкты.

Основным условием жизни человека как социального существа является его «духовный труд» как нравственное совершенствование, которое лежит в основе сущностных сил человека и реализации его творческих возможностей. Если проанализировать виртуальные способы коммуникации, то можно утверждать, что большинство пользователей сети — это молодежь, которая в процессе виртуального общения пытается обозначить свою значимость, привлечь внимание к своей персоне, чтобы получать за это материальные блага. А в ближайшей перспективе обозначается необходимость обеспечить успех в своей будущей деятельности. Основными ценностями при этом выступают как сама информация о себе, так и материальная привлекательность выданной информации.

Современное социальное пространство на первый взгляд создает возможность разных моделей поведения, а на самом деле загоняет пользователя сети в узко запрограммирован-

ные рамки поведения, чтобы обозначить свое присутствие в виртуальном пространстве. Так, цифровизация общества ведет к коренным изменениям как человека, так и социума в целом, которые чреваты серьезными негативными последствиями. Современному обществу предстоит найти оптимально возможные способы существования: как каждого человека с виртуальной реальностью, так и существования самого общества в этой среде, так как виртуальность — это необратимый процесс, и надо искать путь адаптации человека в современном интернет-пространстве. Общество сегодня переходит от «вселенной текстов» к «вселенной виртуальных образов», что вызывает глобальную проблему человечества — сохранение самого человека как природного существа, а главное — его мозга, как главного результата эволюционного процесса.

Технологический прогресс несет и такие социальные угрозы, как острая безработица, связанная с доступностью информации, неравенство людей, национальные противоречия, обездоленность населения и др. Общество превращается в среду, лишенную гуманности и разрушающую саму человеческую природу, духовное начало человека и стремление к самоорганизации и осуществлению творческих возможностей.

Острейшей проблемой информационного общества становится потеря идентификации. В условиях крушения реальности связей и отношений человек, чувствуя себя одиноким и никому не нужным, перестает ощущать себя частью этого этноса, отождествляя себя с совершенно чуждой ему общностью. Так, Э. Гидденс доказывал, что идентификация — это единственный способ включения человека в социальные связи и отношения; потеря чувства самопричастности к природной общности приводит к деформации его ментальности, что можно назвать процессом деиндивидуализации, в основе которой лежит крушение нравственных норм и ценностей, утрата человеческой неповторимости.

Виртуализация социального пространства ведет к переводу ценностно-содержательного наполнения информации в обесцененный цифровой формат. Виртуализированные ценности становятся мнимыми, эмоционально-бедными, формальными. Они основаны только на эмоциях как первичной телесной реакции на раздражение (в отличие от чувств как уже осознанного реагирования). Для формирования подлинных духовно-нравственных ценностей требуется реальное социальное пространство и взаимоотношение человека с человеком в реальном времени, когда осуществляется раскодирование содержательно значимой для человека информации, формирующей его духовный мир. Только в процессе диалогического взаимоотношения человека с человеком оформляются границы поведения людей на основе законов нравственности. В виртуальном пространстве возможна вседозволенность и безнаказанность.

Если говорить о профессиональной деятельности человека, то она отнюдь не виртуальна, а реальна, то есть выходит на социально-практическую деятельность и реальные социальные отношения. Вместе с тем как длительное пребывание в виртуальной реальности формирует двойственную систему нравственных ценностей: одна — примитивно-вседозволенная, так как «спрятана» от социальных норм человеческих взаимоотношений, а другая — «показушная». Таким образом происходит раздвоение человеческой личности и ее нравственных ориентиров.

Помимо сказанного следует отметить, что долгое присутствие в виртуальном пространстве создает интернет-зависимость, при подключении к гаджетам ухудшается самочувствие. Цифровизация существенно влияет на мозг человека, изменяет психику. Человеческий мозг при выборе вариантов решения проблемы всегда выбирает более простой и легкий (и не потому, что ленив). Несмотря на малую массу, мозг человека потребляет огромное количество энергии и, чтобы сохранить ее, он идет по более простому пути. Коллектив

ученых под руководством профессора М. Рейчела, исследуя работу мозга в 2001 г., определила два его основных режима: пассивный режим (дефолт-система мозга), в процессе которого возникают самые ценные творческие решения; и сеть оперативного решения проблем (центральная исполнительная сеть), которая активизируется во время потребления информации [4]. Дефолт-система мозга представляет собой нейронную сеть, которая становится активной только тогда, когда человек погружается в себя и не занят решением задач, которые связаны с внешним миром. Именно в этом пассивном режиме работы мозга осуществляются самые творческие решения — мозг выстраивает внутреннюю систему отношений, просчитывает разные варианты решений. Эта работа требует состояния покоя и внешнего бездействия.

Современные научные исследования доказывают, что в первые 25 лет мозг человека осуществляет локализацию, то есть происходит программирование мозга (формируется «программный сервер»), создаются «нейронные связи, которые в будущем начнут отвечать за базовые режимы мозга» [4]. Сеть пассивного режима мозга (дефолт-система) и сеть оперативного решения работают в противоположных фазах (активность одной сети соответствует угасанию другой). Другими словами, эти две системы проявляют себя как антагонисты. Если активность мозга возрастает в исполнительской сети (что происходит во время переизбытка информации), то эта энергия не поступает в мозг, и он как бы «впадает в спячку», то есть перестает думать. Если дети к 14—17 годам около 70 % времени находятся в состоянии потребления информации (из компьютера), то их мозг «уходит в спячку», то есть перестает формироваться. Чтобы активизировать дефолт-систему мозга, чтобы он начинал думать, необходимы, как доказывают ученые, 20—30 минут для ее запуска, что не выдерживают дети. Исследователи также утверждают, что в период дефолта системы мозга создается социальная система, то есть дефолт-система

эволюционно формировала социальные отношения людей: человек перестает видеть ценность другого человека, теряя при этом свою сущность.

В процессе эволюции дефолт-система мозга формировалась как социально-значимая, предназначенная для того, чтобы человек выстраивал свои взаимоотношения с другими людьми. Дефолт-система мозга, отражая режим его пассивной работы, эволюционно вызревала как способ социального общения. Современная виртуальная среда нарушает эту эволюционную направленность человеческого мозга, так как катастрофически сокращает время реального общения людей, что ведет к социальной деградации человека. Так формируется подросток, который не в состоянии осуществлять длительные психологические контакты с другими людьми, оскудевают речевые формы общения. Такое состояние можно охарактеризовать как «эпидемию цифрового аутизма». Кроме того, молодое поколение перестает ценить другого человека и интересоваться внутренним миром *Другого*, постепенно теряет свое лексическое богатство, сводя словесное общение к коротким фразам. Общение с реальными людьми, в процессе которого человек развивает себя и познает *Другого* как свою сущность, постепенно заменяется процессом, где человек становится рабом компьютера.

Способность человека к мотивации и целеполаганию связана с возможностями конструировать свое будущее. Но если дефолт-система мозга работает все более пассивно, то человек постепенно утрачивает способность прогнозировать свое будущее, ленится ставить перед собою цели, довольствуясь сегодняшним своим состоянием. Он теряет желание что-либо изменить в себе, а значит, довольствуется существующим. Изменения в системе коммуникации, обусловленные ростом цифровой зависимости, ведут не только к снижению интеллекта человека, но и к деградации его эмоционального мира, в то время как установка на потребление информации способ-

ствует желанию получать удовольствие, причем легко и быстро. А это в свою очередь порождает нетерпимость к нормам общежития и к замедлению («провалам») в получении желаемого, порождая агрессивность и тенденции к суициду. Если дефолт-система мозга не работает, то постепенно утрачивается способность целеполагания, теряются навыки к обучению, и возможности.

Информационные технологии сегодня не только изменили качество жизни человека и общества, но и систему восприятия человеком мира. Глобальная информационная сеть и виртуальная реальность становятся значимой частью современной действительности. Но здесь открывается негативная сторона этого процесса, что проявляется как в нравственной сфере информационной безопасности, так и в глобализации сети образования, и в тенденциях деградации человеческого сознания. Воздействуя на сознание людей в массовом масштабе, глобальные сети создают возможность манипуляции ими. Информационное оружие — это оружие более опасное, чем реальное, так как способно влиять на менталитет, традиции, национальный язык, на культуру народа, распространяясь на все формы бытия человека. Сегодня все более проявляется тенденция падения общечеловеческих нравственных ценностей, которые являются ядром духовного облика нации. Эти проблемы можно обозначить как проблемы «духовной безопасности», так как в их основе лежит духовное здоровье человека и нации [5]. Угроза духовному здоровью связана с влиянием глобальных факторов, потенциально опасных для духовной сферы человеческой жизнедеятельности, осуществляется путем внешнего информационного воздействия на человеческое сознание.

Таким образом, во-первых, экология человека сегодня должна быть направлена на ограничение потребления информации (формировать культуру ее потребления); во-вторых, необходимо всеми мерами увеличивать время реальных социальных коммуникаций, уменьшая время виртуальных общений.

Литература

1. **Кастельс М.** Власть коммуникации / [Пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных]. 2-е изд., доп. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 590 с.

2. **Ланье Дж.** На заре новой эры. Автобиография отца виртуальной реальности / Пер. с англ. Э. Вороновича. М.: Эксмо, 2019. 494 с.

3. **Фромм Э.** Душа человека / Пер. с англ. В.А. Загса, Т.В. Панфиловой. М.: АСТ, 2016. 626 с.

4. **Raichle M.E., MacLeod A.M., Snyder A.Z., Powers W.J., Gusnard D.A., Shulman G.L.** A default mode of brain function. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 2001. 98(2). P. 676—682.

5. **Манжуева О.М., Некрасов С.И., Некрасова Н.А.** Философская парадигма информационной безопасности: монография. М.: Модуль К, 2017. 246 с.

Поступила 09.03.2021

Некрасов Андрей Сергеевич — доктор философских наук, старший преподаватель кафедры философии Российского университета транспорта (Россия, 127994, г. Москва, ул. Образцова, д 9, стр. 9), andrnek@mail.ru

Некрасова Нина Андреевна — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Российского университета транспорта, (Россия, 127994, г. Москва, ул. Образцова, д 9, стр. 9), sinerasov@mail.ru

Некрасов Сергей Иванович — профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного университета гражданской авиации (Россия, 127994, г. Москва, Кронштадтский бульвар, д.20), sinerasov@mail.ru

3. Fromm Je. Dusha cheloveka / Per. s angl. V.A. Zagsa, T.V. Panfilovoj. M.: AST, 2016. 626 s.

4. Raichle M.E., MacLeod A.M., Snyder A.Z., Powers W.J., Gusnard D.A., Shulman G.L. A default mode of brain function. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 2001. 98(2). P. 676—682.

5. Manzhueva O.M., Nekrasov S.I., Nekrasova N.A. Filosofskaja paradigma informacionnoj bezopasnosti: monografija. M.: Modul' K, 2017. 246 s.

Submitted 09.03.2021

Nekrasov Andrey Sergeevich, doctor of philosophical science, Senior Lecturer, Department of Philosophy Russian University of Transport (Russia, 127994, Moscow, Obraztsova st., 9, building 9), andrnek@mail.ru

Nekrasova Nina Andreevna, Head of the Department of Philosophy Russian University of Transport, Doctor of Philosophy, Professor (Russia, 127994, Moscow, Obraztsova st., 9, building 9), sinerasov@mail.ru

Nekrasov Sergey Ivanovich, Professor of the Department of Humanities and socio-political sciences Moscow State University civil aviation (Russia, 127994, Moscow, Kronstadt Boulevard, 20), sinerasov@mail.ru

References

1. Kastel's M. Vlast' kommunikacii / [Per. s angl. N.M. Tylevich; pod nauch. red. A.I. Chernyh]. 2-e izd., dop. M.: Izd. dom Vyssh. shk. jekonomiki, 2017. 590 s.

2. Lan'e Dzh. Na zare novoj jery. Avtobiografija otca virtual'noj real'nosti / Per. s angl. Je. Voronovi-cha. M.: Jeksmo, 2019. 494 s.

К генезису спорта: функции спорта в обществе модерна

Д.А. Огородов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

ogorodovd@mail.ru

В статье рассматриваются представления о спортивных практиках в разные исторические эпохи, приводится краткий анализ форм физической активности, предшествующих современному понятию спорта. Автор предполагает, что в современном обществе спорт приобрел новый статус социокультурного института, выполняющего определенные специфические функции, направленные на поддержание существующего социокультурного устройства, такие как поддержание и воспроизводство человеческой телесности как аксиологической, этической и эстетической единицы; нормализация и демилитаризация социальной жизни; развлечение и досуг; демократизация.

Ключевые слова: спорт, спортизация, функции спорта, культура модерна, общество модерна, глобализация, homo ludis, тимос.

Towards the Genesis of Sport: the Functions of sport in Modern Society

D.A. Ogorodov

National Research University MIET

ogorodovd@mail.ru

The article examines the ideas about sports practices in different historical epochs, provides a brief analysis of the forms of physical activity that predate the modern concept of sports. The author suggests that in modern society, sport has acquired a new status of a socio-cultural institution that performs certain specific functions aimed at maintaining the existing socio-cultural structure, such as maintaining and reproducing human corporeality as an axiological, ethical and aesthetic unit; normalization and demilitarization of social life; entertainment and leisure and democratization.

Keywords: sport, sportization, sports functions, modern culture, modern society, globalization, homo ludis, timos.

Спорт является важной составляющей современной социальной и культурной жизни. Его влияние на современное общество продолжает неуклонно расти, о чем сви-

детельствуют статически подтверждаемые данные о возрастающей включенности населения в спортивные практики и высокой уровень представленности спорта в массовой

культуре, масс-медиа и социальных сетях. Это распространение спорта заставляет предполагать наличие диалектической связи между спортом и современностью.

Юрген Хабермас предлагает говорить о модерне¹ как о проекте [11, с. 7], который включает в себя ряд комбинаторных процессов, таких как: секуляризация, демифологизация, технизация, демократизация, бюрократизация, урбанизация, индустриализация, разделение труда, унификация стандартов образования и социальных норм жизни. В более широком смысле проект модерна означает западноевропейскую рациональность. С исторической точки зрения, эти процессы, начавшие развиваться с XVI века в Западной Европе, послужили основой появления общества модерна. Однако сегодня модерн, оторванный от своего пространственно-временного контекста, понимается также как модель универсального исторического прогресса, и, следовательно, он может быть реализован на мировом уровне, то есть послужить культурным фундаментом экономической глобализации. Это дает возможность выдвинуть гипотезу о том, что спортизация² (мы используем здесь понятие, введенное в научный оборот Норбертом Элиасом [8, с. 41—62] входит в проект модерна. Иными словами, мы предполагаем, что спорт, с одной стороны, внес и продолжает вносить определенную значимую контрибуцию в формирование культуры модерна и, с другой стороны, является на сегодняшний день практикой, которая пропагандирует культуру модерна на мировом уровне.

В настоящей статье мы собираемся, во-первых, схематически представить историю развития спорта с целью выявления его современного социокультурного статуса, что послужит для нас основой для того, чтобы, во-вторых, выделить культууроформирующие функции современного спорта. Решив эти

исследовательские задачи, мы сможем оценить в какой мере спорт связан с культурой модерна, являясь одновременно одной из ее причин, симптомов и следствий.

Обзор исторического развития спорта должен также развеять ощущение противоречия, которое может возникнуть при соотношении спорта и культуры модерна. Действительно, спорт — разве это не одна из старейших практик человечества? На чем тогда основана связь между модерном и спортом?

Мы считаем возможным говорить о четырех этапах исторического развития спорта³.

1. Спорт в эпоху Античности. Археологические данные доказывают, что спорт существовал уже в Минойскую эпоху Крита. Это подтверждают, в частности, хранящиеся сегодня в музее Эшмола в Оксфорде резные каменные печати [12, с. 509—517], на которых изображены люди, занятые различными физическими действиями (прыжки через быка, охота, бег, ловля быка, упражнения на площадке и др.). В эпоху Древней Греции занятия физической активностью приобретают уже настолько большое распространение, что скифский философ Анахарсис уже мог сделать следующее замечание: «В каждом греческом городе есть место, где, ежедневно, греками овладевает безумие, — гимназия» [9, с. 214.]. Во многих греческих полисах проходят спортивные состязания: Пифийские, Истмийские, Немейские и Афинские игры и самые известные — Олимпийские игры. В период эллинизма спортивные практики распространялись попутно с греческим политическим влиянием на обширные территории Средиземноморья, Малой и Западной Азии.

Однако в этот период спорт был одной из составляющих сакральных ритуалов, а сами состязания часто инсценировали

¹ Moderne означает современность в немецком языке.

² Спорт относится к спортизации также, как техника относится к технизации: иными словами, речь идет о проникновении спорта в общественную жизнь, о его выходе за пределы чисто спортивной сферы.

³ Возможен ли новый, пятый, виток в его развитии? На сегодняшний день мы оставляем этот вопрос открытым.

мифологические сюжеты. То есть несмотря на высокий уровень спортивного мастерства и подготовки участников состязаний⁴ нельзя отождествлять античные и современные спортивные практик: «Хотя спортивные занятия древних греков воспринимаются как прямое предвестие современного спорта, состязания в Олимпии и Дельфах стоят гораздо ближе к первобытным играм, чем к современным Олимпийским играм <...> Олимпийские игры <...> представляли собой священные празднества, составлявшие часть религиозной жизни древних греков» [2, с. 153].

2. *Спорт в эпоху Средневековья.* Эта эпоха часто характеризуется как период деградации по отношению к Античности, как «темные века». Религиозные идеалы Средневековья толкали людей на усмирение и умерщвление плоти, а не на ее усовершенствование. Поэтому многие исследователи в области истории и социологии спорта склонны считать, что этот период не внес никакой контрибуции в развитие спорта, оставаясь промежуточным временным отрезком между падением Римской империи и Ренессансом [3, с. 91–94].

Между тем формирование феодального общества и рыцарства внесло определенный вклад в развитие спорта. Именно в это время в среде рыцарей появляются педагоги, ставящие задачу воспитать юношей в зрелых мужчин путем серьезных физических тренировок. Спортивные практики не только служили утилитарным (подготовка рыцарей к войне), но также педагогическим и развлекательным целям (рыцарские турниры). Более того, мы можем говорить о специфической для рыцарства системе ценностей и идеалов, в которой мужественность, основанная на физической силе, становится основной составляющей [10]. Однако, стоит признать, что спорт еще не становится обще-

распространенной практикой и физическое образование не получает должного признания.

3. *Спорт в эпоху Возрождения и Раннего Нового времени.* Эпоха Возрождения, отмеченная процессом секуляризации, вернула спорту его прежний статус достойного времяпрепровождения. Согласно взглядам того времени, гражданин должен уметь владеть своим телом, чтобы, в случае нужды, защитить себя и свое Отечество. Поэтому новая этика одобрительно смотрит на занятия физическими упражнениями. Джироламо Меркуриалис издает в 1569 г. ставший популярным во всей Европе снабженный гравюрами трактат «Искусство гимнастики», посвященный античным спортивным практикам. Растет интерес к эстетическим идеалам Античности, человеческое тело не только становится предметом вдохновения, но также и объектом усилий по его совершенствованию.

4. *Спорт модерна.* Современный спорт начал формироваться в западном обществе с начала XIX века. В отличие от спорта, существовавшего на предыдущих исторических стадиях, современный спорт — практика универсальная, то есть открытая для всех. Действительно, несмотря на существование отдельных игр с применением физической активности в более ранние эпохи, спортивные практики оставались на протяжении почти всей истории человечества достоянием ограниченного круга лиц⁵. В новое время спорт впервые становится массовым явлением, начиная с этой эпохи мы можем говорить о демократизации спорта, то есть о его проникновении во все слои общества. Необходимо отметить, что этот процесс был неразрывно связан с борьбой за социальные и экономические права, в частности, за сокращение продолжительности рабочего дня. Иными словами, спорт мог массово войти

⁴ Об этом уровне мы можем догадываться, глядя на греческие статуи, изображающие атлетов. Пример: «Дискобол» Мирона.

⁵ Речь идет не всегда об элитарном круге лиц: вспомним, например, римские бои гладиаторов.

в жизнь населения только при наличии у него свободного времени и свободных денежных средств, то есть не ранее XIX века. Спорт начинает рассматриваться как обязательная практика для всех, и появление занятий физической культурой в школах закрепило за ним этот универсальный статус.

С 20-х гг. XX века мы можем говорить уже о начале постепенного процесса спортизации социальной жизни: влияние спорта широко распространяется на жизнь человека, теперь он не только специфическая практика, но и популярная форма досуговой деятельности. Речь идет не только о занятиях спортом, но и о мероприятиях, организованных вокруг спорта: это времяпрепровождение на стадионах, возможность делать ставки на любимых игроков, формирование сообществ болельщиков, спортивная мода.

Стремительное распространение спорта на все слои населения в западном обществе потребовало рационализации спорта, что позволило сделать процесс спортизации контролируемым и прогнозируемым. Рационализация спорта была осуществлена посредством ряда направленных на него процессов: унификация правил спортивных практик и состязаний, бюрократизация спорта, специализация спорта (строгое разделение спортивных дисциплин), его профессионализация и институализация.

Из сказанного выше можно заключить, что западноевропейская рациональность «создала» спорт в той форме, в которой мы знаем его сегодня. Однако, одновременно можно констатировать обратный процесс: влияние спорта на саму культуру модерна. О взаимовлиянии спорта и общества модерна говорит, в частности, внесший серьезный вклад в развитие современной социологии спорта Н. Элиас: «Очевидно, продуктивнее <...> рассматривать индустриализацию (послужившую технической основой культуры модерна. — Д.О., Т.Р.), и преобразование определенных форм досуга в спортивные состязания как взаимосвязанные тенден-

ции и составные моменты целостного процесса трансформации общества в его современную форму» [8, с. 44]. Наиболее ярко это взаимовлияние заметно в его эстетической и этической составляющих. Так, мы можем говорить о человеке модерна как о *homo ludis* — человеке спортивном. Этот новый человек не только отличается *спортивной* физиологией, но и обладает определенным набором моральных качеств, которые логически вытекают из его спортивного образа жизни: упорство, целеустремленность, отсутствие социально-осуждаемых привычек и др.

В эпоху модерна произошла рационализация неутилитарных спортивных практик, и этот процесс был неразрывно связан с инструментализацией: на спорт как таковой были наложены определенные функции.

Список функций, который мы будем представлять далее, является нашей теоретической разработкой, основанной на анализе и синтезе научной литературы по теме нашего исследования. Подчеркнем, что мы будем перечислять ниже только культуроформирующие функции спорта, а не все его функции, которых значительно больше.

Функция 1. Спорт производит и воспроизводит человеческое тело.

Человеческое тело всегда являлось частью процесса экономического производства, однако именно в эпоху модерна установились специфические отношения между экономикой и телом человека. С одной стороны, мы можем констатировать, что тело постепенно перестает быть производственной силой, тем самым будто бы выходя из экономического оборота. Действительно, технический, экономический и социальный прогресс способствовали значительному снижению телесной задействованности человека в трудовом процессе: экономический рост позволил как уменьшить продолжительность рабочего дня, так и освободить от необходимости участия в рабочем процессе многие слои населения: детей и подростков, отпускников, людей временно или

постоянно освобождаются от работы по состоянию здоровья, людей пенсионного возраста; техгический прогресс освободил человека от физических нагрузок, передав их машинам; развитие общества привело к увеличению потребности в интеллектуальном труде, а это значит, что все возрастающая часть населения занимается работой, которая не предполагает никакой физической активности⁶. Таким образом, человеческое тело стало мало востребованным с производственной точки зрения, и, как следствие, человек модерна стал меньше им пользоваться. Гельмут Плесснер констатирует наличие у современного человека «чувства атрофированности телесного существования» [4, с.192], а Жан Бодрийяр говорит о «хронической недогрузке тела в нашем обществе» [1, с.292]. Однако, отделить телесное от духовного — нереализуемая утопия, а тело человека — исторически сложившийся биологический механизм, нуждающийся в постоянных физических нагрузках. В этой перспективе спорт является практикой, формирующей нормально функционирующие человеческие тела. К сказанному можно добавить, что спорт пропагандирует здоровый образ жизни, отказ от алкоголя и табакокурения и правильное питание, тем самым дополнительно внося вклад в формирование и сохранение здорового тела.

С другой стороны, экономика возвращает человеческое тело в свое лоно в качестве объекта воспроизводства. На тело направлен целый ряд индустрий, внушающих нам идею о необходимости заботы о своем теле. Жан Бодрийяр, в частности, замечает: «Достаточно хорошо известно, насколько эротика и современная эстетика тела утопают в изобильном окружении предметов, гаджетов, аксессуаров под знаком всеобщей софистификации. Гигиена и макияж, загар, спорт и многочисленные «либерализации»

моды встроены в новое открытие тела, которое осуществляется прежде всего через предметы. Кажется, даже, что единственный по-настоящему освобожденный импульс — это импульс покупки.» [1, с.204]. В этой перспективе спорт, который лежит в основе крупной спортивной индустрии по производству и сбыту спортивных товаров и услуг, оказывается одним из способов поддержания и развития экономики.

Функция 2. Спорт нормализует социальную жизнь и обеспечивает мирное сосуществование.

Современный западный мир стремится к снижению уровня насилия: больше не ведутся кровопролитные войны⁷, практики кровной мести и дуэли также ушли в прошлое, человеческая жизнь считается главнейшей ценностью и больше не существует идеалов (этических, религиозных или политических), ради которых человек мог бы пожертвовать своей жизнью. Но даже если в обществе модерна произошло снижение уровня агрессии, природа человека осталась неизменной.

В четвертой книге своего трактата «Государство» [4, с. 161] Платон выдвинул теорию о трехчастной структуре человеческой души: душа человека состоит из рациональной, желательной и тимотической (тимос — иррациональное желание признания и самоутверждения) частей. В рационализированном обществе модерна, которое является также и обществом потребления, в той же степени, как и обществом изобилия, потребности первых двух частей человеческой души могут быть легко удовлетворены, тогда как третьей, тимотической, — нет. Фрэнсис Фукуяма считает, что тимотическая часть человеческой души — единственный источник опасности в процветающем западном обществе: «существует...опасность, а именно что мы снова станем первыми людьми, ввязывающимися

⁶ Доведем ситуацию до абсурда: современный фрилансер может, не вставая с постели, полностью организовать свою жизнь, работая из дома за компьютером, заказывая еду, одежду и услуги на дом и используя электронные средства развлечения.

⁷ Стоит оговориться: мы не ведём войн на своей территории.

в кровавые и бессмысленные войны за престиж, только на этот раз — с современным оружием. И действительно, эти проблемы взаимосвязаны, поскольку отсутствие регулярных и конструктивных выходов для мегалотимии могут просто привести к ее выбросу на поверхность в экстремальной и патологической форме. И разумно поинтересоваться, все ли люди верят, что виды борьбы и жертв, возможные в самодовольном и процветающем либеральном обществе, достаточны для выражения всего, что есть высшего в человеке. Потому что разве нет резервуаров идеализма, которые нельзя исчерпать...» [6, с. 489].

Действительно спорт позволяет канализировать тимотические стремления человека, которые потенциально угрожают мирному сосуществованию. Действительно, в спорте присутствуют соревновательность, знаки отличия, награды и победы — эти нематериальные знаки отличия способны утолить в определенной мере человеческую жажду к почестям, признанию и престижу. И этот фактор косвенно влияет на эмоциональный мир человека и позволяет поддерживать высокий уровень безопасности в обществе модерна.

Функция 3. Спорт развлекает и развеивает скуку.

Человек модерна — человек скучающий⁸: он обладает временем, которое необходимо использовать. С одной стороны, человек стремится уменьшить рабочее и увеличить досуговое и время, но получив желаемое он сталкивается с определенной проблемой. Шопенгауэр отмечает, что свободное время оказывается для человека мучительным: «...как только нужда и страдания дают человеку отдых, тотчас же приближается скука, так что он непременно должен как-то «проводить время». То, что занимает всех живущих и поддерживает их в движении, — это стремление к бытию. Но с бытием, когда

оно обеспечено им, они не знают, что делать: вот почему второе, что приводит их в движение, это стремление освободиться от бремени бытия, сделать его нечувствительным, «убить время», т. е. «избежать скуки» [7, с. 513].

Таким образом, перед человеком культуры модерна встала проблема поиска занятий для свободного времени. В этой перспективе спорт становится одним из возможных решений данной проблемы, а учитывая все возрастающие эстетические требования к телу⁹, мотивирующие на ежедневные занятия спортом, — это одно и самых эффективных решений.

Функция 4. Спорт поддерживает демократическую идеологию.

В демократическом обществе модерна спорт создает особое социокультурное пространство, в котором аннулируются классовые, политические, экономические, межэтнические, междовые и гендерные неравенства. Действительно, спорт подпитывает демократическую веру в равенство шансов и равноправие: в спорте все подчиняется единым правилам, известны и прозрачны количественные критерии оценки спортивных достижений, спортом может заниматься каждый и каждый может демонстрировать свои спортивные достижения.

Однако всеобщее равенство остается, несмотря на значительный социальный прогресс, произошедший в западном обществе, горизонтом, к которому мы можем только стремиться: фактическое неравенство продолжает существовать (в тех или иных проявлениях), несмотря на декларируемое равенство людей.

Выделив культуруформирующие функции современного спорта, мы можем увидеть, что модерн и спорт находятся во взаимодействующих отношениях: с одной стороны, современная экономика позволила

⁸ Perls, Fritz. The Gestalt Approach and Eye Witness to Therapy. Science and Behavior Books, 1989.

⁹ Впрочем, движение бодипозитива несколько замедлило этот процесс.

всему населению заниматься спортом, а, с другой стороны, спорт подпитывает стагнирующую сегодня экономику; с одной стороны, современные нормы морали, осуждающие насилие и агрессию, привели миллионы людей в спорт, где они могут выплеснуть негативные эмоции, а, с другой стороны, спорт позволяет направить природную агрессивность человека в мирное русло спортивных достижений, делая тем самым современное общество безопасным; с одной стороны, высокий современный уровень развития экономики и техники позволил каждому иметь досуговое время и, следовательно, регулярно заниматься спортом, а, с другой стороны, спорт решает сложнейшую проблему современного человека — избавляет его от скуки; с одной стороны, современная политическая система обеспечивает всех равными правами, что позволяет каждому заниматься спортом и иметь шансы на высокие спортивные достижения, а, с другой стороны, спорт поддерживает удовлетворенность населения современной политической ситуацией, подкрепляя его веру в реализованность демократических идеалов.

Исходя из вышесказанного мы можем утверждать, что спортизация является одной из составляющих проекта модерна¹⁰, позволяя этому проекту расширяться вглубь, проникая во все новые сферы человеческой жизнедеятельности, и вширь, оставаясь горизонтом развития незападных обществ.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Москва: АСТ, 2020. 320 с.
2. Гуттман А. От ритуала к рекорду // Логос. 2009. Вып. №6 (73). С. 147—87.
3. Колькина Е. А., Фоменко Е. Г., Новоселова Г. А. Развитие физической культуры и спорта: истори-

ческий аспект // Проблемы современного педагогического образования. 2018. Вып. 61-1. С. 91—94.

4. Платон. Государство. М.: Академический проект, 2015. 398 с.

5. Плесснер Г. Функции спорта в индустриальном обществе // Социология власти. 2018. Т. 30, № 2. С. 190—205.

6. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010. 588 с.

7. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление. М.: АСТ, 2020. 672 с.

8. Элиас, Н. Генезис спорта как социологическая проблема // Логос. 2014. Вып. 3(99). С. 41—62.

9. Дион Хрисостом, Discourses XXXII Chrysostom, D. Discourses 31-36. Translated by J. W. Co-hoon, H. Lamar Crosby. Loeb Classical Library 358. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1940.

10. Broekhoff Jan. The ideal of Chivalry // History of Physical Education and Sport / Athletic Institute, Bennett Bruce. 1972.

11. Habermas J. Der Philosophische Diskurs Der Moderne: Zwölf Vorlesungen. 13. ed. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1988.

12. L. Howell M. Seal stones of the Minoan period in the Ashmolean Museum // Oxford depicting physical activities. Res Q. 1969 Oct. 40(3):509—17.

Поступила 25.05.2021

Огородов Дмитрий Алексеевич — начальник Молодежного инновационного центра НИУ МИЭТ (124498, Россия, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, дом 1), ogorodovd@mail.ru

Referensis

1. Bodriyyar ZH. Obshchestvo potrebleniya. Moskva: ACT, 2020. 320 s.
2. Guttman A. Ot rituala k rekordy // Logos. 2009. Vyp. №6 (73). S. 147—87.
3. Kol'kina E. A., Fomenko E. G., Novoselova G. A. Razvitie fizicheskoy kul'tury i sporta: istoriches-

¹⁰ Ю.Хабермас считает проект модерна незавершённым.

kij aspekt // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2018. Vyp. 61–1. S. 91–94.

4. Platon. Gosudarstvo. M.: Akademicheskij proekt, 2015. 398 s.

5. Plessner G. Funkcii sporta v industrial'nom obshchestve // Sociologiya vlasti. 2018. T. 30. № 2. S. 190–205.

6. Fukuyama, F. Konec istorii i poslednij chelovek. M.: ACT MOSKVA: Poligrafizdat, 2010. 588 s.

7. SHopengauer, A. Mir kak volya i predstavlenie. M.: Izdatel'stvo AST, 2020. 672 s.

8. Elias, N. Genezis sporta kak sociologicheskaya problema // Logos. 2014. Vyp. 3 (99). S. 41–62.

9. Discourses XXXII Chrysostom, D. Discourses 31-36. Translated by J. W. Cohoon, H. Lamar Crosby. Loeb Classical Library 358. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1940.

10. Broekhoff, Jan. The ideal of Chivalry // History of Physical Education and Sport, Athletic Institute, 9–31. Bennett, Bruce, 1972.

11. Habermas, J. Der Philosophische Diskurs Der Moderne: Zwölf Vorlesungen. 13. Edition. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1988.

12. L. Howell, M. Seal stones of the Minoan period in the Ashmolean Museum // Oxford, depicting physical activities. Res Q. 1969 Oct; 40(3):509–17.

Submitted 25.05.2021

Ogorodov Dmitry A., Head of the Youth Innovation Center NRU National Research University of Electronic Technology (MIET) (1, Shokina sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), ogorodovd@mail.ru

Институциональная проблематика в зеркале социальной философии. Социологические и философские подходы¹

Н.Н. Равочкин, В.Н. Бобриков, В.П. Щенников, Д.В. Рахинский

*Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия*

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

nickravochkin@mail.ru

Предпринята попытка прояснить состояние институциональных исследований, связанных с социально-философской проблематикой, наглядно представлено их сопряжение со сферами общественной жизни. Классифицированы подходы к определению понятия «институт» в различных науках, проведено сравнение социологических подходов с философскими. Показаны три измерения социальных институтов в философии и факторы культурной маркированности социальных институтов. Обоснована значимость философского осмысления феномена института.

Ключевые слова: социальный институт, общественный институт, социальная философия, исследования, современная наука, философский подход.

Institutional issues in the mirror of social philosophy. Sociological and Philosophical Approaches

N.N. Ravochkin, V.N. Bobrikov, V.P. Shchennikov, D.V. Rakhinsky

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

nickravochkin@mail.ru

The author makes an attempt to clarify the state of institutional research related to socio-philosophical problems, and vividly presents their juxtaposition with the spheres of social life. Approaches to the definition of «institution» in various sciences are examined in order to compare sociological approaches with philosophical ones. The author shows the three dimensions of social institutions in philosophy, the factors of cultural marking of social institutions and substantiates the importance of philosophical understanding of the phenomenon of institution.

Keywords: social institution, public institute, social philosophy, research, modern science, philosophical approach.

¹ Новое исследование дополняет главу 1 коллективной монографии: Равочкин Н.Н. Общая характеристика и состояние институциональных исследований в философских науках // Социально-философские исследования институтов: специфика и проблематика: коллективная монография / Н.Н. Равочкин, В.Н. Бобриков, В.П. Щенников, О.Ф. Морозова, Д.В. Рахинский, А.Н. Городищева, С.П. Штумпф. Ульяновск: Зебра, 2020. 104 с.

Сегодня термин «институт» в общественных дисциплинах наиболее употребляемый. Вместе с тем следует отметить, что, как правило, институты выступают объектом изучения социологических, а не философских наук. Впрочем, социологическое исследование представляется невозможным без обращения к философии, вследствие чего ученые привлекают труды выдающихся философов — Г. Гегеля, Г. Спенсера, К. Маркса.

В работах отечественных и зарубежных исследователей представлены различные, порой кардинально противоположные подходы к пониманию сущности общественного института. Отсутствие единого универсального подхода обусловлено сложностью и противоречивостью феномена института. Традиционно в отечественной социально-философской мысли *социальное* употребляется как синоним *общественного* в самом широком смысле этого слова, соответственно, любой институт представляет собой категорию, отражающую все многообразие и вариативность социальных взаимодействий, отношений между бесчисленным множеством социальных акторов в постоянно меняющихся условиях социокультурного пространства. Соответственно, социальный институт представляет собой категорию более широкую, более объемную, выходящую далеко за сферу исключительно *общественного*. Важно отметить, что социологические трактовки, социологический подход к исследованию социальных явлений и процессов сконцентрирован, по словам О. А. Баклановой, на «описании институциональной системы общества и функциональной составляющей входящих в него индивидов» [1, с. 62].

Подходы к формированию дефиниции социального института. Прежде всего следует остановиться на изучении подходов к пониманию социальных институтов в современной научной литературе. В первую очередь появление этого термина в социологии было связано с работами Г. Спенсера, с представлением о надындивидуаль-

ном характере институтов и их регуляторной роли.

Сегодня в общественных науках — экономической, социологической, политической — сформировалось два основных подхода к пониманию социальных институтов [12, с. 118]. Это классический структурализм и акционистская традиция.

Классический структурализм. Внимание акцентируется на безусловном приоритете структурных факторов над действиями агентов (Э. Дюркгейм [5, 20, 21], Д. Норт [9], Т. Парсонс [47, 31, 32]). Основы подхода, заложенные Э. Дюркгеймом, впоследствии развивались структурными функционалистами. В основании подхода — понимание того, что социальные институты являются ограничениями, лежащими за рамками индивидуального сознания, но при этом они обретают необходимую нормативность, становятся обязательными для представителей того или иного сообщества, поскольку устанавливают правила для поддержания социального порядка [5; 12, с. 118], т. е. любые институты имеют выраженный регулятивный характер, осуществляют регуляторную функцию, приводя поведение агентов к социально допустимому. Наличие регуляторного потенциала обеспечивает интеграцию и стабилизацию общества (Т. Парсонс) [10; 12, с. 118].

В логике этого подхода институты понимаются, во-первых, как всеобщие нормативные модели, очерчивающие категории дозволенного, должного и запрещающего в социальных взаимодействиях отдельных индивидов, различных групп и целых подсистем [11]; во-вторых, как «комплекс позиций, ролей, норм и ценностей, закрепленных в определенных типах социальных структур и организующих относительно устойчивые модели человеческой деятельности по отношению к фундаментальным проблемам в производстве жизни, поддерживая ресурсы, воспроизводя людей и поддерживая жизнеспособные общественные структуры

в данной среде» [41, с. 6]; в-третьих, как «правила игры» [9, с. 17] в обществе, политике, экономической сфере.

Классический структурализм выделяет три взаимосвязанные характеристики институтов.

1. Нарушение «заданного» институтами поведения, как правило, вызывает сопротивление и/или санкции со стороны общества.

2. Выполнение институтами регуляторных функций позволяет прогнозировать и объяснять поведение субъектов, а также структурировать среду, в результате чего институты воспринимаются как «нечто само собой разумеющееся»: «Члены общества могут не вполне понимать институт (как он работает, необходим ли он), однако они обычно располагают функциональным объяснением того, почему институт существует» [12, с. 118].

3. Институты регулируют поведение агентов, их действия, не только ограничивая, но и направляя, придавая смысл.

Соответственно, в логике структурализма институт может быть интерпретирован как своего рода функциональный, неотъемлемый компонент социальной реальности, который детерминирует и структурирует социальную действительность. Сторонники подхода акцентируют внимание на макроуровне социальной действительности.

Акционистская парадигма. Наибольшее внимание уделяется агентам, акторам, их деятельности (М. Вебер [4, 42], Г. Мид [8], П. Бергер [2], Т. Лукман [3], П. Уинч [43], С. Крипке [6, 7], Т. Веблен [42]). В отличие от структуралистов сторонники акционизма сосредотачиваются на микроуровне — на поведении отдельных социальных агентов, акторов. Познание общества предполагает изучение не столько глобальных, макроскопических факторов, сколько событий, которые происходят на уровне индивидуального человеческого действия. Для понимания причин, факторов, механизмов поведения, действий

отдельных индивидуумов недостаточно данных любой, даже предельно точной статистики социальных фактов, которая, казалось бы, вскрывает связи между целеполаганием индивидов и их поступками (см. подробнее: [12]).

В логике этого подхода общественная жизнь понимается в соответствующем экспектациям эволюционному ключу, что позволяет не только отобрать наиболее жизнеспособные социальные институты, но и достаточно быстро адаптировать их к социальным реалиям, да еще так, что определенные практики уже хабиитуализируются (т.е. опривычиваются) и дают возможность типизировать действительность совместного общежития [3; 12; 42]

Сторонники подхода рассматривают поведение личности как социально заданное, «социально детерминированное», в результате чего различия между суждениями представителей функционализма и символического интеракционизма становятся не такими четкими, или, говоря более точно, практически стираются [12, с. 119].

Важно добавить, что доминирует в современной научной методологии классический структурализм, представители этого подхода акцентируют внимание на функциональной составляющей института, его регуляторной, стабилизирующей, интегративной функциях. В той или иной степени понимание института как средства воспроизводства типичных социально приемлемых поведенческих моделей представлено в социологии, политологии, экономике. Вместе с тем, как отмечает F. Guala, у ученых вообще «может сложиться впечатление, что философы и социологи говорят о совершенно разных вещах, когда речь заходит об институтах» [23, с. 478], поэтому особый интерес представляет сравнение социологических подходов к пониманию социального института с подходами философскими.

Социальные институты в качестве объекта философских исследований рассматриваются в теориях рационального личного и коллективного выбора [29].

Теория рационального выбора. В институциональных исследованиях теория во многом продолжает тождество Льюиса [24], Guala [23]. Сюда также можно отнести попытки объяснения феномена института в теории игр (Aoki [13; 14, 15, с. 11]). Ключевые тезисы теории рационального выбора включают осознание того, что при выборе поведенческих моделей личность руководствуется рациональными обоснованиями, стремится к максимальной оптимизации взаимодействия с социумом, к экономии усилий. Как отмечают П. Бергер, Т. Лукман, «всякая человеческая деятельность подвергается хабиитуализации. «Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и ipso facto осознано как образец его исполнителем» [3, с. 27]. Институт как опривыченная форма поведения обеспечивает личность системой явных и неявных смыслов, форм поведения, которые воспроизводятся в новых, изменившихся условиях. Соответственно, социальные институты представляют собой правила, подкрепленные системой стимулов и ожиданий, побуждающие личность соответствовать им в своих действиях [23]. В свою очередь, следование определенным правилам позволяет людям лучше ориентироваться в социальной действительности. Институты представляют собой своеобразные равновесия, это «не правила, экзогенно заданные политикой, культурой или мета-игрой», а «правила, которые создаются в результате стратегического взаимодействия агентов, которые удерживаются в сознании агентов и, таким образом, являются самодостаточными» [13; 14, 15]. Такое понимание социального института акцентирует внимание на отсутствии необходимости выработки коллективных решений в процессе согласования норм и правил. Вместе с тем концепция не объясняет, каким образом индивидуальные убеждения, верования, целевые установки к реализации рационального выбора

выходят в социальную сферу, становятся коллективными.

Концепция теории рационального выбора подвергается критике в научном сообществе. Дензау и Норт подчеркивают, что люди действительно знают и осознают собственные интересы, однако при этом в процессе осуществления выбора руководствуются мифами, догмами, идеологиями и «недоделанными» теориями. Идеи широко распространяются в обществе, позволяя индивидуумам справляться с вызовами неопределенности [19, с. 3].

Collective Acceptance Theory. Сторонники теории (М. Bratman [16, 17], Дж. Серл [33—37], R. Tuomela [38—40]) исходят из понимания того, что коллективная интенциональность и коллективные действия — как минимум, один из строительных блоков социальных институтов, которые создаются и поддерживаются в результате принятия обществом выработанных ими норм и правил. R. Tuomela подчеркивает, что для того, чтобы шкурка белки воспринималась как деньги, должно быть выработано коллективное решение [39, с. 183]. Оно либо прочно входит в жизнедеятельность общества и становится социальным институтом, либо исчезает как излишнее. В качестве примера разрушения института John Searle приводит распад Советского Союза: «Ярким примером является распад Советской империи <...> Он рухнул, когда система статус-функций больше не была принята» [34, с. 91—92], — т. е. причины распада СССР автор видит в отсутствии коллективного принятия правил и норм, которые предлагало государство, что привело к распаду последнего.

Телеологический подход. В основе подхода также лежит *коллективное*, а именно теория коллективного выбора решений и совместных действий как совокупности преднамеренных последовательных индивидуальных действий, направленных на реализацию коллективной цели. Сторонники подхода (С. Миллер [26—30]) подчеркивают, что каждый человек, участвующий в коллективных

действиях, всегда обладает определенной целью, принимает участие в выработке коллективных решений ради достижения общих интересов. Цель может быть осознана или нет, но любая индивидуальная, коллективная деятельность всегда целенаправленна. Иначе говоря, в отличие от теории коллективного выбора решений, телеологический подход, рассматривая достижение коллективных целей, учитывает роль индивидуального (целеполагания).

Как видим, философские подходы к пониманию социальных институтов исходят из устоявшегося в социологии представления об институте как о «правилах игры», как о системе норм, правил, регулирующей поведение агентов, однако, в отличие от социологических, сосредотачиваются на природе формирования институтов и на источнике обеспечения поддержки их функционирования, на разуме человека, агента, поскольку взаимодействие между людьми выступает основой функционирования любого института. Другими словами, сегодня очевидной становится необходимость именно философского осмысления институтов: после десятилетий «бессмысленной» экономики, широкого распространения поведенческой экономики социологи и экономисты начинают осознавать, что лишь «соблюдение, знание или отсутствие знания конкретной философии мышления может оказать глубокое влияние на онтологию экономики» [25, с. 203], а также права и социологии.

Социальная философия сегодня полагает в основание любого социального института — идеологию, которая, принимая во внимание одну из центральных идей философии, может пониматься как «содержание», тогда сами установления при реализации такого подхода могут пониматься как «форма», «проводник» идейного содержания, другими словами, рассматриваемые феномены становятся отражением институтов когнитивных.

Философский подход выделяет три институциональных измерения: структуру, функции

и культуру (место в культуре) [29]. Структура представляет собой «повторение во времени соответствующих действий многих институциональных субъектов» [29], состоит из агентов, человеческого фактора, и среды, пространства, в котором осуществляются действия агентов [22, с. 121]. Соответственно, структура социального установления состоит из: привычных действий институциональных субъектов; набора агентов; взаимосвязи между действиями агентов.

Функции — формальные, обычно четко сформулированные, предполагают наличие конкретных целей, на достижение которых направлено функционирование общественного института [29]. Основную возлагаемую на институты функцию указывают А. Т. Denzau и D. C. North, это — упорядочивание реальности, разрешение индивидуальных и социальных проблем при помощи предоставления неявных знаний [19].

Помимо формальных задач, функций существует скрытый неформальный аспект института, который может быть охарактеризован как институциональная культура: понятие включает в себя неформальные отношения, нормы и ценности, которые пронизывают институт [29]. Институциональная культура влияет на поведение агентов, на способы осуществления деятельности, в том числе на выбор деструктивных, враждебных поведенческих моделей. Институты, таким образом, обладают индивидуальным и социальным, когнитивным и поведенческим измерениями, являются двойственными (экзогенными/эндогенными, субъективными/объективными) по своей сути: с одной стороны, обладают сдерживающим потенциалом, с другой — дают личности дополнительные возможности, обеспечивая «правила игры», предоставляя неявные знания, которые позволяют лучше ориентироваться в социальной действительности, системе социальных взаимодействий.

Философские подходы к пониманию институтов исследуют взаимосвязи между пси-

хическими состояниями личности и окружающим миром [26—30]. Социальный институт представляет собой, по сути, ментальную модель, которая формируется в результате взаимодействия личности с окружающей средой, соответственно, особенности социального института отражают специфику того, как различные объединения взаимосвязаны с особенностями социосферы, причем «люди с общими культурными традициями и опытом могут обмениваться разумно сходящимися ментальными моделями, идеологиями и институтами; и люди с различным опытом обучения (как культурного, так и экологического) будут иметь разные теории (модели, идеологии), чтобы интерпретировать свою среду» [19, с. 3—4]. Другими словами, любые институты образуют определенную социосферу, которая отражает особенности развития страны и даже отдельных пространств, всегда национально, культурно маркирована. Заданная маркированность обусловлена тем, что социальные институты:

1) представляют собой способ осмысления — концептуализации, категоризации — мира, способ, который доказал свою полезность, эффективность в мультиагентной практике; такой способ формируется в определенном социальном контексте, соответственно, учитывает культурные, национальные различия;

2) предполагают общую интерпретацию, построение социального мира, основанного на совместном, коллективном моделировании, конструировании общей основы для жизнедеятельности, лучшего понимания друг друга, прогнозирования поведения друг друга, совместной коммуникации, что, в свою очередь, предполагает использование национального языка, неразрывно связанного с носителем и культурой;

3) коммуникативны по своей сути, созданы в результате коммуникации, т. е. главным инструментом формирования и поддержания функционирования социального института является национальный язык;

4) предполагают личную или коллективную идентификацию при групповом взаимодействии и его осмыслении, формирование противопоставления «мы — они» как в социальном (по отношению к социальным группам), так и в культурном (на отношению к национальным, культурным сообществам) плане [18, с. 126—127].

Соответственно, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что философия, основываясь на анализе и синтезе подходов, сложившихся в социологии, политологии, экономике, юриспруденции, углубляет понятие института, не ограничивается исключительно описанием институциональных характеристик, выявлением функциональных потенциалов, стремится к выявлению природы формирования институтов, их роли во всех сферах жизнедеятельности, определению ментальных конструкторов, которые лежат в основе формирования и функционирования института, ценностно-смысловых оснований, обуславливающих специфику неформального поведения агентов. В философском подходе внимание смещается на культурные и когнитивные аспекты формирования и поддержания особенностей установлений. Важно добавить, что философское понимание институтов вовсе не противоречит представленным в социологии и в других науках, но рассматривает объект во всем многообразии его проявлений. Философский подход во многом основывается на сложившемся в социологии понимании института как совокупности правил, норм и ценностей, регулирующих поведение агентов, однако если социология сосредотачивается на выявлении институциональных особенностей и функций, философия ищет причины, методы реализации функций: постановка цели; рациональный выбор; коллективный договор.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что применение методов социальной философии сегодня необходимо для преодоления противоречий

в понимании институтов, для выработки единого осмысления причин, механизмов, закономерностей их трансформаций. Именно трансформация, особенности развития, изменения социальных институтов могут быть поняты исключительно в системе философского знания.

Принимая во внимание активизацию научного интереса к социальным институтам, представляется целесообразным обратиться к выявлению особенностей, возможностей, перспектив и ограничений применения философских методов исследования к их изучению.

Литература

1. Баланова О. А. Социальность как проблема социальной философии // Философия права. 2013. № 5(60). С. 62—65.
2. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / Пер. Р. О. Сафронов. М.: НЛО, 2018. 216 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
6. Фейс Р. Модальная логика. М.: Наука, 1974. Дополнения. С. 223—323. (Математическая логика и основания математики).
7. Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке: монография: 1) Пер. В. А. Ладов, В. А. Суровцев / Под общ. ред. В. А. Суровцева. Томск: Национ. исслед. Томский госуд. ун-т, 2005. 152 с. (Библиотека аналитической философии); 2) Пер. В. Руднев // Логос. 1999. № 1. С. 151—185; 3) Пер. В. А. Ладова, В. А. Суровцева / Под общ. ред. В. А. Суровцева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. 256 с.
8. Мид Дж. Г. Избранное: сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований; Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2009. 290 с. (Теория и история социологии).
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.
10. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 664 с.
11. Ручин В. А., Ручин А. В. Системы образования в современном обществе: социально-философский анализ // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20. № 2. С. 76—85.
12. Халлиуллина Л. И. Подходы к институтам в современной социальной теории // Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 4. С. 118—120.
13. Aoki M. Corporations in Evolving Diversity: Cognition, Governance, and Institutions. Oxford: Oxford University Press. 2010.
14. Aoki M. Institutions as Cognitive Media between Strategic Interactions and Individual Beliefs // Journal of Economic Behavior & Organization. 2011. № 79(1—2). P. 20—34.
15. Aoki M. Toward a Comparative Institutional Analysis. Cambridge, MA: MIT Press. 2001.
16. Bratman Michael. Intentions, Plans and Practical Reason. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1987.
17. Bratman Michael. Shared Agency: A Planning Theory of Acting Together. Oxford: Oxford University Press. 2014.
18. Castelfranchi Cristiano. Minds as social institutions // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2013. № 13(1). P. 121—143.
19. Denzau, A. T., North D. C. Shared Mental Models: Ideologies and Institutions. Kyklos. 1994. № 47(1). P. 3—31.
20. Durkheim Emile. Rules of Sociological Method. New York: Free Press. 1964.
21. Durkheim Emile. Professional Ethics and Civic Morals / Tr. C. Brookfield. London: Routledge. 1992.
22. Giddens Anthony. New Rules of Sociological Method. London: Hutchinson. 1976.
23. Guala Francesco. Understanding Institutions: The Science and Philosophy of Living Together. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 2016.

24. Lewis, David, 1969, *Convention: A Philosophical Study*, Harvard University Press.
25. Markey-Towler B. I, *Roboticus Oeconomicus: The Philosophy of Mind in Economics, and Why it Matters* // *Cambridge Journal of Economics*, 2016. № 41(1). P. 203—237.
26. Miller Seumas. *Conventions, Interdependence of Action and Collective Ends*, 1986. № 20(2). P. 117—140.
27. Miller Seumas. *Joint Epistemic Action: Some Applications*, *Journal of Applied Philosophy*. 2018. № 35(2). P. 300—318.
28. Miller Seumas. *Performatives* // *Philosophical Studies*, 1984. № 45(2). P. 247—260.
29. Miller Seumas. *Social Institutions* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2019 Edition) / Ed. Edward N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/social-institutions/> (дата обращения 26.04.2021).
30. Miller Seumas. *The Moral Foundations of Social Institutions: A Philosophical Study*. New York: Cambridge University Press. 2010.
31. Parsons Talcott. *The Structure of Social Action*. New York: Free Press. 1968.
32. Parsons Talcott. *On Institutions and Social Evolution*. Chicago: University of Chicago Press. 1982.
33. Searle John. How to Derive "Is" from "Ought" // *Philosophical Review*. 1964. № 73. P. 43—58.
34. Searle John. *The Construction of Social Reality*. London: Penguin books, 1995.
35. Searle John. *Social Ontology* / Ed. Savas L. Tsohatzidis. *Intentional Acts and Institutional Facts: Essays on John Searle's Ontology*. Dordrecht: Springer. 2007.
36. Searle John. *Language and Social Ontology. Theory and Society*. 2008. № 37(5). P. 443—459.
37. Searle John. *Status Functions* / Eds. M. Janovic, Kirk Ludwig. *The Routledge Handbook of Collective Intentionality*. London: Routledge, 2018.
38. Tuomela Raimo. *The Philosophy of Social Practices: A Collective Acceptance View*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
39. Tuomela Raimo. *The Philosophy of Sociality: The Shared Point of View*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
40. Tuomela Raimo. *Social Ontology*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
41. Turner Jonathan. *The Institutional Order*. New York: Longman, 1997. P. 6.
42. Weber Max. *The Methodology of the Social Sciences*. Glencoe, Illinois: Free Press. 1949.
43. Winch Peter. *The Idea of a Social Science*. London: Routledge, 1958.

Поступила 04.04.2021

Равочкин Никита Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru

Бобриков Валерий Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, декан факультета фундаментальной подготовки Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28). bvn.kem@yandex.ru

Шенников Владимир Петрович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и художественно-эстетических дисциплин Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования (Россия, 650070, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Заузелкова, д. 3), volodia.logos2011@yandex.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета (Россия, 660049, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Мира 90); профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Красноярского государственного медицинского университета им. В.Ф. Войно-Ясенецкого (Россия, 660022, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Партизана Железняк, 1) ideologie@mail.ru

References

1. Balanova O. A. Social'nost' kak problema social'noj filosofii [SOCIALITY AS A PROBLEM OF SOCIAL PHILOSOPHY] // *Filosofija prava*. 2013. № 5(60). S. 62—65.
2. Berger P. Svjashhennaja zavesa. Jelementy sociologicheskoy teorii religii / Per. R. O. Safronov. M.: NLO, 2018. 216 s.
3. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya / Per. E. D. Rutkevich. M.: Medium, 1995. 323 s.
4. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. 808 s.
5. Djurkgejm Je. Sociologija: ee predmet, metod, prednaznachenie. M.: Kanon, 1995. 352 s.
6. Fejs R. Modal'naja logika. M.: Nauka, 1974. Dopolneniya. S. 223—323. (Matematicheskaja logika i osnovaniya matematiki).
7. Kripke S. A. Vitgenshtejn o pravilah i individual'nom jazyke: monografija: 1) Per. V. A. Ladov, V. A. Surovcev / Pod obshh. red. V. A. Surovceva. Tomsk: Nacion. issled. Tomskij gosud. un-t, 2005. 152 s. (Biblioteka analiticheskoy filosofii); 2) Per. V. Rudnev // *Logos*. 1999. № 1. S. 151—185; 3) Per. V. A. Ladova, V. A. Surovceva / Pod obshh. red. V. A. Surovceva. M.: Kanon+ROOI «Reabilitacija», 2010. 256 s.
8. Mid Dzh. G. Izbrannoe: sb. perevodov / RAN. INION. Centr social. nauchn.-inform. issledovanij; Sost. i perevodchik V. G. Nikolaev. Otv. red. D. V. Efremenko. M., 2009. 290 s. (Teorija i istorija sociologii).
9. Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie jekonomiki. M., 1997. 180 s.
10. Parsons T. O strukture social'nogo dejstvija. M.: Akademicheskij proekt, 2000. 664 s.
11. Ruchin V. A., Ruchin A. V. Sistemy obrazovaniya v sovremennom obshhestve: social'no-filosofskij analiz [EDUCATION SYSTEMS IN CONTEMPORARY SOCIETY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS] // *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. 2020. T. 20. № 2. S. 76—85.
12. Halliullina L.I. Podhody k institutam v sovremennoj social'noj teorii [APPROACHES TO INSTITUTIONS IN CONTEMPORARY SOCIAL THEORY] // *Baltiyskij gumanitarnyj zhurnal*. 2013. № 4. S. 118—120.
13. Aoki M. Corporations in Evolving Diversity: Cognition, Governance, and Institutions. Oxford: Oxford University Press. 2010.
14. Aoki M. Institutions as Cognitive Media between Strategic Interactions and Individual Beliefs // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2011. № 79 (1—2). R. 20—34.
15. Aoki M. Toward a Comparative Institutional Analysis. Cambridge, MA: MIT Press. 2001.
16. Bratman Michael. Intentions, Plans and Practical Reason. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1987.
17. Bratman Michael. Shared Agency: A Planning Theory of Acting Together. Oxford: Oxford University Press. 2014.
18. Castelfranchi Cristiano. Minds as social institutions // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2013. № 13(1). P. 121—143.
19. Denzau, A. T., North D. C. Shared Mental Models: Ideologies and Institutions. *Kyklos*. 1994. № 47(1). P. 3—31.
20. Durkheim Emile. Rules of Sociological Method. New York: Free Press. 1964.
21. Durkheim Emile. Professional Ethics and Civic Morals / Tr. C. Brookfield. London: Routledge. 1992.
22. Giddens Anthony. New Rules of Sociological Method. London: Hutchinson. 1976.
23. Guala Francesco. Understanding Institutions: The Science and Philosophy of Living Together. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 2016.
24. Lewis, David, 1969, *Convention: A Philosophical Study*, Harvard University Press.
25. Markey-Towler B. I, *Roboticus Oeconomicus: The Philosophy of Mind in Economics, and Why it Matters* // *Cambridge Journal of Economics*, 2016. № 41(1). P. 203—237.
26. Miller Seumas. Conventions, Interdependence of Action and Collective Ends, 1986. № 20(2). P. 117—140.
27. Miller Seumas. Joint Epistemic Action: Some Applications, *Journal of Applied Philosophy*. 2018. № 35(2). P. 300—318.
28. Miller Seumas. Performatives // *Philosophical Studies*, 1984. № 45(2). P. 247—260.

29. Miller Seumas. Social Institutions // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2019 Edition) / Ed. Edward N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/social-institutions/> (data obrashhenija 26.04.2021).

30. Miller Seumas. The Moral Foundations of Social Institutions: A Philosophical Study. New York: Cambridge University Press. 2010.

31. Parsons Talcott. The Structure of Social Action. New York: Free Press. 1968.

32. Parsons Talcott. On Institutions and Social Evolution. Chicago: University of Chicago Press. 1982.

33. Searle John. How to Derive "Is" from "Ought" // Philosophical Review. 1964. № 73. P. 43—58.

34. Searle John. The Construction of Social Reality. London: Penguin books, 1995.

35. Searle John. Social Ontology / Ed. Savas L. Tsohatzidis. Intentional Acts and Institutional Facts: Essays on John Searle's Ontology. Dordrecht: Springer. 2007.

36. Searle John. Language and Social Ontology. Theory and Society. 2008. № 37(5). P. 443—459.

37. Searle John. Status Functions / Eds. M. Janovic, Kirk Ludwig. The Routledge Handbook of Collective Intentionality. London: Routledge, 2018.

38. Tuomela Raimo. The Philosophy of Social Practices: A Collective Acceptance View. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

39. Tuomela Raimo. The Philosophy of Sociality: The Shared Point of View. Oxford: Oxford University Press, 2007.

40. Tuomela Raimo. Social Ontology. Oxford: Oxford University Press, 2013.

41. Turner Jonathan. The Institutional Order. New York: Longman, 1997. R. 6.

42. Weber Max. The Methodology of the Social Sciences. Glencoe, Illinois: Free Press. 1949.

43. Winch Peter. The Idea of a Social Science. London: Routledge, 1958.

Ravochkin Nikita N., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Chair of History, Philosophy and Social Sciences of T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Russia, 650000, Kemerovo reg, 28 Vesennaya St., Kemerovo, Russia); Associate Professor of Humanitarian and Legal Disciplines Department, Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo Region, Kemerovo, Markovtseva St., 5), nickravochkin@mail.ru

Bobrikov Valery N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Fundamental Training of Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya st., 28). bvn.kem@yandex.ru

Shchennikov Vladimir P., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Art and Aesthetic disciplines of the Kuzbass Regional Institute of Professional Development and Retraining of Educators (Russia, 650070, Kemerovo region, Kemerovo, Zauzelkova str. 3), volodia.logos2011@yandex.ru

Rakhinsky Dmitry V. Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process, Krasnoyarsk State Agrarian University (Russia, 660049, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Mira Ave. Mira 90); Professor, Department of Public Health and Health Care, V. F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University (Russia, 660022, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Partizan Zheleznyak St., 1) ideologie@mail.ru

Submitted 04.04.2021

От Декарта к Фромму: интеллектуальная и нравственная деградация

В.К. Самохвалова

Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ

bar-bar@mail.ru

Авторская версия причины интеллектуальной и нравственной деградации личности в общем виде сводится к отказу от рациональности. В частности — в отказе от рациональности Рене Декарта. Утверждается, что забвение картезианской установки на очевидность идеи совершенства мыслящему субъекту, с необходимостью приводит к факту элиминации представляющего мышления, а значит — и сознания в качестве генетического и конструктивного истока ценностей. Следствием, иллюстрацией и одновременно результатом и свидетельством указанного забвения, по мнению автора, оказывается популярная работа Э. Фромма «Иметь или быть»?

Ключевые слова: иметь или быть; ценностная альтернатива; аксиология; онтология; бытие; совершенство; благо; мыслящий субъект; Бог.

From Descartes to Fromm: Intellectual and Moral Degradation

V.K. Samokhvalova

All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation

bar-bar@mail.ru

The author's version of the reason for the intellectual and moral degradation of the personality in general is reduced to the rejection of rationality. In particular - in the rejection of the rationality of Rene Descartes. It is argued that oblivion of the Cartesian attitude towards the obviousness of the idea of perfection to a thinking subject, inevitably leads to the fact of the elimination of representing thinking, and hence consciousness as a genetic and constructive source of values. The consequence, illustration, and at the same time the result and evidence of this oblivion, according to the author, is the popular work of E. Fromm «To have or to be»?

Keywords: to have or to be; value alternative; axiology; ontology; being; perfection; goodness; thinking subject; God.

Рационализм — нечто большее, чем идейное движение, завершившееся в конце XVIII — начале XIX столетия.

Он представляет собой необходимое явление всякой нормальной духовной жизни.

Любой действительный прогресс в мире предопределен в конечном счете рационализмом.

А. Швейцер

Последняя работа Э. Фромма «Иметь или быть?» не теряет своей популярности, а значит, актуальности на протяжении вот уже почти пятидесяти лет¹. Это удивительно и показательно во многих отношениях.

По содержанию работа Фромма поднимает сугубо традиционные, вечные, смысло-жизненные вопросы: кто мы; и зачем мы живем; куда идем; если во всем этом какой-нибудь смысл и план; хозяева ли мы своей судьбы, или нами правит некий высший разум (коварный, или напротив всеблагой)?

Вопросам такого рода — и что самое главное — различным версиям ответов на них нет конца, свое начало они берут на самой заре становления человеческой культуры. Собственно, поиск ответов на эти вопросы инициирует рождение культуры в широком и узких ее смыслах. Однако, несмотря на то, что, как минимум, две с половиной тысячи лет до американского социального психолога подобными же вопросами задавались и давали на них ответы гиганты мировой философской мысли, Э. Фромму удалось прозвучать, быть услышанным и завладеть вниманием (в особенности молодых людей), как минимум на 50 лет!

Поэтому феномен Фромма удивителен и также потому, что специальной «новизны» предлагаемых им «гуманистических» решений книга не содержит. А содержит она широкий спектр иллюстративного материала (от изречений Лао-Цзы, Будды и поэзии Басе на Востоке, через средневековые авто-

ритеты Августина, Фомы и Майстера Экхарта, до современников Фромма — Хайдеггера и Швейцера на Западе), призванного поддерживать мировоззренческую позицию автора.

Понятно, что список авторитетных для каждого автора источников — дело индивидуальное, и все же привлекает внимание тот факт, что в библиографии к данному труду Э. Фромма практически отсутствуют авторы эпохи Нового времени, в частности, — Декарт. Бэкон, Декарт, Лейбниц, упоминаются на страницах этой работы Э. Фромма всего лишь единожды, в порядке общего перечисления [1, с. 43], и это останавливает внимание потому, что броско заявленная заголовком книги альтернатива «Иметь или быть?» носит явно ценностный характер.

И хотя ценностная проблематика имманентно присуща самой природе философского познания, а в качестве специализированной области философских изысканий — аксиологии — выступает прерогативой Баденской неокантианской школы, все же представление, фиксирующее значение «картезианского принципа» в формировании самой возможности того, что впоследствии проявилось в «философии ценностей» в достаточной степени общепризнанно [2, с. 90]. Так, например, М. Хайдеггер в работе «Европейский нигилизм» стремился показать, что именно Декарт начал процесс, в завершающей стадии которого новоевропейская метафизика — в лице Ницше в особенности — становится мышлением в ценностях: «Эпоха,

¹ В моей преподавательской практике, студенты, приступающие к изучению курса философии на втором году обучения в бакалавриате, на традиционный вопрос, что они знают о философии, и с творчеством кого из философов они знакомы, последние двадцать лет дают практически неизменный ответ: «Иметь или быть? Эриха Фромма и «Пирамиду потребностей Абрахама Маслоу».

которую мы называем Новым временем ... определяется тем, что человек становится мерой и средоточием сущего. Человек есть для всего сущего, т.е. в понимании Нового времени, для всего опредмечивания и для всей представимости, лежащее в основе, *subiectum*. Как ни резко Ницше снова и снова нападает на *Декарта* (курсив Хайдеггера), чья философия лежит в основе новоевропейской метафизики, он нападает на Декарта только потому, что тот *еще не полностью* и без достаточной *решительности* вводит человека как *subiectum*. Представление *subiectum* как *ego*, Я, так сказать, «эгоистическое» истолкование субъекта для Ницше еще недостаточно субъективистично. Только в учении о сверхчеловеке как учении о безусловном преимуществе человека внутри сущего новоевропейская метафизика приходит к предельному и законченному определению своего существа. В этом учении Декарт празднует свой высший триумф» [3, с. 78].

Можно по-разному относиться к конкретной идее М. Хайдеггера об укорененности картезианского принципа *cogito* в учении Ницше о сверхчеловеке и концепции «воли к власти», но решающую роль Декарта в упрочении «субъективного принципа» в философии Нового времени сложно игнорировать.

Более того, именно на основе этого принципа в дальнейшем в философии (и в том числе и в концепции Э. Фромма) разовьется различие двух возможных и действительных способов полагания бытия субъектом: в качестве сущего (в представлении субъекта о том, что есть, что имеется) и в качестве должного (в представлении субъекта о том, что должно быть).

В тексте Фромма указанное различие *иметь или быть* читается явно. Под обладанием и бытием как двумя вышеозначенными способами полагания бытия субъектом (или — как назовут их позже философы антропологи — модусами человеческого существования) Фромм выводит не некие отдельные качества субъекта, а «два основных способа

существования, два разных вида самоориентации и ориентации в мире, две различные структуры характера, преобладание одной из которых определяет все, что человек думает, чувствует и делает» [1, с. 30—31]. Кроме того, модус существования по принципу бытия (социально-психологическую ориентацию как отдельной личности, так и различных сообществ в целом на ценностную установку *быть*) предполагает у Фромма истинную полноту действительности (настоящую, полноценную жизнь) в противоположность ущербной неполноте и видимости («кажимости») неподлинного существования при альтернативной ценностной ориентации на принцип обладания — *иметь*.

В свете сказанного обратимся к метафизическим положениям Декарта. Прежде всего — к понятию *совершенства*, поскольку оно непосредственно соотносится с ценностной проблематикой: в аксиологических построениях неокантианцев «ценности» как раз соотнеслись с тем, что в более ранней философии, начиная с Сократа, именовалось совершенством и Высшим благом.

Об этом пишет Г. Риккерт: «Так как в непосредственно доступной нам действительности мы не можем обрести единства ценности и действительности, — не можем уже потому, что такое единство должно быть всеобщим, непосредственная же действительность никогда не всеобща, — то искомое единство и переносится необходимо в область, что лежит по ту сторону всякого опыта, т.е. в область метафизического. Там безраздельно царствует единая действительность ценностей, как обладающая абсолютной ценностью реальность, начало всех вещей, всеобщий критерий ценности, к которой должно стремиться все, что притязает на общее значение» [4, с. 30].

В философии же Декарта понятие «совершенство» носит основополагающий, фундаментальный характер. Можно сказать, что на «аргументе от совершенства» в значительной степени держится все здание метафизики Декарта: от доказательства суще-

ствования Бога, до гносеологических утверждений и убеждений нравственного порядка. В случае с Декартом, мы имеем дело с законченным вариантом онтологизации ценностной категории совершенства.

Совершенство для Декарта есть мера бытия. Здесь Декарт выступает наследником более ранней онтологической позиции: трактовка блага как неотъемлемого атрибута бытия, утверждение бытия как совершенства («бытие как совершенство — красота как бытие» [5, с. 30]) восходят к фундаментальным метафизическим положениям, начиная, как минимум, с неоплатонизма. Совершенство — это метафизическое, онтологическое, бытийное благо, по отношению к которому все другие виды благ (включая блага истины, познания и достойного поведения) — лишь подчиненные ему роды и виды. Быть совершенным значит обладать абсолютной полнотой бытия. Зло как умаление совершенства, связано в первую очередь с неполнотой, недостатком, частичным отсутствием и лишенностью некоторого количества реальности. Полное же отсутствие блага равносильно отсутствию бытия, тождественно не-существованию. Именно так разъясняет Декарт собственное несовершенство и вытекающую из него способность к заблуждению (к ошибочному принятию ложных мнений и совершению ложных действий). Нет необходимости в том — считает Декарт, — чтобы мы заблуждались в силу какой-то *способности к заблуждению*, нарочно данной нам с этой целью Богом, но, напротив, мы заблуждаемся потому, что *способность истинного суждения*, которую он нам даровал, не является бесконечной, поскольку «сам я оказываюсь созданным таким образом, что являюсь чем-то средним между Богом и небытием, или между высшей сущностью и ничем...поскольку сам я — не высшее бытие, мне весьма многого не достает, и потому не удивительно, что я заблуждаюсь» [6, с. 45].

Однако тождество бытия и блага, бытия и совершенства по Декарту неполное: бытие,

существование, не исчерпывает совершенства, оно — лишь одно из совершенств и в то же время их (других совершенств, отличных от бытия) общая основа. При этом мерой самого бытия выступает все же совершенство. Что же в таком случае является источником совершенства, не тождественного бытию?

В системе Декарта источником всех возможных и действительных совершенств в сотворенном им мире, конечно же, является Бог. Более того именно на такой трактовке бытия как совершенства основан у Декарта «онтологический аргумент» существования Бога. При изложении философии «геометрическим способом» дефиниция Бога как субстанции всесовершенной оказывается у Декарта исходной и единственной: «Субстанция, которую мы постигаем как самую совершенную и в которой мы не усматриваем ничего, что подразумевало бы какой-то изъян или ограничение совершенства, именуется Богом» [6, с. 128].

Развитие аргументации «от совершенства» в доказательстве существования Бога выстраивается Декартом от констатации факта его собственного несовершенства к признанию необходимости существования всесовершеннейшего существа: существующая в нашем мышлении «идея совершенства» порождена не нами, имеет внешний источник, вторична и производна от всесовершеннейшего существа. Декарт разъясняет, что хотя в процессе происхождения идей, «возможно, одна идея может возникать из другой, тем не менее бесконечного прогресса здесь не дано, но, напротив, в конце концов происходит возвращение к какой-то первичной идее, причина которой есть как бы архетип, в коем формально содержится вся реальность, содержащаяся в идее лишь объективно» [6, с. 35—36]. Такова идея Бога. Каков ее генезис?

Поскольку идея Бога очевидным образом не может иметь чувственного происхождения, и по предыдущему рассуждению не является выводной из других идей, но как

раз сама служит источником для них, остается предположить врожденный характер идеи Бога, равно как и врожденный характер для каждого идеи его самого: дабы запечатлеть свое искусство, Бог вложил в души людей эти идеи. Именно поэтому — продолжает свое рассуждение Картезий — я не только понимаю, что являюсь вещью несовершенной, зависящей от кого-то другого, вещью неограниченно стремящейся ко все большему и лучшему, но также осознаю, что тот, от кого я зависю, содержит в себе это большее и лучшее не просто неограниченным образом и только в потенции, но актуально, как нечто бесконечное и потому он — Бог [6, с. 42—43]. «Под словом «Бог» я понимаю некую бесконечную субстанцию, независимую, в высшей степени разумную, всемогущую, сотворившую как меня самого, так и все прочее, что существует, если оно существует» [6, с. 38].

Таким образом, среди врожденных истинных идей существует «главная и первейшая» — идея Бога. Сущность этой идеи необходимым образом сопряжена с ее существованием; идея Бога есть причина, обуславливающая все другие идеи; и идея Бога в высшей степени истинна. Это означает, что онтологически и, так сказать, генетически божественное совершенство первично, но методически, в мире наших представлений, процесс постижения идей обладает противоположной направленностью [2, с. 94]. На феноменальном уровне восприятия идей идея совершенства должна предшествовать идее несовершенства, так как не обладая идеей совершенства, нельзя осознать собственное несовершенство. Словом, последовательность восприятия идей, приводящая к доказательству существования Бога, выглядит так: «от идеи совершенства, данной в нашем субъективном разуме, к признанию собственного несовершенства и от него — к констатации божественного всесовершенства» [7, с. 343—344].

Приведенная Декартом последовательность восприятий формирует фундаменталь-

ную установку, новую для всей европейской метафизики: всякое бытие, в том числе и совершенство как бытие и бытие совершенства, есть бытие, представленное в мышлении субъекта, «бытие-как-представление». Прежде, чем решиться на утверждение онтологической реальности совершенства (как это было свойственно философской традиции, предшествующей Декарту), т.е. до того как совершенству атрибутируется независимый ни от чего бытийный статус, оно (совершенство) существует, по Декарту, в форме его представленности субъектом. Данность идеи совершенства в нашем мышлении есть несомненная очевидность. Совершенство непосредственно дано в представляющем мышлении субъекта в форме идеала, образца, с которым он соотносит и в результате оценивает самого себя и все сущее.

В проекции на будущую философию это означает, что знание в собственном смысле слова, т.е. знание «сущего» принадлежит сфере представлений о должном. И в таком ракурсе любые ценностные стратегии, в том числе и целевые ориентации отдельной личности не могут быть представлены в качестве истин, как соответствия, в собственном смысле этого слова, но, напротив они всегда есть отрицание непосредственной объективности того, что есть. Суждения же о должном никоим образом не выводимы из знания о сущем, из суждений существования, поскольку — повторю, ибо это важно — данность идеи совершенства в нашем мышлении есть несомненная очевидность.

И это то, привнесенное Декартом положение, что, по мысли Хайдеггера, положило начало превращению целей прежней метафизики в ценности [8, с. 60]. Понятно, что зависимость от Декарта последующей ценностной проблематики в философии многоступенчато опосредована, и отдаленные следствия «картезианского переворота» — часто весьма далеки от собственных философских позиций Декарта. И тем не менее, приведенная реконструкция позиции Декарта по отношению

к ценностному статусу понятия совершенства представляется уместной в свете последующей фиксации философской мысли на проблемах аксиологии.

Декарт задал тенденцию «очищения разума» как способности, завершившейся в трансцендентальном субъекте: «картезианский «субъект» как философская абстракция высокого ранга аккумулировал в себе чистую познавательную способность с максимально возможным отвлечением от «всего человеческого»: антропоморфного, социальной, культурной и индивидуальной определённости и от всех качеств, кроме способности мыслить» [2, с. 103].

Свободный от всякой заинтересованности и привнесения в познавательный процесс всего инородного, второстепенного и приводящего, познающий разумом субъект претендует в наиболее значительных философских построениях метафизики Нового времени (от Декарта до Канта) на позицию абсолютного наблюдателя, не занимающего определенного места в пространстве и в историческом времени, ибо только благодаря этому гарантируются воспроизводимость познавательных актов, достоверность и общезначимость истины.

Напротив, нашему времени, в особенности со второй половины XX века, все более свойствен иной подход к «мыслящему субъекту» классической философии. Статус всеохватывающей реальности, по отношению к которой никто не в состоянии занять внешнюю позицию независимого «наблюдателя», встать вне ее, или над нею обрела «сама жизнь», «жизнь как она есть». «Жизнь» как самовоспроизводящийся процесс существования, имеющего собственные основания и цели в себе самом, в качестве общего инварианта охватывает широкий спектр вариативных концепций. Экзистенциальная концепция Фромма — одна из них.

Вне жизни нет ничего, нет ничего выше и ниже ее. Значит, нет ничего, что могло бы судить жизнь, предписать ей масштабы ценно-

стей и оценок извне. Нет никаких абсолютов. Ценности, абсолюты — все это порождения самой жизни, в ней укорененные и внутри нее функционирующие. Это — нынешнее, по преимуществу, «бытие-как-жизнь» — совсем иное бытие, нежели в европейской метафизике. Можно говорить о своеобразном раздвоении этого понятия, что как раз отчетливо видно у Фромма: бытие вещи в качестве «вещи» (иметь) и бытие ее же в качестве «ценности» (быть) — различные, альтернативные модусы бытия.

И в этом можно заметить существенный изъян позиции Фромма: «бытие-как-жизнь», в котором возникают, пребывают и что-то значат ценности, элиминирует представляющее мышление, сознание в качестве их генетического и конструктивного начала. А между тем: «Только то, что рождено мышлением и обращено к мышлению, может стать духовной силой для всего человечества... Только при условии постоянного апеллирования к мыслящему мировоззрению могут пробудиться все духовные способности человека... Идеи разума дают нашему бытию направление и сообщают ему ценность... Если мы вновь отважимся на поиски света разума, мы не деградируем до уровня поколения, неспособного ни на какой энтузиазм, а загоримся великой и глубокой страстью великих и глубоких идеалов. Они заполняют всю нашу жизнь, вытеснив предельно убогие и примитивные нынешние идеалы» [9, с. 82—84].

Литература

1. **Фромм. Э.** Иметь или быть: пер. с англ. / Общ. ред. и посл. В.И. Добренков. 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1990. 336с. (Библиотека зарубежной психологии).
2. **Перов Ю.В.** Наследие Декарта в перспективе «мышления в ценностях» // Мысль. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1998. Т. 2. № 1. С. 87 — 108.
3. **Хайдеггер М.** Европейский нигилизм // Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем.

М.: Республика, 1993. С. 63—176. (Мыслители XX века).

4. **Риккерт Г.** О понятии философии // Науки о природе и науки о культуре: перевод с немецкого / Общ. ред. и предисл. А.Ф. Зотова; сост. А.П. Полякова, М.М. Беляева. М.: Республика, 1998. С. 13—42. (Мыслители XX века).

5. **Аверинцев С.С.** Бытие как совершенство — красота как бытие // Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. С. 30—58.

6. **Декарт Р.** Сочинения: в 2 т.: пер. с лат. и фр. / Сост., ред. и примеч. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1994. Т. 2. 632 с. (Философское наследие).

7. **Фишер К.** Декарт: Его жизнь сочинения и учение: пер. с нем. / Под ред. Н.Н. Полилова, Д.Е. Жуковского. СПб.: Мифрил, 1994. 560 с.

8. **Хайдеггер М.** Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 41—62. (Мыслители XX века).

9. **Швейцер А.** Культура и мировоззрение // Культура и этика: пер. с нем. Н. А. Захарченко, Г. В. Колшанского. М.: Прогресс, 1973. С. 78—96.

Поступила 11.03.2021

Самохвалова Варвара Климентьевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ (Воробьевское шоссе, д. 6А, 119285, г. Москва, Россия), bar-bar@mail.ru

4. Rikert G. O ponjatii filosofii // Nauki o prirode i nauki o kul'ture: perevod s nemeckogo / Obshh. red. i predisl. A.F. Zotova; sost. A.P. Poljakova, M.M. Beljaeva. M.: Respublika, 1998. S. 13—42. (Mysliteli HH veka).

5. Averincev S.S. Bytie kak sovershenstvo — krasota kak bytie // Pojetika rannevizantijskoj literatury. M.: Coda, 1997. S. 30—58.

6. Dekart R. Sochinenija: v 2 t.: per. s lat. i fr. / Sost., red. i primech. V. V. Sokolova. M.: Mysl', 1994. T. 2. 632 s. (Filosofskoe nasledie).

7. Fisher. K. Dekart: Ego zhizn' sochinenija i uchenie: per. s nem. / Pod red. N.N. Polilova, D.E. Zhukovskogo. SPb.: Mifril, 1994. 560 s.

8. Hajdegger M. Vremja kartiny mira // Vremja i bytie: stat'i i vystuplenija: per. s nem. M.: Respublika, 1993. S. 41—62. (Mysliteli HH veka).

9. Shvejcer A. Kul'tura i mirovozzrenie // Kul'tura i jetika: per. s nem. N. A. Zaharchenko, G. V. Kolshanskogo. M.: Progress, 1973. S. 78—96.

Submitted 11.03.2021

Samokhvalova Varvara K., PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Vorobievskoe shosse, 6A, 119285, Moscow, Russia), bar-bar@mail.ru

References

1. Fromm. Je. Imet' ili byt': per. s angl. / Obshh. red. i posl. V.I. Dobren'kov. 2-e izd., dop. M.: Progress, 1990. 336s. (Biblioteka zarubezhnoj psihologii).

2. Perov Ju.V. Nasledie Dekarta v perspektive «myshlenija v cennostjah» // Mysl'. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 1998. T. 2. № 1. S. 87 — 108.

3. Hajdegger M. Evropejskij nigilizm // Vremja i bytie: stat'i i vystuplenija: per. s nem. M.: Respublika, 1993. S. 63—176. (Mysliteli HH veka).

Виртуальная реальность как объект и инструмент познания: прикладные аспекты

Т.Ю. Соколова¹, Г.И. Фазылзянова¹, Е.Е. Ефграфова¹, Е.В. Астапович¹

¹ Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

fgi1971@gmail.com

Проекты, разработанные с применением технологий виртуальной реальности, обеспечивают погружение пользователя в искусственный мир с возможностью действовать в нем с помощью специальных сенсорных устройств в реальном времени. Дизайн и архитектура виртуальной реальности сегодня являются новыми и востребованными профессиональными компетенциями. Работа виртуального архитектора ответственна: виртуальный мир может стать для пользователя как областью, где совершаются открытия, так и пространством психологического травмирования. Поэтому профессиональная подготовка творцов цифровых миров предполагает активное использование в образовательном процессе новых образовательных технологий, в числе которых особое место занимают технологии виртуальной реальности.

Virtual reality as an object and a tool of cognition: applied aspects

T. Yu. Sokolova¹, G. I. Fazylzianova¹, E. E. Efgrafova¹, E. V. Astapovich¹

¹ National Research University of Electronic Technology, Moscow

fgi1971@gmail.com

Projects developed with the use of virtual reality technologies provide a user's immersion in an artificial world with the ability to act in it using special touch devices in real time. The design and architecture of virtual reality are new and in-demand professional competencies today. The work of a virtual architect is responsible: the virtual world can become for the user both an area where discoveries are made, and a space of psychological trauma. Therefore, the professional training of creators of digital worlds involves the active use of new educational technologies in the educational process, among which virtual reality technologies occupy a special place.

Виртуальная реальность как философское понятие сформировалось в «рамках постнеклассической философии 1980—1990-х как проблема природы реальности, как осознание проблематичности и неопреде-

ленности последнего»¹. Чтобы дать определение понятию «виртуальная реальность» (virtual reality, VR) нужно понять его внутренний сущностный механизм и «принцип работы». Виртуальная реальность является 3D

¹ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-virtualnaya-realnost-v-filosofskom-znanii> (дата обращения 26.05.2021)

средой, которая моделируется компьютерами и позволяет пользователю взаимодействовать с любыми объектами трехмерного пространства. Взаимодействие «пользователь — среда» осуществляется через VR-гарнитуры или мультипроецированные среды в сочетании с материальными средами, обеспечивающие пользователя реальными ощущениями физической и психологической имитацией существующего искусственно созданного мира. Таким образом, можно дать определение виртуальной реальности как технологии, посредством которой компьютерные стимулы организуют иллюзию пребывания человека в определенном пространстве, создавая эффект погружения с помощью сенсорного восприятия. Основными атрибутивными свойствами виртуальной реальности, согласно концепции виртуальной психологии Н. А. Носова, являются: «порождаемость» виртуального пространства, актуальность, интерактивность и автономность [3, с. 10].

Не существует четкой границы между типами VR, но весь коммерческий виртуальный контент можно условно поделить на три основных типа. Ранжирование осуществляется на основе субъективных ощущений пользователя по поводу степени его погружения и присутствия в моделируемом пространстве. Глубина и острота ощущений, в свою очередь, определяют концентрацию пользователя на поставленной задаче, которая решается именно в виртуальном пространстве. Считается, что степень погруженности и эффекты присутствия определяются интерактивностью, качеством графики, углом обзора и полем зрения, частотой смены изображений. Но, на практике, ощущения присутствия в виртуальном пространстве зависят от всех параметров в совокупности.

Основные типы виртуальной реальности:

1. Иммерсивная VR — виртуальная реальность с эффектом полного погружения.
2. Полуиммерсивная VR — полупогружаемая виртуальная среда отличается от пол-

ностью иммерсивной среды отсутствием эффекта полного погружения. Примером такого контента является игра Minecraft, где, в отличие от полностью виртуальных сред, детально проработано взаимодействие пользователя с объектами и средой игрового мира.

3. Неиммерсивная VR — виртуальная реальность без погружения. Виртуальной средой без погружения называются цифровые пространства с качественной графикой, звуком и наличием гарнитуры в виде контроллеров. Данная технология широко применяется в виртуальных прогулках по музеям и реконструкциях, реставрациях исторически важных объектов.

Различные типы виртуальной реальности не следует рассматривать обособленно друг от друга, проводя четкую границу для реализации любой из трех VR-систем. Они интегрируются между собой: любая неиммерсивная настольная система может быть трансформирована в полуиммерсивную виртуальную систему, а также систему полного погружения — при помощи добавления игрового программного обеспечения и гарнитуры. Таким примером может являться игра Minecraft, изначально созданная в полуиммерсивной виртуальной среде, которая на сегодняшний момент имеет версию полностью иммерсивной VR.

Раскроем специфические аспекты в дизайн-проектировании VR-интерфейсов. Надевая шлем виртуальной реальности, пользователь погружается в совершенно новую для него среду, что способно вызвать бурю разнообразных эмоций. Выступая, например, в роли игрока, он не просто запускает приложение, а внедряется в новое пространство и становится частью небытийного мира [1]. Оказавшись в этом неизведанном для себя ранее мире, человек может испытать психологический дискомфорт, поскольку переход из реального в виртуальный мир способен оказать стрессовое воздействие. Именно по этой причине особое внимание стоит уделить решению проблемы обеспечения комфортного

восприятия пользователем его пребывания в виртуальной среде. Эта задача может быть решена как при помощи совершенствования технологии передачи виртуального мира посредством специальных устройств (шлема и контроллера), так и проработкой деталей пространства и элементов интерфейса, что является компетенцией специалиста-дизайнера [1].

Несколько лет назад появилось понятие «архитектор виртуальной реальности». Подход к решению задач данного специалиста, связанных с комфортным переходом и пребыванием в виртуальной реальности, можно частично сравнить с архитектурным решением, применявшимся при проектировании станций метрополитена Москвы. Московское метро является культурным достоянием благодаря архитектурным решениям, которые были созданы с целью комфортного погружения людей в совершенно новую для них среду, формирующуюся фактически в подземелье. Обычному человеку, жившему в Москве в 30-е годы XX века, трудно было представить, чтобы он спустился вниз, под землю, в метафорический ад. Поэтому одна из ключевых задач архитекторов являлось перекодировка адского пространства в пространство горнее, божественное: «Громадные станции метро должны были вызывать у людей чувство, будто они входили в церковь», — утверждает искусствовед Елена Желдукова о станции «Площадь Революции» [2]. А церковь, в свою очередь, должна являть собой убежище, безопасное пристанище и пространство рая на земле [2].

Сходным образом, проектируя цифровые продукты, элементы VR-интерфейсов архитектор должен создавать среду, которая в идеальном проявлении не должна вызывать у пользователя чувства тревоги, а наоборот, гарантировать комфортное времяпрепровождение. Проектирование элементов пользовательского VR-интерфейса предполагает комплексный подход к созданию «экологичного» интерфейса, позволяющего снизить эмоциональную и когнитивную (возникающую в процессе познания) нагрузку на пользователя

в непривычных ситуациях, предоставить ему возможность совершать минимальное количество операций для достижения конкретных целей. В первую очередь, архитектору необходимо воспользоваться опытом проектирования пользовательского VR-интерфейса приложений для компьютеров и мобильных устройств и составить сценарий работы пользователя с цифровым продуктом.

При этом следует помнить, что проектирование VR-интерфейса — особая задача, именно поэтому при формировании контента важен опыт работы в печатном дизайне, предполагающий умение грамотно работать с типографикой [5], поскольку подход ко многим элементам можно сравнить с проектированием постеров и билбордов, где главным образом служит читабельность шрифта на определённом расстоянии [5]. При проектировании VR-интерфейса недостаточно только теоретических знаний и умений разрабатывать всё по шаблону, поскольку таковых на данный момент практически не существует.

Каждый проект преследует уникальные цели и рассчитан на определённую аудиторию: например, если это образовательный проект по биологии, предназначенный для детей среднего школьного возраста, то необходимо учитывать психофизиологические особенности этой возрастной категории, и остерегаться гиперреалистичного отображения объектов. Поэтому в данном случае для решения дизайнером поставленной перед ним задачи будет уместным прибегнуть к стилизации, а информационную часть оформить доступно настолько, насколько это возможно для понимания целевой аудитории.

Сказанное подтверждает, что цифровым дизайнерам открыты потенциальные возможности профессиональной и творческой реализации в области VR, чему способствуют многообразие инструментария и развитие цифровых технологий, существующих уже сейчас. При создании проектов виртуальной реальности применяются знания, накопленные при

проектировании полиграфической и цифровой продукции, и понимание световосприятия и психологических особенностей человека. Синергия этих факторов ведет к совершенно новым результатам.

В системе образования намечаются определенные тенденции в изменении концепции подготовки специалистов для цифрового общества, основной из характеристик которой является «гибридизация». Современный цифровой дизайнер — это гибридный специалист, который должен владеть компетенциями на стыке мира культуры и искусства, цифрового общества и информационных технологий. Дизайн взаимодействия с пользователем осуществляют такие специалисты, как дизайнер взаимодействия с пользователем (UX-дизайнер) и дизайнер визуализации (UI-дизайнер), но в современном цифровом мире и цифровом бизнесе чаще всего это один человек (UX/UI-дизайнер), сочетающий в себе как знания алгоритмов UX-исследований, так и законы проектирования целостного языка дизайна, в контексте восприятия «человека цифрового общества». Таким образом, компетенции цифрового дизайнера шире, хотя и не имеют на сегодняшний момент четких характеристик и определяются скоростью развития цифровых технологий, эстетикой цифрового мира и запросами реального бизнеса.

VR-технология получили широкое распространение во всем мире, и все чаще внедряются в производственные и образовательные процессы. Что касается образовательной сферы, то это, бесспорно, одна из самых инновационных и эффективных альтернативных средств обучения взамен устаревшим учебным пособиям. Образовательные программы «Информационные технологии в дизайне» (направление подготовки 09.03.02 — Информационные системы и технологии) и «Лаборатория дизайна» (направление подготовки 54.04.01 — Дизайн), реализуемые в НИУ МИЭТ в рамках комплексной модели подготовки кадров для высокотехнологиче-

ских сфер экономики региона, нацелены на восполнение дефицита кадров в области 3D-моделирования, визуализации и анимации, визуального программирования и технологий виртуальной и дополненной реальности, виртуального прототипирования.

Успешная реализация учебных планов предполагает необходимость применения комплексного подхода к созданию образовательного пространства в технологиях VR, отвечающего актуальным требованиям цифрового мира. Комплекс обучающих технологий основан на конусе обучения Эдгара Дейла, согласно которому процентное соотношение методов поступления информации и ее запоминания распределяется следующим образом: только 10 % информации усваивается при прочтении книги, 50% при ее аудиальном восприятии, и 90% усвоение информации достигается путем непосредственного контакта человека с объектом обучения. Поэтому при реализации учебных программ мы стремимся к широкому применению интерактивных учебных VR-продуктов, задействуют сразу все способы подачи информации, за счет чего ее усвоение слушателями происходит намного быстрее и более качественно.

Преимущество виртуального образовательного продукта (VR-тренажеры, VR-лаборатории и др.) перед классическим учебником или мультимедийным пособием заключается в степени и глубинной наглядности материала, осуществляемой посредством 3D-графики. Не обладая трехмерным видением, сложно представить и понять схему работы электрической цепи или работу сложных систем. Виртуальная реальность не только воспроизводит сам процесс, но и включает в работу пользователя, что делает усвоение материала эффективным. Технологии виртуальной реальности трансформируют обучение и делают его похожим как на игру, так и на реальные технологические или производственные процессы создания высокотехнологичных продуктов.

Приведем примеры использования современной компьютерной графики в подготовке цифровых дизайнеров на кафедре инженерной графики и дизайна НИУ МИЭТ, разбив их на 5 видов: иллюстративный материал и инфографика; 3D визуализации объектов и процессов — аллегорическое отображение сложных процессов, точная визуализация которых невозможна, или максимально точное воспроизведение процессов и объектов, внешний вид которых известен науке; интерактивная 2D анимация процессов; интерактивные 3D схемы-визуализации. Отдельно стоит выделить, применение электронных компонентов с возможностью виртуальной и дополненной реальности. Эти технологии позволяют визуализировать различные технологические процессы, явления или предметы, которые невозможно показать в учебной аудитории или лаборатории, а также понять из чего состоит объект, как он функционирует, что происходит с течением времени. Применение подобных технологий позволяет обучающимся не только наблюдать, но и в интерактивной среде управлять параметрами объектов и процессов, контролируя полученные результаты [4].

Таким образом, виртуальный мир постигаем и познаваем только в том случае, если методы и инструменты познания обладают теми же характеристиками: виртуальностью, то есть «порождаемостью», актуальностью, интерактивностью и автономностью. Будущие архитекторы цифровых сред и пространств с первых шагов профессиональной подготовки погружаются в тварные виртуальные миры, поскольку только при такого рода погружениях формируются компетенции будущих творцов.

Литература

1. **Говорунов А.** Человек в ситуации виртуальной реальности [Электронный ресурс] // Anthropology: web-кафедра философской антропологии. 2006. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/govoru-nov-av/chelovek-v-situacii-virtualnoy-realnosti> (дата обращения 03.06.2021).
2. **Йентофт М.** Московское метро — подземное зеркало истории России: [Электронный ресурс] // ИноСМИ.ru: сетевое издание, 2016. URL: <https://inosmi.ru/social/20160419/236190149.html> (дата обращения 03.06.2021).
3. **Носов Н. А.** Виртуальная психология. М.: Аграф. 2000. 430 с.
4. **Михайлина Е.Н.** Виртуальная реальность как новый способ взаимодействия с реальностью // Компьютер и визуальная культура дизайна в контексте эстетических, онтологических, аксиологических проблем и проектных технологий (Цифровая революция — 2017): сб. трудов Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 147—151.
5. Hsu J. 4 Things I learned Designing User Interfaces for VR at Disney [Электронный ресурс] // Medium: open platform. URL: <https://medium.com/startup-grind/4-things-i-learned-designing-user-interfaces-for-vr-cc08cac9e7ec> (дата обращения 03.06.2021).

Поступила 26.05.2021

Соколова Татьяна Юрьевна — канд. техн. наук, доцент, зав. кафедры инженерной графики и дизайна, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (Россия, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), fgi1971@gmail.com

Фазылыязнова Гузалия Ильгизовна — доктор культурологии, профессор, профессор кафедры инженерной графики и дизайна, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (Россия, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), fgi1971@gmail.com

Евграфова Екатерина Евгеньевна — старший преподаватель, доцент, кафедра инженерной графики и дизайна, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (Россия, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), Член Союза Дизайнеров России, fgi1971@gmail.com

Астапович Екатерина Владиславовна — магистрант, кафедра инженерной графики и дизайна, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (Россия, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), Член Союза Дизайнеров России, fgi1971@gmail.com

References

1. Govorunov A. Chelovek v situacii virtual'noj real'nosti [Elektronnyj resurs] // Anthropology: web-kafedra filosofskoj antropologii. 2006. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/govorunov-av/chelovek-v-situacii-virtualnoy-realnosti> (data obrashhenija 03.06.2021).
2. Jentoft M. Moskovskoe metro — podzemnoe zerkalo istorii Rossii: [Elektronnyj resurs] // InoSMI.ru: setevoe izdanie, 2016. URL: <https://inosmi.ru/social/20160419/236190149.html> (data obrashhenija 03.06.2021).
3. Nosov N. A. Virtual'naja psihologija. M.: Agraf. 2000. 430 c.
4. Mihajlina E.N. Virtual'naja real'nost' kak novyj sposob vzaimodejstvija s real'nost'ju // Komp'juter i vizual'naja kul'tura dizajna v kontekste jesteticheskikh, ontologicheskikh, aksiologicheskikh problem i proektnyh tehnologij (Cifrovaja revolyucija — 2017): sb. trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2017. S. 147—151.
5. Hsu J. 4 Things I learned Designing User Interfaces for VR at Disney [Elektronnyj resurs] // Medium: open platform. URL: <https://medium.com/startup-grind/4-things-i-learned-designing-user-interfaces-for-vr-cc08cac9e7ec> (data obrashhenija 03.06.2021).

Submitted 26.05.2021

Sokolova T. Yu., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Engineering Graphics and Design, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology» (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokina sq. 1), fgi1971@gmail.com

Fazylzyanova G. I., Doctor Culture Science, professor, Professor of engineering graphics and design Department, National Research University of Electronic Technology (MIET), (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, pl.

Shokina, 1), fgi1971@gmail.com

Evgrafova E. E., Senior Lecturer, Associate Professor, Department of Engineering Graphics and Design, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology» (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokina square, 1), Member of Designers Union of Russia, fgi1971@gmail.com

Astapovich E. V., Master's Student, Wydział Grafiki Inżynierskiej i Projektowania, Narodowy Uniwersytet Badawczy «Moskiewski Instytut Technologii Elektronicznej» (Rosja, 124498, Moskwa, Zelenograd, Shokina sq. 1), Członek Rosyjskiego Związku Projektantów, fgi1971@gmail.com

Молодежное лидерство в управленческой деятельности: аксиологические аспекты

И.М. Филиппов

Московский государственный областной университет

filivanmih@yandex.ru

Автор рассматривает процесс активизации лидерского потенциала, универсальные и отраслевые особенности становления молодежных лидеров. Определяется роль внешних и внутренних факторов в конструировании лидерской молодежной среды. Ценностные аспекты феномена лидерства выделяются в жизненном стиле, субъективном образе поведения, основанном на личностных качествах, и в объективной полезности обществу, мотивационном принципе, обусловленном взаимосвязью личности и общества. Автор объединяет социальную составляющую аксиологического подхода с педагогической, с образовательным процессом и полагает лидерство условием эффективной коммуникации между субъектом и объектом управления.

Ключевые слова: молодежное лидерство, молодежная среда, лидерский потенциал, харизма, коммуникация, аксиологический подход, управленческая деятельность, личность, общество, ценности, молодежная политика.

Youth Leadership in Management Activities: Axiological Aspects

I.M. Filippov

Moscow Region State University

filivanmih@yandex.ru

The author considers the process of activation of leadership potential, universal and branch features of formation of youth leaders. The role of external and internal factors in the construction of youth leadership environment is defined. The value aspects of the phenomenon of leadership are distinguished in the life style, subjective way of behavior, based on personal qualities, and in objective usefulness to the society, motivational principle, conditioned by the interrelation of personality and society. The author combines the social component of the axiological approach with the pedagogical one, with the educational process and believes leadership to be a condition of effective communication between the subject and the object of management.

Keywords: youth leadership, youth environment, leadership potential, charisma, communication, axiological approach, management activities, personality, society, values, youth policy.

Сегодня лидерство может рассматриваться только на основе междисциплинарного подхода с учетом его многоаспектности, многогранности. Интерес к этому социальному феномену поддерживается на протяжении веков и не утрачивается на современном этапе. В первой половине XX века управление стало научной дисциплиной, а личностные качества наиболее эффективных руководителей — объектом изучения. Исследователи 1930—1950-х гг. наиболее глубоко изучили феномен лидерства, поскольку ставили целью детальный анализ личных качеств эффективных лидеров, отвечающих философии управления. Лидерские модели отечественных и зарубежных ученых позволяют использовать те или иные паттерны поведения руководителя в зависимости от ситуаций и мотиваций, принимая во внимание особенности современного общества.

Общество сегодня стремительно «молодеет»: молодежную стилистику перенимают многие сферы — от повседневных коммуникаций до большой политики, молодые люди фактически становятся объектами воздействия и субъектами динамики большинства конкурирующих трендов. Поэтому мощный ресурс для понимания механизма лидерства составляет теория и история культуры. Богатая на события и явления история XX века способствовала интересу к феномену лидерства в молодежной среде.

В столкновении мировоззренческих картин представителей разных поколений молодое поколение выступило катализатором общественных перемен, главным образом в области социальных отношений и культурных инноваций. Это означает, что изучение молодежной политики позволяет отслеживать тенденции развития государства и социума в целом. Анализ молодежной политики определяет векторы и перспективы развития молодого поколения в актуальном социокультурном контексте. Моделирование работы с молодежью предполагает высокий уровень социальной коммуникации,

возможность указывать новому поколению на перспективы роста и саморазвития в различных сферах жизни. Изменение молодежных предпочтений, увлечений и формирование мировоззренческих установок, — все это отвечает тенденциям развития многих сфер государственной деятельности, в частности законодательной сферы.

В связи с созданием правовой базы молодежной политики — «Стратегия развития молодежи Российской Федерации до 2025 г.» и Федеральный закон «О Молодежной политике в Российской Федерации» — методология изучения лидерства расширяется. Главная цель этих документов — становление молодого поколения как ведущей силы в укреплении и развитии нашего государства. Сложность и ответственность позиции молодежного лидера сегодня обусловлена следующими трендами:

- 1) активный отклик на социальную несправедливость;
- 2) острая потребность в самовыражении;
- 3) активное реагирование на инновации;
- 4) жажда регулярного получения новых знаний и саморазвития.

Лидеру конкретного социального звена необходимо иметь характеристики личности, способной руководить социальными отношениями и быть авторитетной в этом звене. Задачи, которые предстоит решать молодому поколению, являются, в определенной мере, вызовами молодежному лидеру, требуя от него высокой степени работоспособности, самодисциплины и даже харизматичности

По данным социологических исследований [1; 3; 5], преуспевающими себя считают немногие, процент участников опроса небольшой, однако большинство респондентов видят себя вполне адаптированными к актуальным жизненным условиям, т.е. ощущают себя в достаточно комфортной среде. Многие молодые люди воспринимают текущие сложности как преходящие и видят положительную динамику и перспективы.

Другая часть респондентов считает, что в непростых условиях можно работать над улучшением будущего. Выделяется мнение молодежной группы меньшей численности, которая расценивает актуальную ситуацию минорно: не видит дальнейших положительных возможностей и перспектив.

Структурное понимание специфики лидерских процессов, ситуаций и отношений в молодежной среде необходимо для построения стратегий работы с молодым поколением и позволяет выявить основные тренды. Несомненно, ключевым является рассмотрение положительных фактов лидерства по критериям: достижения состоявшегося лидера, какие конкретные заслуги к этому привели; причины общественного признания, например, создание принципиально новых субкультурных групп и стилей [1, с. 260]. Рассмотрим универсальные и отраслевые особенности становления молодежных лидеров и их личностные качества. Для понимания универсальных особенностей важны общие тенденции и динамика, для понимания отраслевых особенностей — тренды профессиональной самореализации молодых людей в разных сферах деятельности.

В актуальном социально-политическом контексте молодежный лидер — это человек, оперативно реагирующий на изменения в социуме в целом, сохраняющий достоинство в сложных обстоятельствах, находящийся в постоянном диалоге со своими последователями. Трудность социально-политических исследований заключается в сравнении современного поколения с предыдущим, в выборе критериев оценки их действий и в скептическом отношении к молодежи. Поскольку существенным направлением работы с молодежью сегодня является внедрение программ для развития лидерства, важнейший индикатор социального самочувствия молодежи — ориентация на успех — стал определяющим в исследовании лидерства.

Предметом философских, психологических, социологических и политологических исследований являются способы развития лидерских качеств личности. Результаты исследований позволили сделать вывод о важности роли внеучебной общественной работы в формировании лидерства [1; 3; 5]. Таким образом, в наиболее общей трактовке лидер определяется как социально активная личность. Выделим направления подготовки активной личности в молодежном сообществе. Потенциальный лидер должен прислушиваться к мнению окружающих, обладать развитым эмоциональным интеллектом. С этой целью, во-первых, личности прививается чувство гражданской ответственности, воспитывается потребность во взаимопомощи и культура волонтерской деятельности; во-вторых, молодые люди вовлекаются в общественно-политическую жизнь. Следовательно, подготовка сочетает и образовательную, и воспитательную функции одновременно. При этом важной задачей является формирование положительного образа личности лидера, что достигается путем создания положительного *Я*: лидеру следует принять свою уникальность и раскрыть индивидуальный потенциал.

Рождение лидера должно происходить в особой социальной среде, где создана атмосфера, благоприятная для созидания и коммуникации. В межличностном взаимодействии в такой среде проявляются качества потенциального лидера, его харизма, инициативность. Интерес к активной жизненной позиции взращивает образовательная среда, она дает молодым людям различные возможности для проявления их талантов и дарований. Речь идет о внеучебной деятельности, это могут быть различные спортивные секции, творческие кружки, волонтерская работа и многое другое из части факультативных дисциплин, что обеспечивает молодежи насыщенную и развивающую жизнь. Качества лидера, актуальные в любой сфере деятельности, это — жизнелюбие и внутренняя сила (благодаря ей цели достигаются наиболее

эффективно), а также тяга к совершенствованию себя и мира. Кроме того, для руководителя крайне важно быть талантливым оратором и мотивировать людей, поддерживать энтузиазм, побуждать к активным действиям. Поэтому справедливо рассматривать лидерство как условие эффективной коммуникации между субъектом и объектом управления. С этой точки зрения молодежное лидерство предполагает высокую степень эмпатии, умение налаживать связи между разными коллективами, оказывать влияние на большую группу людей. Более того, современные каналы коммуникации требуют успешного владения цифровыми средствами общения с молодежью непосредственно при контакте и в медиапространстве [2: 134]. Добавим к перечисленным характеристикам ценностный стандарт: действовать во имя общего блага, руководствуясь таким образом правовой моделью, нравственно здоровыми ценностями.

Поддержка государства на федеральном и региональном уровне заключается в содействии молодежным лидерам в плане перспектив личностного, карьерного роста и развития. В реализации молодежной политики современной России участвуют активисты, которые уже заявили о себе, т. е. собрали эффективную команду последователей, нацеленную на совместную социально полезную деятельность. Подобный опыт дает знания, умения и навыки, которые будут способствовать дальнейшему продвижению активиста в различных сферах жизни.

Появление лидера в молодежном объединении — явление спонтанное, но неизбежное в механизме функционирования группы. Лидерство становится не только социальной ролью для активиста, но и образом жизни. Поясним это утверждение. Лидер молодежной группы формируется под воздействием двух факторов — объективного и субъективного. Согласно объективному фактору, лидер является самым полезным и значимым для сообщества человеком. Субъективный же

фактор определяется незаменимыми качествами личности, не только ценными для данного сообщества, но и необходимыми в индивидуальной жизни. Образ жизни наиболее решительных, волевых, жизнелюбивых людей обусловлен умением вести за собой последователей, быть инициатором совместной, групповой активности и направлен на реализацию этих способностей. Поскольку современному обществу остро необходимы такие специалисты, молодежная политика государства призвана решать задачу поиска лидеров среди активистов, умеющих работать в команде, проявлять инициативу и продуктивно реагировать на различные ситуации, в том числе нестандартные. Обратим внимание на то, что стремление к совершенству, жажда действовать, изменять свою жизнь и жизнь социума присущи многим, однако именно лидеру удастся реализовывать эти стремления и эффективно достигать поставленных целей [20; 21].

Перед аксиологией сегодня стоит задача заполнить лакуну между потребностью в социально-философских знаниях о молодежном лидерстве в управленческой деятельности и отсутствием достаточных для этого теоретических разработок, поскольку необходимо найти методы социальной легитимации молодежного лидерства на уровне государственного и муниципального управления [22; 23]. Эта проблема приобретает особую важность на современном этапе развития общества, так как возрастает социальная нагрузка на молодежь, что обусловлено и демографической ситуацией, и официальным увеличением возрастной категории молодежи до 35 лет, и вызовами современности. Мобильность, инициативность, способность генерировать и воспринимать новации — все это составляет потенциал развития, носителем которого выступает молодежь, и делает молодежь стратегическим ресурсом страны. Чтобы эффективно задействовать этот ресурс в укреплении позиции России в мире, ее конкурентоспособности, а также в обеспечении качества жизни российских граждан,

необходимо разработать целенаправленную систему активизации лидерского потенциала. Обозначим умения и навыки, которым должна научить молодого человека такая система: проявлять, развивать базовые лидерские качества и грамотно применять свой лидерский потенциал; совершенствовать навык харизматического влияния, владеть принципами гибкости, основными технологиями самомотивации и управления [3, с. 54—58]. Таким образом, процесс активизации лидерского потенциала заключается в социальном конструировании среды лидерства и учитывает, на наш взгляд, два главных условия: готовность общества, группы или ее членов работать с лидером и стремление, желание молодого человека быть лидером.

Рассмотрим внешние и внутренние факторы, от которых зависит конструирование лидерской среды. С одной стороны, это характеристики социума, в котором растет лидер. Стремительный темп развития многих сфер жизни и, как следствие, нестабильность требует от молодых людей таких навыков, как: строгая дисциплина и самоконтроль, продуктивное распределение сил и времени, самосовершенствование, креативное решение проблем [6; 7; 8]. С другой стороны, это биологическая природа человека, индивидуальные психологические особенности, которые активизируются только в группе. Поэтому вне деятельности, вне общения развитие лидерства как формы общественной активности личности невозможно [15; 16]. Не только личностные качества, темперамент, психотип формируют лидера, но и социальные условия, наличие возможности самопрезентации и реализации потенциала личности — в коммуникации, в общественном взаимодействии [9; 10; 11].

Аксиологический подход к развитию молодежного лидерства можно считать комплексным, поскольку он объединяет в себе педагогическую и психологическую составляющие с социальной. Ценностная составляющая феномена лидерства помимо поведения и личностных установок включает

роль молодежи в формировании гражданского общества. Докажем полезность для общества категории граждан до 35 лет. Именно данная социально-демографическая группа активно резонирует на общественно-политические события, поскольку имеет следующие отличительные особенности: высокий уровень социальной динамики и мобильности; восприимчивость к инновациям и новым технологиям; высокий лидерский потенциал и социальная активность. Способность к самоорганизации при объединении в сообщества современных молодежных групп довольно высокая, что достаточно ценно для реализации молодежной политики и в региональном, и в федеральном масштабе [4, с. 365—371].

Безусловно, педагогическая составляющая аксиологического подхода связана с образовательным процессом, а именно с комплексным решением актуальных вопросов: как использовать лидерские качества в процессе обучения; как помочь правильно распределить обязанности между участниками корпоративных отношений, учитывая особенности раскрытия потенциала личности в молодежной группе, а также индивидуальные психологические особенности активной личности. Эти вопросы продиктованы задачей государства помогать молодежи развивать в себе лидерские черты, детерминирующие успешную взрослую жизнь [12; 13; 14]. Рассмотрим особенности раскрытия лидерского потенциала в молодежной группе. Во-первых, предстоит не только найти в коллективе личность с таким потенциалом, но и направить энергию лидера в созидательное русло, т.е. нивелировать антиценностный потенциал. Во-вторых, не менее важно работать над раскрытием потенциала у нерешительных подростков, над активизацией их личностных качеств [5, с. 8—19]. В-третьих, в каждом молодежном коллективе можно выделить тех, кто имеет талант организации культурно-массовых мероприятий, однако способности лидера носят универсальный характер: это талант добиваться результатов в различной деятельности

и реализовывать планы, соответствующие разным задачам молодежной группы [17; 18; 19]. В связи с этим при исследовании молодежного лидерства в управленческой деятельности следует обратить внимание на следующий потенциал личности: активность, высокие коммуникативные навыки, здоровая самооценка, открытость инновациям, спокойное и быстрое реагирование на неоднозначные ситуации, в том числе внештатные.

Подводя итог, считаем необходимым отметить, что определение особенностей сознания и формирования поведения молодежной группы, управляемого лидером, сегодня являются основной целью образовательного процесса, построенного на аксиологической базе: ценность отношений и способов поведения, соразмерность поведения с общественным мнением, нравственная оправданность жизни, сравнение значимости действий с потребностью социума, детерминирование мотивации действий личным и общественным благом.

Литература

1. **Пономарев А. В.** Тренды молодежной политики в зеркале социальных наук и технологий: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 260 с.
2. **Филиппов И. М.** Проблемы развития лидерского потенциала на региональном уровне // Коммуникология. 2021. Т. 9. №1. С. 127—137.
3. **Котрухова Р. И.** Эффективное лидерство и развитие лидерского потенциала современной молодежи // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №14(152). С. 54—58.
4. **Филиппов И. М.** Проблема лидерства в государственно-ориентированной молодежной среде // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов Четвертой Международной научной конференции / Под общ. ред. Г. В. Бариновой, Л. В. Блонского, С. Н. Климова. М., 2020. С. 365—371.
5. **Махина Т. В.** Особенности использования социально-психологического тренинга в целях развития лидерских качеств студентов — будущих менеджеров: автореф. дисс. ... канд. психол. н. Москва, 2003. 21 с.
6. **Бондарева Я. В.** Единство веры и знания как базовый гносеологический принцип русской религиозной философии середины XIX — первой половины XX веков (*статья вторая*) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 1. С. 23—27.
7. **Бондарева Я. В.** Развитие принципа синергии в учениях о преобразовании человеческого бытия (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2013. № 2. С. 5—10.
8. **Бондарева Я. В.** Методологические традиции всеединства и православного энергетизма в поисках онтологической целостности (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2011. № 3. С. 16—21.
9. **Бондарева Я. В.** Отечественная религиозно-философская антропология: антиномия свободы и детерминизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 1. С. 47—53.
10. **Бондарева Я. В., Устинов О. А.** Религиозно-философская антропологическая парадигма в русской философии XIX — начала XX века: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 159—171.
11. **Бондарева Я. В., Фурсова В. Э.** Идея синергии как основа антропологии целостности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 2. С. 63—69.
12. **Бондарева Я. В.** Антропологические основы русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 75—82.
13. **Бондарева Я. В.** Мировоззренческие основы научного познания // Молодой исследователь:

вызовы, поиски и перспективы развития российского образования: сборник материалов XX Международной научно-практической конференции аспирантов и молодых исследователей. 2017. С. 22—28.

14. **Бондарева Я.В.** Единство веры и знания как базовый гносеологический принцип русской религиозной философии XI — середины XIX веков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 1. С. 19—22.

15. **Горбунов А.С.** Проблема суверенитета личности в обществе массовой коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 1. С. 40—46.

16. **Горбунов А.С.** Деформация личностного бытия в информационном массовом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 28—36.

17. **Горбунов А.С.** Государственные и политические институты в обществе массовой коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 2. С. 30—37.

18. **Горбунов А.С.** Проблема делегитимации средств массовой коммуникации в общественном сознании // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3. С. 48—56.

19. **Горбунов А.С.** Информация как содержательная основа воздействий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2006. № 1. С. 54—60.

20. **Буренков С.В.** Феномен неотчужденного труда: автореф. дисс. ... канд. филос. н. Москва, 2017. 22 с.

21. **Буренков С.В.** Поиск области позитивной эвристики феномена идеологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2012. № 3. С. 28—34.

22. **Ракитянский Н.М., Колесниченко Ю.В.** Потенциал русской философско-психологической школы и методология портретирования личности политика // Вестник Московского уни-

верситета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 6. С. 7—30.

23. **Колесниченко Ю.В.** Опыт евразийства: тема личности в отечественной философии // Вестник Московского университета. Серия 12: Социально-политические исследования. 1994. № 1. С. 71—78.

Поступила 17.05.2021

Филиппов Иван Михайлович — аспирант, Московский государственный областной университет, помощник Главы Чувашской Республики, г. Чебоксары, filivanmih@yandex.ru

References

1. Ponomarev A. V. Trendy molodezhnoj politiki v zerkale social'nyh nauk i tehnologij: monografija. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. 260 c.

2. Filippov I.M. Problemy razvitiya liderskogo potenciala na regional'nom urovne // Kommunikologija. 2021. T. 9. №1. С. 127—137.

3. Kotruhova R.I. Jeffektivnoe liderstvo i razvitie liderskogo potenciala sovremennoj molodezhi // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. №14(152). S. 54—58.

4. Filippov I.M. Problema liderstva v gosudarstvenno-orientirovannoj molodjozhnoj srede // Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovanija rossijskogo obshhestva: sbornik trudov Chetvertoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / Pod obshh. red. G.V. Barinovo, L.V. Blonskogo, S.N. Klimova. M., 2020. S. 365—371.

5. Mahina T.V. Osobennosti ispol'zovanija social'no-psihologicheskogo treninga v celjah razvitiya liderskih kachestv studentov — budushhih menedzherov: avtoref. diss. ... kand. psihol. n. Moskva, 2003. 21 s.

6. Bondareva Ja.V. Edinstvo very i znaniya kak bazovyj gnoseologicheskij princip russkoj religioznoj filosofii serediny XIX — pervoj poloviny XX vekov (stat'ja vtoraja) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2010. № 1. S. 23—27.

7. Bondareva Ja.V. Razvitie principa sinergii v uchenijah o preobrazovanii chelovecheskogo bytija (k voprosu o metodologicheskikh osnovanijah russkoj

religioznoj filosofii) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2013. № 2. S. 5—10.

8. Bondareva Ja.V. Metodologicheskie tradicii vseedinstva i pravoslavnogo jenergetizma v poiskah ontologicheskoy celostnosti (k voprosu o metodologicheskikh osnovaniyah russkoj religioznoj filosofii) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2011. № 3. S. 16—21.

9. Bondareva Ja.V. Otechestvennaja religiozno-filosofskaja antropologija: antinomija svobody i determinizma // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2014. № 1. S. 47—53.

10. Bondareva Ja.V., Ustinov O.A. Religiozno-filosofskaja antropologicheskaja paradigma v russkoj filosofii XIX — nachala XX veka: istoriko-filosofskij analiz // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. 2017. № 4. S. 159—171.

11. Bondareva Ja.V., Fursova V.Je. Ideja sinergii kak osnova antropologii celostnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2015. № 2. S. 63—69.

12. Bondareva Ja.V. Antropologicheskie osnovy russkoj religioznoj filosofii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2017. № 1. S. 75—82.

13. Bondareva Ja.V. Mirovozzrencheskie osnovy nauchnogo poznaniya // Molodoj issledovatel': vyzovy, poiski i perspektivy razvitiya rossijskogo obrazovaniya: sbornik materialov XX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii aspirantov i molodyh issledovatelej. 2017. S. 22—28.

14. Bondareva Ja.V. Edinstvo very i znaniya kak bazovyy gnoseologicheskij princip russkoj religioznoj filosofii XI — serediny XIX vekov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2010. № 1. S. 19—22.

15. Gorbunov A.S. Problema suvereniteta lichnosti v obshhestve massovoj kommunikacii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2015. № 1. S. 40—46.

16. Gorbunov A.S. Deformacija lichnostnogo bytiya v informacionnom massovom obshhestve // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo

universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2017. № 1. S. 28—36.

17. Gorbunov A.S. Gosudarstvennye i politicheskie instituty v obshhestve massovoj kommunikacii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2010. № 2. S. 30—37.

18. Gorbunov A.S. Problema delegitimacii sredstv massovoj kommunikacii v obshhestvennom soznanii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2018. № 3. S. 48—56.

19. Gorbunov A.S. Informacija kak soderzhatel'naja osnova vozdeystvij // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2006. № 1. S. 54—60.

20. Burenkov S.V. Fenomen neotchuzhdenennogo truda: avtoref. diss. ... kand. filos. n. Moskva, 2017. 22 s.

21. Burenkov S.V. Poisk oblasti pozitivnoj jevristiki fenomena ideologii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2012. № 3. S. 28—34.

22. Rakitjanskij N.M., Kolesnichenko Ju.V. Potencial russkoj filosofsko-psihologicheskoy shkoly i metodologija portretirovaniya lichnosti politika // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki. 2014. № 6. S. 7—30.

23. Kolesnichenko Ju.V. Opyt evrazijskogo temy lichnosti v otechestvennoj filosofii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Social'no-politicheskie issledovaniya. 1994. № 1. S. 71—78.

Submitted 17.05.2021

Filippov Ivan M., postgraduate student, Moscow Region State University, Assistant to the Head of the Chuvash Republic, Cheboksary, filivanmih@yandex.ru

Секст Эмпирик и Августин Блаженный: к вопросу о генезисе средневековой концепции природы зла

А.А. Ковалев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

kovalev-aa@ranepa.ru

Рассмотрен генезис средневековой концепции зла на основе анализа и сравнения взглядов Августина Блаженного, как одного из основателей и величайшего представителя схоластики, и Секста Эмпирика, как видного представителя скептицизма, воззрения которого плодотворно были использованы христианскими теологами в виде совокупности представлений, подлежащих обоснованной критике. Отмечается, что Августин выработал свое понимание феномена зла и собственную теодицею, опровергая взгляды Секста Эмпирика и мыслителей, работавших в схожих интеллектуальных традициях. Доводы скептиков заслуживают внимания и по сей день, представляя собой фундамент для интеллектуального оправдания деизма и атеизма.

Ключевые слова: зло, добро, Августин Блаженный, Секст Эмпирик, теодицея, религиозная философия.

Sextus Empiricus and Aurelius Augustinus: on the genesis of the medieval concept of the nature of evil

A.A. Kovalev

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

kovalev-aa@ranepa.ru

The purpose of the article is to study the genesis of the medieval concept of evil, for which the analysis and comparison of the views of Augustine the Blessed as one of the founders and the greatest representative of scholasticism and Sextus Empiricus as a prominent representative of skepticism, whose views have been fruitfully used by Christian theologians as a set of ideas subject to reasonable criticism, have been carried out. Augustine substantiated his understanding of the phenomenon of evil and his own theodicy, refuting the views of Sextus Empiricus and thinkers who had worked in similar intellectual traditions. The skeptics' arguments deserve attention to this day, providing the foundation for the intellectual justification of deism and atheism.

Keywords: Evil, good, Augustine the Blessed, Sextus Empiricus, theodicy, religious philosophy.

За последние десятилетия человечество пережило несколько экономических, социокультурных и экзистенциальных кризисов, которые охватили все народы и государства. Обострились противоречия между цивилизациями, государствами и религиозными конфессиями, мировая экономика находится в лихорадочном состоянии, а экологический кризис перерастает в состояние глобальной экологической катастрофы. Все это не может не актуализировать размышления о причинах того поистине всеобъемлющего зла, которым оказался охвачен современный мир.

Проблема зла нередко привлекала к себе внимание историков, культурологов, социологов, но, прежде всего, философов и историков философии. Но следует отметить, что специальных исследований, посвященных пониманию феномена зла в средневековой философии, не так уж много. Как правило, понимание и различные трактовки зла рассматривались в совокупном изложении взглядов средневековых мыслителей. За прошедшие три десятилетия феномен зла исследовался в работах отечественных и зарубежных ученых, таких, как Д. Антисере и Д. Реале [1], П.А. Горохов [2], В.Т. Звиревич [3], Л.Н. Коган [4], Ларс Свендсен [5], М.Е. Соболева [6], В.В. Соколов [7].

Тем не менее, следует констатировать, что имеется очень мало работ, посвященных сравнению взглядов мыслителей Средневековья на природу зла с идеями, высказанными в античной философии. Несмотря на то, что о концепции зла Августина писали довольно много, как отечественные [8; 9], так и особенно зарубежные ученые [10; 11; 12; 13; 14], да и Секст Эмпирик не был обойден вниманием исследователей [15; 16; 17], сравнения взглядов этих мыслителей на природу зла не предпринималось доселе в отечественной научной литературе.

Цель этой статьи — рассмотреть генезис средневековой концепции зла, обратившись к сравнению взглядов Августина Блажен-

ного как одного из основателей и величайшего представителя схоластики и видного представителя скептицизма Секста Эмпирика, воззрения которого плодотворно были использованы христианскими теологами именно как совокупность представлений и тезисов, подлежащих обоснованной критике. Ведь сама суть скептицизма как философского мировоззрения прекрасно и образно выразил сам Секст Эмпирик, когда писал следующее: «Скептическая позиция проста и очевидна. Представьте себе, что в доме, в котором находится много драгоценностей, многие ищут золото ночью; каждый думал бы, что нашел золото, но не знал бы этого наверное, хотя бы и действительно нашел его. Точно так же философия вступает в этот мир, как в большой дом, чтобы искать истину; если бы даже они и нашли ее, то они все же не могли бы знать, достигли или они ее» [18].

Философские раздумья о зле достигли вершин теоретического расцвета в Средние века. Святой Августин Блаженный (354—430 гг.), епископ Гиппонский, отверг идею о том, что Бог оставил нас во вселенной, где все наполнено злом, и предложил альтернативное объяснение: сам человек, а не Бог, является источником зла [19]. Это противоречит стоической концепции Сенеки о судьбе и провидении и является самым очевидным признанием свободы воли человека. На протяжении веков теологи стремились объяснить наличие зла в мире, пытаясь примирить его присутствие с существованием всемогущего и благожелательного к людям Бога. Августин часто высказывал мысль, что окружающий человека мир не был бы так прекрасен, если бы добро в мире не существовало в вечном противоборстве со злом. Особенно ярко эту идею он выразил в трактате «О граде божьем», написанном в 410 году, когда полчища короля вестготов Алариха разграбили Рим. Августин патетически вопрошал: «Кто в состоянии исчислить, кто в силах взвесить, скольким и каким злом переполнено общество человеческое?» [20].

Объясняя концепцию Августина, Майлз Холлингворт (Miles Hollingworth) пишет: «Существует парадокс о наличии зла в мире, по крайней мере, такой парадокс есть, если вы верите в Бога как адепт какой-либо традиционной монотеистической религии. Если Бог (а) знает о зле своим всеведением, (б) имеет силу предотвратить его своим всемогуществом, и (в) благожелателен и справедлив и поэтому устроил все так, чтобы избежать зла везде, где он может (что в силу (а) и (б) означает, что он будет избегать его везде), то это выглядит так, как будто в мире не может быть зла. Оно может быть успешно предотвращено силой, достаточно мощной, чтобы сделать это. Бог обладает всеми этими свойствами, но, несмотря на это, в мире есть зло» [21]. Если, пытаясь объяснить проблему зла, кто-то отрицает любовь Бога, он поднимает вопрос о деизме как теологической концепции, то есть убеждении, что Бог, создав вселенную и человека, перестал интересоваться всем, происходящим на земле. Такого рода своеобразный абсентеизм высшей силы осмысливался многими мыслителями, которые задавались главным вопросом: почему Бог создал Вселенную, но после ее сотворения он оставил свое творение, бросив нас на произвол судьбы? Таким образом, концепция деизма объясняет существование зла отрицанием Божьей милости и непосредственно выходит на проблему теодицеи.

Святой Августин с присущей ему страстностью и убедительностью отрицает это предположение о равнодушии Бога. Его анализ проблемы зла базируется на отказе от негативных характеристик Бога. Но Августин не отрицает и наличие зла как в мире, так и в человеческой душе. Мыслитель принял как веру в существование зла, так и все три характеристики Бога. Поэтому, чтобы объединить и то, и другое, Блаженный Августин должен был найти объяснение для существования зла, которое не компрометировало бы Бога. Августин нашел альтернативу в свободной воле человека. Человек имел возмож-

ность осуществлять свою свободу, руководствуясь собственной волей, и Бог, будучи благожелательным существом, наполненным добром и любовью, не мог ограничить свободу человека, дав ему свободу выбора.

Фундаментальное объяснение этой изначальной порочности человека проистекает из совершенного первыми людьми первородного греха. Первородный грех произошел, когда, согласно библейскому тексту, Адам и Ева нарушили Божью заповедь не вкушать от Древа Познания Добра и зла. Совершив это преступление, они осознали, что их глаза открылись не только знаниям, но и всему злу этого мира. Первые люди и их потомки поняли, что могут поступать так, как им заблагорассудится. Но, нарушив Закон Божий, они были наказаны, изгнаны из Эдемского сада и были вынуждены сами заботиться о себе.

Августин рассуждает о природе человеческой воли в связи с Божественной силой и последствиями первородного греха, говоря: «первый злой акт воли, предшествовавший всем злым делам в человеке, был скорее отпадением от дела Божьего; и эти дела были злыми, потому что они следовали человеческой, а не Божьей воле. Таким образом, сам человек, поскольку он обладал злой волей, был злым деревом, как бы приносившим злые плоды, которые представляли его поступки» [19]. Августин утверждает, что именно слабость воли человека и дарованная ему свобода проявлять эту волю привели к распространению зла. Так как Августин не отрицает существования зла, а признает, что Бог есть Творец вселенной, и зло существует во вселенной, то его рассказ о свободе воли человека дает объяснение того, как существует зло и почему его существование не может быть приписано Богу.

Осуществляя свое стремление к свободе, человек может следовать своей собственной воле, а не воле Бога. Вкусив от древа познания добра и зла, человек познал непослушание, тление и смерть. Полученная им способность знать «добро и зло» — прямой результат его непослушания. Змей не даром соблазнял

первых людей отведают запретные плоды: «Нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» [22]. Таким образом, не повинаясь воле Божией, человек поставил на первое место свою собственную волю. Воля человека, однако, часто неспособна правильно различать примеры добра и зла и поэтому склонна к распространению зла по всему миру. Августин пишет: «глаза обоих, как нам говорят, были открыты, но не для того, чтобы они могли видеть, поскольку они уже могли видеть, но чтобы они могли различать добро, которое они потеряли, и зло, в которое они впали. Это также объясняет, почему само дерево, которое должно было позволить им сделать такое различие, если они возложили на него руки, чтобы съесть его плод, несмотря на запрет, было названо по этому случившемуся факту и названо именно деревом познания добра и зла» [23].

Однако истинная природа человека состоит в том, чтобы повиноваться воле Бога. Грехопадение было случайным событием, в котором люди решили не повиноваться своему Создателю. Тем не менее, даже праведники будут вынуждены нести страдания вследствие первородного греха. Августин пишет: «[зло] никогда не существовало бы нигде, если бы наша природа все еще оставалась прямой, как она была создана. Отсюда и этот наш конфликт, от которого зависит наше спасение и в котором мы желаем окончательно победить, является одним из зол этой жизни» [24].

Итальянский священник, историк и религиозный философ Эрнесто Буонайути (1881—1946 гг.) (Ernesto Buonaiuti) и богослов, видный исследователь Средневековья Джоржо Ла Пиана (Giorgio La Piana) (1879—1971 гг.) обсуждали в своих работах интерпретацию зла Августином в терминах его описания первородного греха и его строгих принципов предопределения [25]. Хотя это не часто отмечается, но Августин утверждал

в трактате *De libero Arbitrio* (О свободе воли), что первоначальная субстанция Адама и Евы и Эдемского сада была одной из «эфирных субстанций» [26]. Затем Эрнесто Буонайути и Джоржо Ла Пиана утверждают, что, согласно библейским толкованиям, тела Адама и Евы по воле Бога стали физическими, материальными, то есть последовало наказание за грех — неизбежная смерть. Смерть — это разложение физической субстанции. Эфирная субстанция была бы лишена свойства делимости и распада и, следовательно, не обладала бы способностью умирать. Приобретая способность познавать, человек лишился бессмертия [27].

В связи с августиновской концепцией эфирных субстанций возникает онтологический вопрос, который до сих пор еще не был решен: требует ли онтология зла физического, материального воплощения? Августин утверждает, что это так. Совершенно очевидно, что современные философы могут причислять себя к идеалистам или материалистам. Те, кто признают существование зла, безусловно, могут быть найдены в обоих лагерях. Таким образом, в августиновском смысле возникает вопрос о природе зла и его конкретном воплощении. Идеалист может утверждать существование зла, но отрицать возможность и необходимость его материального воплощения, а материалист может также признавать существование зла и верить в то, что зло всегда материально и осязаемо.

Святой Августин также столкнулся с проблемами, связанными с различиями внутри римского католицизма, включая манихейские и пелагианские трактовки и теоретические интерпретации Евангелия. Британский философ Джиллиан Эванс из Кембриджа, специализирующаяся на изучении духовной атмосферы Средневековья, прекрасно оценивает эти духовные поиски и споры, когда пишет: «Пелагианцы считали похоть плоти естественным благом; манихеи думают, что она была злом от вечности; католики ведут

отсчет существования зла в плоти с грехопадения Адама. Пелагианец говорит, что даже злой человек может творить добро по своей воле; манихеи отрицают, что зло берет свое начало от свободной воли человека; католики утверждают, что каждый человек является источником своего собственного зла» [28].

Отметим, что доводы манихеев некогда произвели должное впечатление на Августина. Манихейство утверждало принципиальное равенство добра и зла как двух вечных начал природы и именно в плоти усматривало основной источник зла. Живший в III веке перс Мани отстаивал довольно резкую форму материализма и был сторонником рационалистического подхода к рассмотрению окружающего мира. В труде «О ересях» Августин писал: «Манихеи утверждают существование двух начал, во всем различных и противоположных, но в то же время вечных и взаимосвязанных, неразделимых... эти две субстанции — в вечной борьбе и смешении» [1, с. 454].

Тем не менее, уже в 383—384 гг. Августин окончательно отдаляется от манихейства и после тщательного изучения сочинений неоплатоников приходит к идее нереальности зла. Считается, что в этом большое влияние на него оказал миланский епископ Амвросий. У Августина окончательно формируется представление о том, что зло отнюдь не особая субстанция, но лишь отсутствие добра. Зло само по себе — это ничто. Поэтому оно представляет собой противоположность бытия. Зло отходит от бытия и устремляется в ничто. Эту идею Августина впоследствии восприняла схоластическая философия, которая трактовала зло просто как «недостаточность бытия» [23]. Как отмечает Джиллиан Эванс, понятие зла и влияние, которое оно оказывает на жизнь адепта той или иной церкви, раскрывается совершенно по-разному [29]. Для пелагианцев сексуальное удовольствие — естественное благо, а для манихеев — естественное зло. Католики находят существо-

вание зла в осуществлении воли человека как носителя морали, тогда как манихеи отрицают это утверждение. Эти аргументы зачастую регрессируют в нравственный релятивизм, который имеет негативные этические и аксиологические последствия. Споры о зле велись по поводу конкретного проявления и распространения зла, а не просто из попытки увязать существование зла с характеристиками Бога. Эти споры, по крайней мере, показывают, что понятие зла представляло интерес даже в рамках чисто теологического дискурса.

В своей «Исповеди» Августин весьма логично обращается к аргументам целостности, отсутствия (зло как отсутствие добра) и свободной воли, но не всегда четко разграничивает эти доводы. Рассматривая зло как простое отсутствие блага, мыслитель не приписывал этому феномену ни свойства сущности, ни свойства реальности [19]. Разумеется, Августин не считал материю злом, ибо природа не может быть источником зла. Августин опирался на богатый опыт, накопленный предшествующей философией, в том числе и на труды античных мудрецов — не только неоплатоников, но и представителей скептицизма. Различные философы в начале нашей эры пытались решить проблему зла, связывая его существование с разнообразными видами свободы. Одни предполагали, что мы свободны самостоятельно определять ход нашей жизни, другие утверждали обратное. Тем не менее, вера в то, что Бог относится к человечеству как к созидательной силе, делающей осмысленным существование людей на земле, противопоставлялась представлению о том, что люди изначально свободны. С одной стороны, существование зла и божественное провидение Бога для человечества, как отмечает Сенека, не согласуется с концепцией заботящегося о людях Бога. С другой стороны, существование зла обусловлено нашей свободой воли [30].

Древнегреческий врач и философ, представитель классического античного скептицизма

Секст Эмпирик, живший около 100 года до н.э. и продолживший развитие идей школы основателя школы скептиков Пиррона (360—275 гг. до н.э.), предложил один из первых аргументов для решения проблемы зла, который непосредственно оспаривал концепцию монотеистического Бога. Он утверждает, что зло становится проблемой, потому что возникает неспособность примирить очевидное существование зла с существованием Бога. Он утверждает, что Богу приписываются три характеристики, несовместимые со злом. Говорят, что Бог всемогущ, всеведущ и всеблаг. Если бы Бог был всемогущ, у него была бы сила предотвратить возникновение зла. Однако зло существует, что ставит под сомнение представление о том, что Бог всемогущ. Если бы Бог был всеведущим, он знал бы, что зло существует, и использовал бы это знание, чтобы предотвратить его возникновение. Поскольку зло существует, нас заставляют верить, что Бог не всеведущ. Наконец, если бы Бог был всеблагим, его любовь к нам побудила бы его предотвратить возникновение зла, но зло существует, что заставляет нас верить, что Бог не любит нас.

Выводы Секста Эмпирика бросают вызов основным верованиям христианства. Августин знал и прекрасно понимал это. Отвечая на аргументы Секста Эмпирика, он выдвигает свою стратегию теодицеи. Защищая существование Бога, некоторые отрицали существование зла и тем самым сохраняли благостные черты Бога. Другие предположили, что Бог не всемогущ, поскольку он создан законами природы, которыми даже он оказывается связан. Идея о том, что даже Бог не может сделать бывшее не бывшим, то есть повернуть время вспять и исправить зло, давно носилась в интеллектуальной атмосфере. Но все мало кто решался отрицать всеведение и всеблагость Бога.

В течение столетий после того, как Секст Эмпирик впервые представил свои аргументы, философы и теологи пытались разрешить фундаментальный конфликт между существованием зла и тремя характеристиками

благостного Бога. Попытка разрешить это противоречие не могла быть предпринята в контексте теологического объяснения проблемы зла. Необходимо было перенести анализ с проблемы зла на обсуждение самого понятия зла и его природы, обсуждение, которое могло быть полностью сформулировано в терминах философии. В своем описании феномена зла Секст Эмпирик пишет, что «всякий, кто утверждает, что Бог существует, либо говорит, что Бог заботится о вещах в космосе, либо что он этого не делает, и если он заботится, то это либо все вещи, либо некоторые. Итак, если бы он заботился обо всем, то не было бы никакого особенного зла и никакого зла вообще во вселенной; но догматики говорят, что все вокруг наполнено злом; поэтому не следует говорить, что Бог заботится обо всем. С другой стороны, если он заботится только о некоторых вещах, почему он заботится о них, а не о тех? Ибо либо он хочет, но не может, либо он может, но не хочет, либо он не хочет и не может» [31].

Дискуссия о зле в значительной степени перешла от изначально скромного требования жить уравновешенной и умеренной жизнью, поддерживаемого столь многими мыслителями, жившими до нашей эры, к прямому обвинению Бога в неспособности защитить человечество от зла окружающего мира. Дискуссия фактически перешла от анализа чистого понятия зла к анализу проблемы зла, причем первое объясняет концептуальную природу проявления зла в мире, а второе — то, как это проявление влияет на природу существования Бога как высшей силы во Вселенной. Понятие зла может быть сформулировано исключительно в светских терминах, тогда как проблема зла — это прежде всего теологическая дискуссия, связанная с оправданием Бога, с теодицеей.

Таким образом, в дискуссии о зле произошел драматический сдвиг: вместо того чтобы оплакивать жестокую природу страданий, которые мы должны нести; вместо того, чтобы называть смерть величайшим злом,

причиненным человечеству, язычник и скептик Секст Эмпирик обвиняет высшую силу в пренебрежении к своим творениям, прежде всего — к человеку. Мы были брошены на произвол судьбы или божественного провидения; Бог оставил нас во вселенной, где «все полно зла». Именно эти аргументы и оспорит через четыреста лет Августин.

Несмотря на скептицизм Секста Эмпирика и его выпады против Бога как отсутствующего божества, он действительно предлагает объяснение природы добра и зла: «если существует что-то хорошее по природе или что-то злое по природе, это должно быть общим для всех людей и добром или злом для всех. Ибо так же, как огонь, который согревает по присущей ему природе, согревает всех людей, и не согревает одних, но охлаждает других... «то, что хорошо по природе, должно быть хорошо для всех... но нет ничего доброго или злого общего для всех... поэтому не существует изначально ничего доброго или злого».

Рассуждения Секста Эмпирика о добре и зле опровергает возможность их самостоятельной природы, не зависящей от субъективного восприятия человека. Добро и зло оцениваются сквозь призму индивидуального человеческого восприятия. В отличие от капризности Божьей заботы или, как еще более убедительно сказано, ответственности Бога перед своим творением, которая не поддается никакой мыслимой логике, Секст обнаруживает самый строгий скептицизм в концептуализации природы добра и зла. Поскольку быть добрым или злым по своей природе означало бы способность универсализировать при любых обстоятельствах любую концепцию, а интерпретации этих фактов являются, возможно, субъективными вопросами, Секст предполагает, что невозможно обобщить природу добра и зла. Таким образом, заключает он, нет ничего, что было бы изначально добрым или злым.

Определения добра и зла — это сложные оценки, требующие не только моральных, но

и порой социальных и политических дефиниций. Кроме того, у всех людей есть тела, и эти тела либо здоровы, либо больны. Болезнь или недуг порождают страдания и несчастья, тогда как здоровье указывает на благополучие и способность процветать. Таким образом, на уровне воплощения добро и зло физически или чисто биологически универсальны. Наше физическое воплощение является необходимой чертой нашей человечности и духовной природы. Для объяснения зла необходимо также признать роль страдания. Телесная природа нашего существования часто служит необходимой основой, с помощью которой мы приходим к пониманию понятий добра и зла. Отметим, что употребление слова «природа» у Секста Эмпирика расплывчато. Можно утверждать, что попытка определить «природу» зла как существенный компонент понимания того, почему мы идентифицируем определенные события как зло, является бессмысленным и бесплодным занятием, поскольку определения зла зависят от природы события, а не от природы зла. В самом деле, можно было бы согласиться с Секстом Эмпириком в том, что зло не имеет природы, и все же показать условия, при которых его проявление дает суждение о том, что определенное событие есть зло.

Сама мысль о том, что можно доказать или опровергнуть существование зла, исходя из определения его природы, предполагает его существование — во всяком случае, такая мысль неизбежно напрашивается. Вопрос не в том, существует ли природа зла, а в том, можем ли мы определить условия, которые приводят к определению того, что определенное событие является злом. Зло, таким образом, не существует как понятие, природа которого может быть сформулирована на основе некоторого набора универсалий. Скорее, зло существует как эмпирическое явление нашей общей реальности, которое может быть логически оценено исходя из природы рассматриваемого события, а не

из природы самого зла. Обсуждение проблемы зла требует исторического контекста, в котором акцент был бы сделан на использовании свободной воли конкретным носителем морали, поскольку проблема зла неразрывно связана с осуществлением человеком своей свободы и знанием Бога о том, что такая свобода неизбежно приведет к существованию зла. Таким образом, поскольку предполагается свобода воли, должна также существовать ответственность за действия в соответствии с определенным моральным кодексом.

Итак, воздействие взглядов Секста Эмпирика на формирование теологической концепции Августина Блаженного очевидно. Августин выстроил свое понимание феномена зла и собственную теодицею, опровергая взгляды Секста Эмпирика и мыслителей, работавших в схожих интеллектуальных традициях. Доводы скептика Секста Эмпирика заслуживают внимание и по сей день, представляя собой фундамент для доказательного оправдания деизма, атеизма и прочих концепций, ставящих под сомнение если и не существование Бога, то, во всяком случае, Его действенное и благожелательное участие в судьбах вселенной и человечества.

Августин создал христианскую концепцию, оправдывающую Бога, которая оказала влияние на все попытки теодицеи в истории философии и богословии, вплоть до Готфрида Лейбница, ставшего создателем самого термина. Аргументы Августина до сих пор поддерживают верующих людей в трудных жизненных ситуациях. В наши дни проблема теодицеи вновь стала чрезвычайно актуальной не в последнюю очередь благодаря распространению эсхатологических настроений. Удастся ли человечеству преодолеть современный глобальный кризис, возродится ли вера в Бога или же окончательно восторжествует атеизм, — покажет ближайшее будущее.

Литература

1. *Антисере Д., Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Средневековье. СПб.: Издательство Пневма, 2003. 688 с.
2. *Горохов П.А., Южанинова Е.Р.* Философские представления о феномене зла в античной культуре // Философия и культура. 2020. № 10. С. 24—37.
3. *Звиревич В.Т.* Философия древнего мира и средних веков: учебное пособие по курсу истории философии. Екатеринбург: Деловая книга; М.: Академический проект, 2002. 348 с.
4. *Коган Л.Н.* Зло. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1992. 112 с.
5. *Свендсен Л.* Философия зла. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 352 с.
6. *Соболева М.Е.* Логика зла. СПб.: Владимир Даль, 2015. 320 с.
7. *Соколов В.В.* Средневековая философия. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 352 с.
8. *Столяров А.А.* Свобода воли как проблема европейского морального сознания. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. 208 с.
9. *Майоров Г.Г.* Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М.: Мысль, 1979.
10. *Берг Э.* Августин. Беспокойное сердце. М., 2003. 384 с.
11. *Анри М.* Св. Августин и августинизм. М.: Вестком, 1999. 208 с.
12. *Flasch K.* Augustin: Einführung in sein Denken. Stuttgart, 1980.
13. *Baumeister R.* Evil: Inside Human Violence and Cruelty. New York: Owl Book, 1999.
14. *Carsten C., Wilhelm S.-B.* Das Böse. Eine historische Phänomenologie des Unerklärlichen. Suhrkamp, Frankfurt am Main, 1993.
15. *Лега В.П.* Секст Эмпирик: скептицизм как образ жизни // Mathesis. Из истории античной науки и философии. М.: Наука, 1991. С. 210—218.
16. *Маслов Д.К.* Дискуссия о наличии догмы в учении Секста Эмпирика // Идеи и идеалы. 2017. Т. 2, № 2(32). С.30—41.

17. **Васильченко В.А.** Скептицизм и религиозная вера: к постановке проблемы // Научная мысль Кавказа, 2009. № 3(59). С. 70—87.

18. **Грицанов А.А.** Секст Эмпирик // Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ; Минск: Харвест; Современный литератор, 2001. 1312 с.

19. **Августин Аврелий.** Исповедь. М.: Канон+ : РООИ Реабилитация, 2003. 462 с.

20. **Августин Аврелий.** О граде Божьем. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/19_13 (дата обращения 08.03.2021).

21. **Hollingworth M.** Saint Augustine of Hippo: An Intellectual Biography. Oxford University Press, 2013. 312 p.

22. **Филарет.** Толкование на Книгу Бытия. М.: Рус. Хронограф, 2004. 702 с.

23. **Августин Аврелий.** Заповедь благого Учителя: по творениям блаженного Августина: [избранные высказывания]. М.: Благовест, 2011. 158 с.

24. **Августин Аврелий.** Христианская наука или Основания Священной Герменевтики и Церковного Красноречия: [сборник трудов и проповедей]. СПб: Библиополис, 2006. 508 с.

25. **Buonaiuti E.** Le origini dell'ascetismo cristiano. E-text, 2020. 146 p.

26. **Saint Augustine.** De Libero Arbitrio Voluntatis: St. Augustine on Free Will. 1947. 149 p.

27. **La Piana G.** Le rappresentazioni sacre nella letteratura bizantina. Variorum Reprints, 1971. 344 p.

28. **Evans G.R.** The History of Christian Europe. Lion Scholar, 2018. 232 p.

29. **Evans G.R.** Augustine on Evil. Cambridge University Press, 1990. 198 p.

30. **Сенека Л.А.** О милосердии: [сборник]. СПб: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018. 346 с.

31. **Секст Эмпирик.** Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1975.

32. **Аветисьян А.А.** Античные философы. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1955. 314 с.

Поступила 08.03.2021

Ковалев Андрей Андреевич — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43), kovalev-aa@ranepa.ru

References

1. Antisere D., Reale Dzh. Zapadnaja filosofija ot istokov do nashih dnei. Antichnost'. Srednevekov'e. SPb.: Izdatel'stvo Pnevma, 2003. 688 s.

2. Gorohov P.A., Juzhaninova E.R. Filosofskie predstavlenija o fenomene zla v antichnoj kul'ture // Filosofija i kul'tura. 2020. № 10. S. 24—37.

3. Zvirevich V.T. Filosofija drevnego mira i srednih vekov: uchebnoe posobie po kursu istorii filosofii. Ekaterinburg: Delovaja kniga; M.: Akademicheskij proekt, 2002. 348 s.

4. Kogan L.N. Zlo. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1992. 112 s.

5. Svendsen L. Filosofija zla. M.: Progress-Tadicija, 2008. 352 s.

6. Soboleva M.E. Logika zla. SPb.: Vladimir Dal', 2015. 320 s.

7. Sokolov V.V. Srednevekovaja filosofija. M.: Jeditorial URSS, 2001. 352 s.

8. Stoljarov A.A. Svoboda voli kak problema evropejskogo moral'nogo soznaniya. M.: Greko-latinskij kabinet Ju.A. Shichalina, 1999. 208 s.

9. Majorov G.G. Formirovanie srednevekovoj filosofii. Latinskaja patristika. M.: Mysl', 1979.

10. Berg Je. Avgustin. Bespokojnoe serdce. M., 2003. 384 s.

11. Anri M. Sv. Avgustin i avgustinizm. M.: Vestkom, 1999. 208 s.

12. Flasch K. Augustin: Einführung in sein Denken. Stuttgart, 1980.

13. Baumeister R. Evil: Inside Human Violence and Cruelty. New York: Owl Book, 1999.

14. Carsten C., Wilhelm S.-B. Das Böse. Eine historische Phänomenologie des Unerklärlichen. Suhrkamp, Frankfurt am Main, 1993.

Submitted 08.03.2021

15. Lega V.P. Sekst Jempirik: skepticizm kak obraz zhizni // Mathesis. Iz istorii antichnoj nauki i filosofii. M.: Nauka, 1991. S. 210—218.

16. Maslov D.K. Diskussija o nalichii dogmy v uchenii Seksta Jempirika // Idei i idealy. 2017. T. 2, № 2(32). S.30—41.

17. Vasil'chenko V.A. Skepticizm i religioznaja vera: k postanovke problemy // Nauchnaja mysl' Kavkaza, 2009. № 3(59). S. 70—87.

18. Gricanov A.A. Sekst Jempirik // Vsemirnaja jenciklopedija: Filosofija. M.: AST; Minsk: Harvest; Sovremennyy literator, 2001. 1312 s.

19. Avgustin Avrelij. Ispoved'. M.: Kanon+ : ROOI Reabilitacija, 2003. 462 s.

20. Avgustin Avrelij. O grade Bozh'em. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/19_13 (data obrashhenija 08.03.2021).

21. Hollingworth M. Saint Augustine of Hippo: An Intellectual Biography. Oxford University Press, 2013. 312 p.

22. Filaret. Tolkovanie na Knigu Bytija. M.: Rus. Hronograf, 2004. 702 s.

23. Avgustin Avrelij. Zapoved' blagogo Uchitelja: po tvorenijam blazhennogo Avgustina: [izbrannye vykazivanija]. M.: Blagovest, 2011. 158 c.

24. Avgustin Avrelij. Hristianskaja nauka ili Osnovaniya Svjashhennoj Germenevtiki i Cerkovnogo Krasnorechija: [sbornik trudov i propovedej]. SPb: Bibliopolis, 2006. 508 s.

25. Buonaiuti E. Le origini dell'ascetismo cristiano. E-text, 2020. 146 p.

26. Saint Augustine. De Libero Arbitrio Voluntatis: St. Augustine on Free Will. 1947. 149 p.

27. La Piana G. Le rappresentazioni sacre nella letteratura bizantina. Variorum Reprints, 1971. 344 p.

28. Evans G.R. The History of Christian Europe. Lion Scholar, 2018. 232 p.

29. Evans G.R. Augustine on Evil. Cambridge University Press, 1990. 198 p.

30. Seneka L.A. O miloserdii: [sbornik]. SPb: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2018. 346 s.

31. Sekst Jempirik. Sochinenija: v 2 t. M.: Mysl', 1975.

32. Avetis'jan A.A. Antichnye filosofy. Kiev: Izd-vo Kievskogo un-ta, 1955. 314 s.

Kovalev Andrey Andreevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia. 199178, St. Petersburg, Middle Ave. V.O., d. 57/43), kovalev-aa@ranepa.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ: ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА PEDAGOGICAL COORDINATE SYSTEM EDUCATION, UPBRINGING, HUMAN DEVELOPMENT

УДК 378.147

DOI: 10.24151/2409-1073-2021-2-185-193

Методические подходы к разработке комплексных электронных образовательных ресурсов по прикладным экономическим дисциплинам на базе LMS Moodle

Н.П. Хижак¹

¹ Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) в г. Ялте ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

shamnp@mail.ru

Аннотация. Электронное обучение и онлайн среда являются неотъемлемой частью настоящего и будущего современного образования. В статье сформулированы основные требования к разработке электронного учебно-методического комплекса для эффективной организации учебного процесса с использованием дистанционных образовательных технологий. Обобщен практический опыт разработки комплексного электронного образовательного ресурса по дисциплине «Налоги и налогообложение» программы бакалавриата в системе дистанционного обучения LMS Moodle. Статья содержит методические рекомендации по планированию, разработке и созданию оптимальной контента для стандартных элементов LMS Moodle, обеспечивающие качественную подготовку бакалавров-экономистов.

Ключевые слова: электронный образовательный ресурс, прикладные экономические дисциплины, LMS Moodle, контент, контрольные точки.

Methodological approaches to the development of complex electronic educational resources in applied economic disciplines based on LMS Moodle

N.P. Khyzhak¹

¹ Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University

shamnp@mail.ru

Abstract. E-learning and the online environment are an integral part of the present and future of modern education. The article formulates the basic requirements for the development of an electronic educational and methodological complex for the effective organization of the educational process using distance educational technologies. The practical experience of developing a comprehensive electronic educational resource for the discipline «Taxes and Taxation» of the bachelor's program in the LMS Moodle distance learning system is generalized. The article contains

guidelines for planning, developing and creating optimal content for standard LMS Moodle elements, providing high-quality training for bachelors in economics.

Keywords: electronic educational resource, applied economic disciplines, LMS Moodle, content, checkpoints

Как гласит статья 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273-ФЗ, дистанционные образовательные технологии (ДОТ) — это образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников [1]. С принятием в 2012 году данного нормативного акта организациям, осуществляющим образовательную деятельность, на законодательном уровне предоставлено право применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ.

С развитием информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей место электронного обучения в процессе образования постоянно меняется. Вызовы, с которыми столкнулась система образования в 2020 году из-за пандемии, обусловили переход от использования ДОТ, как вспомогательной формы обучения (применяющейся дополнительно к основному курсу, изучаемому контактно с преподавателем), к использованию ДОТ как единственно возможной формы организации процесса обучения. При этом цель профессионального обучения осталась неизменной — подготовка квалифицированного работника, обладающего предусмотренными образовательными стандартами высшего образования компетенциями. Это требует разработки качественного контента, сочетающего в себе учебные материалы по дисциплине, отвечающие определенным требованиям, и дидактические возможности информационных и коммуникационных технологий.

Общие требования к электронным образовательным ресурсам (ЭОР) установлены ГОСТ Р 53620-2009. Указанный стандарт определяет ЭОР как образовательный ресурс, представленный в электронно-цифровой форме и включающий в себя структуру, предметное содержание и метаданные о них [2]. Практическая реализация образовательных программ с использованием ЭОР осуществляется в рамках систем управления обучением LMS (Learning Management System), которые позволяют создать сетевую среду онлайн обучения, состоящую из средств подготовки и доставки образовательного контента и средств управления образовательным процессом. Наиболее популярная в Российской Федерации платформа для создания виртуальной образовательной среды — LMS Moodle.

Функционал элементов LMS Moodle достаточно хорошо изучен и давно применяется на практике. Проблемным вопросом обеспечения электронного обучения в рамках LMS Moodle остается качественное методическое сопровождение разработки ЭОР, отвечающее как задачам повышения качества образования профессионалов, так и особенностям новой цифровой дидактики [3, с. 175; 4, с. 411; 5, с. 124]. В условиях информационного общества обучение онлайн, как и традиционное обучение, требует изменения компетенций современного преподавателя и организации учебного процесса. От современного педагога требуется не просто овладеть новыми технологиями, но изменить методику преподавания [6, с. 6]. В данной статье на основании личного опыта автора приведены методические подходы к разработке электронного учебно-методического

комплекса по прикладным экономическим дисциплинам программы бакалавриата по направлению подготовки 38.03.01 «Экономика» в системе дистанционного обучения LMS Moodle.

Для комплексного рассмотрения учебного материала и обеспечения всех компонентов образовательного процесса следует разрабатывать комплексные ЭОР. Комплексные ЭОР представляют собой целостную систему разного вида и формата учебного материала (в том числе логически выстроенный комплекс заданий как для совместной деятельности преподавателя и студентов, так и для самостоятельной работы студентов) и сопровождающего процесс обучения контроля [7, с. 128]. Комплексные ЭОР, созданные в LMS Moodle, должны представлять собой, таким образом, и систему управления самостоятельной работой студентов, и контент, с которым преподаватель работает со студентами в режиме онлайн. Следовательно, комплексные ЭОР должны обеспечивать не только передачу информации от преподавателя к студенту, но также включать элементы активных и интерактивных методов обучения, а также систему контрольных мероприятий.

Активные методы обучения — это методы, стимулирующие познавательную деятельность обучающихся. Интерактивные методы обучения предусматривают моделирование жизненных ситуаций, совместное решение учебных задач и проблем. Учебный процесс, основанный на активных и интерактивных методах обучения, характеризуется тем, что обучающиеся воспринимают материал, овладевают определенными умениями и осваивают предмет через собственный опыт, свой способ усвоения знаний, а преподаватель активно стимулирует обучающихся к высказыванию своих мнений, принимает и включает эти мнения в обсуждение, даже если они не совпадают с его собственной точкой зрения [8, с. 143]. Эффективная организация учебного процесса

в дистанционном формате сегодня предполагает не просто размещение материалов курса, а такое их качество и подачу, которые позволят сопровождать, направлять студентов, организовывать творческую работу, предоставлять индивидуальную обратную связь.

Такие подходы в полной мере отвечают требованиям к изучению прикладных экономических дисциплин для формирования таких профессиональных компетенций бакалавра-экономиста, как:

- способность собрать и проанализировать исходные данные, необходимые для расчета экономических и социально-экономических показателей, характеризующих деятельность хозяйствующих субъектов;

- способность на основе типовых методик и действующей нормативно-правовой базы рассчитать экономические и социально-экономические показатели, характеризующие деятельность хозяйствующих субъектов;

- способность анализировать и интерпретировать данные отечественной и зарубежной статистики о социально-экономических процессах и явлениях,

- выявлять тенденции изменения социально-экономических показателей;

- способность, используя отечественные и зарубежные источники информации, собрать необходимые данные проанализировать их и подготовить информационный обзор и/или аналитический отчет;

- способность использовать для решения аналитических и исследовательских задач современные технические средства и информационные технологии.

Вышеизложенное определило подходы автора ЭОР к подбору и подаче материала в курсах, созданных в LMS Moodle, по прикладным экономическим дисциплинам. Так, набор элементов курса «Налоги и налогообложение» состоит как из стандартных учебных ресурсов, так и из элементов, предполагающих выполнение студентами творческих, поисковых, проблемных, аналитических заданий. При этом содержание элементов ЭОР

подобрано так, чтобы мотивировать студента к более глубокому изучению тем курса: без проработки содержащихся в курсе теоретических материалов и нормативно-правовых актов, выполнения предложенных аналитических задач по данным из сети Интернет, заданий по поиску и анализу данных из открытых источников и официальных сайтов государственных структур (Росстата, ФНС России, Банка России, Министерства финансов РФ и других) освоение дисциплины и качественное выполнение контрольных мероприятий будет затруднительно.

Большое значение для реализации электронного обучения имеет также эффективная организация образовательного процесса в рамках времени и содержания, определенных учебным планом и рабочей программой. Решение проблемы эффективности при разработке ЭОР достигается за счет планирования, разработки и создания оптимальной системы учебно-методической документации и средств электронного обучения [9, с. 410].

В высшем учебном заведении все виды учебной работы, часы на их освоение, мероприятия текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации по дисциплине строго регламентированы, порядок и сроки их проведения утверждены внутренними нормативными актами образовательной организации. Поэтому за основу при разработке комплексных ЭОР следует принять календарный план занятий, который позволит структурировать материалы курса и, соответственно, настраивать все элементы и ресурсы ЭОР по датам начала и окончания их выполнения. На основании календарного плана занятий рекомендуется составить календарный график мероприятий текущего контроля по дисциплине (контрольных точек), который будет использоваться для настройки элементов курса, подлежащих оцениванию (таких как «Задание», «Тест»). Набор контрольных точек при этом определяется преподавателем в соответствии с учебным планом подготовки обучающихся и

с учетом специфики изучаемой дисциплины. Так, при преподавании дисциплины «Налоги и налогообложение» важно не только формирование базовых теоретических знаний в области налогообложения, необходимых для понимания тенденций развития современной налоговой системы, актуальных проблем исчисления налогов в Российской Федерации, налогового администрирования. Сформированность компетенций по указанной дисциплине предполагает получение практических навыков по исчислению налогов и сборов, взимаемых в Российской Федерации, налоговому планированию и прогнозированию. Соответственно, в рамках текущего контроля освоения прикладной дисциплины для обеспечения поэтапного оценивания формирования компетенций, предусмотренных рабочей программой, представляется целесообразным сделать акцент на оценивании практикумов — набора практических заданий и задач по всем темам дисциплины, оформленных в виде элемента курса LMS Moodle «Задание». Фрагмент графика мероприятий текущего контроля по дисциплине «Налоги и налогообложение», составленного для настройки элементов ЭОР, приведен в таблице 1..

Оправданной и высоко эффективной при использовании ЭОР является балльно-рейтинговая система оценивания успеваемости. Как результат, пользователь курса сразу получает представление, когда нужно приступить к выполнению элемента, когда его нужно сдать, какую максимальную оценку можно получить по соответствующей контрольной точке модуля (темы) ЭОР и как она будет учитываться в итоговом балле по результатам изучения дисциплины. Это позволяет обучающемуся следить за собственными достижениями, что является действенным дисциплинирующим и мотивирующим инструментом. Применение балльно-рейтинговой системы, предполагающей сквозное оценивание успеваемости обучающегося в ходе изучения курса, позволяет определить

Таблица 1

**График мероприятий текущего контроля по дисциплине «Налоги и налогообложение»
на I семестр 2020/2021 учебного года**

№ контрольной точки	Мероприятие текущего контроля (ТК)	Форма проведения	Дата выдачи задания	Дата сдачи контр. точки	Мах балл (БТК _{max i})
1	Практикум по теме 3 «Налоговое обязательство и его исполнение. Участники отношений по исполнению налогового обязательства»	письменно, загрузка файла в Moodle	28.09.20	12.10.20	5
...					
8	Практикум по теме 10 «Специальные режимы налогообложения»	письменно, загрузка файла в Moodle	07.12.20	21.12.20	5
9	Тесты по теме 10	Moodle	21.12.20	21.12.20	5
10	Практикум по теме 12 «Региональные и местные налоги»	письменно, загрузка файла в Moodle	11.12.20	25.12.20	5
11	Реферат	презентация	10.09.20	25.12.20	5
Максимальный суммарный рейтинговый балл БТК_{max}, набранный по итогам мероприятий текущего контроля					55

степень достижения запланированных результатов обучения по дисциплине в течение периода обучения и, таким образом, фактически снимает проблему проведения мероприятий промежуточной аттестации (зачетов и/или экзаменов), изначально не адаптированных к дистанционному формату.

Следует отметить, что даже те элементы, которые преподаватель — создатель курса не обозначил как подлежащие оцениванию контрольные точки, позволяют получить представление о том, действительно ли обучающийся усвоил и понимает материал дисциплину, получил ли он соответствующие знания, навыки и умения. Оценить приобретение обучающимся требуемых компетенций в рамках комплексного ЭОР воз-

можно, используя обратную связь от студента, анализируя сведения о том, насколько он вовлечен в процесс, как он взаимодействует с контентом (в формате, поддерживаемом LMS Moodle).

Методические материалы по дисциплине целесообразно выделить в комплексном ЭОР в отдельный раздел. Пример такого раздела комплексного ЭОР по дисциплине «Налоги и налогообложение» приведен на рисунке 1.

Далее комплексный ЭОР, созданный в LMS Moodle, структурируется по учебным модулям по темам. По мнению автора, для прикладных экономических дисциплин наиболее эффективными учебными элементами для наполнения курса

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Рабочая программа дисциплины

Рабочая программа дисциплины содержит, в частности:

- перечень планируемых результатов обучения по дисциплине, соотнесенных с планируемыми результатами освоения ООП ВО;
- содержание дисциплины;
- формы контроля результатов обучения по дисциплине;
- учебно-методическое обеспечение (перечень основной и дополнительной литературы, перечень ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»)

ФОС по дисциплине

В документе содержатся:

- общие понятия;
- методика формирования балльно-рейтинговой оценки по дисциплине;
- описание показателей и критериев оценивания компетенций, описание шкал оценивания;
- график мероприятий текущего контроля по дисциплине;
- тестовые задания по темам дисциплины;
- задания для контрольной работы;
- перечень тем рефератов;
- перечень вопросов к экзамену

Методические рекомендации по выполнению видов самостоятельной работы

Приведены методические рекомендации:

- по изучению нормативно-правовой базы по вопросам налогообложения;
- по подготовке опорного конспекта лекций по предметам, вынесенным на самостоятельное изучение;
- по подготовке реферата, в т.ч. требования по его оформлению;
- по подготовке к практическим занятиям;
- по выполнению контрольной работы;
- по подготовке к экзамену.

Рис. 1. Раздел ЭОР «Методические материалы по дисциплине»

являются: «Лекции», «Задание», «Тест», «Гиперссылка» (рисунок 2). Не следует перегружать ЭОР избыточным количеством различных элементов из предусмотренных платформой, а сосредоточиться на качестве и системности предлагаемых учебных материалов и разработанных заданий. Важно также выполнить настройки типа предоставления ответов, отслеживания выполнения элементов курса, а также настройки оценок таким образом, чтобы обеспечить эффективную коммуникацию между преподавателем и студентом.

В приведенном на рисунке 2 примере модуль «Тема 10. Специальные налоговые режимы» комплексного ЭОР «Налоги и налогообложение» содержит набор элементов, выполнение которых позволит обучающемуся:

- изучить основные теоретические вопросы рассматриваемой темы при изучении конспекта лекции и выполнении задания для самостоятельного изучения;
- расширить, систематизировать и закрепить теоретические знания по отдельным подтемам при выполнении задания для

ТЕМА 10. Специальные налоговые режимы

В этой теме рассматриваются следующие вопросы:

- Идентификация субъекта налогообложения для возможности применения специальных налоговых режимов.
- Упрощенная система налогообложения (УСН).
- Единый налог на вмененный доход (ЕНВД);
- Патентная система налогообложения (ПСН);
- Единый сельскохозяйственный налог (ЕСН);
- Налог на профессиональный доход для самозанятых граждан (НПД).

	Конспект лекции	☒
	Вопросы для самоконтроля	☒
	Задание для самостоятельного изучения	☒
	Задание для СРС	☒
	Практикум	☒
	Данный практикум является контрольной точкой	
	Вопросы и ответы по НПД	☒
	Может ли самозанятый быть одновременно наемным работником?	☒
	Закон «О патентной системе налогообложения на территории Республики Крым»	☒
	Текст Закона приведен без учета последующих изменений и дополнений, внесенных законами Республики Крым в течение 2014-2020 гг.	
	Законы Республики Крым о внесении изменений в Закон «О патентной системе налогообложения на территории Республики Крым»	☒
	По ссылке размещены все изменения и дополнения к Закону, внесенные в течение 2014-2020 гг.	
	Тесты	☒
	Данный тест является контрольной точкой	

Рис. 2. Содержание модуля ЭОР

самостоятельной работы студентов (задания для СРС);

— развить познавательные способности и стимулировать активность обучающихся, их творческую инициативу и самостоятельность, а также сформировать умения по использованию нормативной, правовой, справочной, специальной литературы при проработке ис-

точников и материалов сети «Интернет» (гиперссылки на официальные сайты государственных органов, ресурсы профессиональных сообществ, образовательные порталы, электронные библиотечные системы);

— сформировать навыки решения практических задач (в профессиональной деятельности) на основе приобретенных знаний

при решении задач, включенных в практикумы.

Например, в модуле ЭОР «Специальные налоговые режимы» в конспекте лекции приводятся основные вопросы рабочей программы, а также вопросы, которые особенно трудны для самостоятельного изучения и требуют методической переработки и презентации преподавателем. В элементе «Задание для самостоятельного изучения» приводятся подтемы, вынесенные на самостоятельное изучение, с указанием терминов и понятий, ориентирующих студента на основных моментах и проблемных вопросах.

В элементе «Задание для СРС» обучающему предлагается на основании изученного теоретического материала выполнить аналитические задания, как, например: кажите, в чем причина отмены действия режима ЕНВД с 01.01.2021 года; составьте схему «Преимущества и недостатки применения УСН» с объектом налогообложения «Доходы» и объектом налогообложения «Доходы минус расходы»; составьте схему «Преимущества и недостатки применения ПСН». Выполнение таких частично регламентированных заданий, не имеющих стандартизированных решений, позволяет обучающимся формулировать собственную точку зрения и диагностировать, таким образом, освоение и понимание материала.

Далее при рассмотрении вопроса одного из вопросов модуля «Налог на профессиональный доход для самозанятых граждан (НПД)» у обучающегося должны возникнуть вопросы относительно нюансов практического применения нового режима налогообложения. И здесь для получения актуальных и достоверных ответов на возникшие вопросы важно правильно сориентировать обучающегося в информационном пространстве: в данном случае путем размещения гиперссылки на сайт Федеральной налоговой службы в раздел «Налог на профессиональный доход» «Популярные вопросы за 2020 год».

Вообще размещение в ЭОР ссылок на внешние ресурсы рекомендуется для достижения следующих целей: обучить студента работе с качественным контентом, с актуальной редакцией нормативно-правовых документов, охватывающей все изменения и дополнения к документу к моменту изучения, а также показать, какие полезные ресурсы сети Интернет обучающийся может использовать для решения профессиональных задач.

Как указывалось выше, преподаватель с использованием элементов LMS Moodle «Тесты» и/или «Задание» получает возможность проверить усвоение обучающимися материала курса. В приведенном примере (рисунок 2) прохождение тестирования по пройденному материалу темы и выполнение практикума в соответствии с Графиком мероприятий текущего контроля по дисциплине являются контрольными точками. При этом возможности элемента «Тест» обучающийся может использовать для самопроверки, а комментарии преподавателя к выполненным заданиям в контексте индивидуальной обратной связи — для самообучения.

Такая совокупность методических инструментов позволяет систематизировать и разнообразить подачу учебного материала, а также организовать контроль и самоконтроль знаний обучающихся.

Литература

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273-ФЗ (последняя редакция) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
2. ГОСТ Р 53620-2009: Национальный стандарт российской федерации. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Электронные образовательные ресурсы. Дата 2011-01-01.
3. Рудая М. А., Шафранова О. Е. Особенности методического обеспечения электронного обучения слушателей по программам дополнительного профессионального образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 175—178.

4. Худoley Н. В. Использование LMS Moodle при обучении иностранному языку в вузе (опыт ФГБОУ ВО «Красноярский ГАУ») // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2018. Т. 15. № 4. С. 410—423.

5. Юшков С. А., Макарова И. С. Практика использования электронного обучения в учебном процессе технического ВУЗа // Дискуссия. 2014. №3 (44). С. 124—28.

6. Фомина А. С. Онлайн обучение в высшем учебном заведении: методики, контент, технологии // Общество: социология, психология, педагогика. [Электронный ресурс]. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-obuchenie-v-vysshem-uchebnom-zavedenii-metodiki-kontent-tehnologii> (дата обращения: 21.10.2020).

7. Куценко С. М., Косулин В. В. Электронные образовательные ресурсы как инструмент обучения // Вестник КГЭУ. 2017. № 4 (36). С.127—133.

8. Мальцева Т. В., Михайлова В. К. Использование активных и интерактивных методов обучения в образовательном процессе ВУЗа МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №9. С. 141—145.

9. Войлик О. Н., Сулейманова Е. А. Состав и структура методического обеспечения информационно-средового подхода к модернизации профессионального образования // Образовательные технологии и общество. 2012. №4. С. 409—419.

Поступила 31.03.2021

Хижак Наталья Петровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов, Гуманитарно-педагогическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (Севастопольская ул., 2А, Ялта), shamnp@mail.ru

2. GOST R 53620-2009: Nacional'nyj standart rossijskoj federacii. Informacionno-kommunikacionnye tekhnologii v obrazovanii. Elektronnye obrazovatel'nye resursy. Data 2011-01-01.

3. Rudaya M. A., SHafranova O. E. Osobennosti metodicheskogo obespecheniya elektronnoho obucheniya slushatelej po programmam dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya // Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 175—78.

4. Hudoley N. V. Ispol'zovanie LMS Moodle pri obuchenii inostrannomu yazyku v vuze (opyt FGBOU VO «Krasnoyarskij GAU») // Vestnik RUDN. Seriya: Informatizaciya obrazovaniya. 2018. Т. 15. № 4. С. 410—423.

5. YUshkov S. A., Makarova I. S. Praktika ispol'zovaniya elektronnoho obucheniya v uchebnoy processe tekhnicheskogo VUZa // Diskussiya. 2014. №3 (44). С. 124—28.

6. Fomina A. S. Onlajn obuchenie v vysshem uchebnoy zavedenii: metodiki, kontent, tekhnologii // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. [Elektronnyj resurs]. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-obuchenie-v-vysshem-uchebnom-zavedenii-metodiki-kontent-tehnologii> (data obrashcheniya: 21.10.2020).

7. Kucenko S. M., Kosulin V. V. Elektronnye obrazovatel'nye resursy kak instrument obucheniya // Vestnik KGEU. 2017. № 4 (36). С.127—133.

8. Mal'tseva T. V., Mihajlova V. K. Ispol'zovanie aktivnyh i interaktivnyh metodov obucheniya v obrazovatel'nom processe VUZa MVD Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. №9. С. 141—145.

9. Vojlik O. N., Sulejmanova E. A. Sostav i struktura metodicheskogo obespecheniya informacionno-sredovogo podhoda k modernizacii professional'nogo obrazovaniya // Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo. 2012. №4. С. 409—419.

Submitted 31.03.2021

References

1. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2012 №273-FZ (poslednyaya redakciya) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

Khyzhak N.P., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economics and Finance Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University (2A Sevastopolskaya St., Yalta), shamnp@mail.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 экземпляра номера, в котором будет опубликована его статья.

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ! Статьи принимаются в редакцию только при наличии договора о передаче авторского права.

Научный журнал «**Экономические и социально-гуманитарные исследования**» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи. Верстка журнала осуществляется в издательской системе, функционирующей в сети IBM-совместимых компьютеров. Журнал имеет формат A4 и изготавливается по технологии цифровой печати.

В редакцию предоставляются:

- 1) текст статьи, включая аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список, список авторов и сведения о них, подготовленный на компьютере и распечатанный на лазерном принтере на белой бумаге формата A4 с четким и ясным шрифтом;
- 2) электронный вариант статьи на лазерном диске или USB-флеш-накопителе, подготовленный на IBM PC в формате MS Word for Windows (для иногородних авторов допускается передача электронного варианта статьи по e-mail);
- 3) экспертное заключение, рекомендации кафедры, сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций);
- 4) лицензионный договор о передаче авторского права в 2 экземплярах.

Основные рубрики:

- экономические науки;
- философские науки;
- социологические науки;
- политические науки;
- исторические науки;
- педагогические науки;
- психологические науки.

Статья должна быть подписана всеми авторами.

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 10 страниц текста и 5 рисунков, для краткого сообщения — до 6 страниц текста и 2 рисунка.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **ФамилияИО_Название статьи**.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; краткая (но не менее 500 знаков, считая пробелы) аннотация на русском языке; ключевые слова. Далее следует текст статьи.

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Внимание! Редакция должна быть уверена, что ни представленная работа, ни ее части не были ранее опубликованы и не находятся на рассмотрении в других изданиях. Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат».

Аннотация (предоставляется на русском и английском языках) должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др.

Ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках) отделяются друг от друга точкой с запятой.

Текст печатается через полтора интервала с размером шрифта не менее стандартного машинописного (Times New Roman, кегль 13). Абзацы отделяются друг от друга одним маркером конца абзаца (применение этого символа в других целях не допускается), ширина отступа (1,25 м) устанавливается в меню Word *Формат* → *Абзац*; набор текста начинается с левого края; по правому краю текст не выравнивается; текст набирается без переносов. Все слова внутри абзаца разделяются только пробелом. Перед знаками препинания пробелы не ставятся, после них — один пробел. Не допускается применение разрядки, псевдографики, а также стилей.

В рукописи должна быть **сквозная нумерация** страниц, рисунков и таблиц.

Рисунки (максимальный размер 13 × 21 см, размер шрифта не менее 9) должны быть черными, контрастными, читабельными. Каждый рисунок должен иметь подпись. На все рисунки должны быть ссылки по тексту.

Векторные рисунки предоставляются в форматах EPS или CDR (версии не выше Adobe Illustrator CS5, CorelDRAW X3). Текст и линии на рисунке должны быть редактируемыми (текст не «в кривых»).

Полутоновые рисунки (фотографии) принимаются только в градациях серого, могут быть предоставлены в формате TIFF (без компрессии) или в виде оттиска на матовой бумаге (предпочтительный формат 9 × 12). Использование MS Word не допускается.

Бумажные оттиски рисунков должны быть пронумерованы и подписаны (на обороте каждого рисунка разборчиво написать порядковый номер, фамилию и инициалы автора). На иллюстрациях, по внешнему виду которых трудно или невозможно определить их расположение, следует сделать пометки «верх» и «низ».

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера, на каждую из них в тексте должна быть ссылка.

Для **форматирования текста** не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—).

Для математических и химических **формул** следует выбирать шрифт 11 кегля. Пронумерованные формулы (нумеруются только те, на которые есть ссылки в тексте) выносятся отдельной строкой и располагаются по центру. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов, математические функции $\lim$, $\lg$, $\ln$, $\arg$, $\cos$, $\min$, $\max$ и т. д., а также названия химических элементов — прямым шрифтом. Подстрочные и надстрочные индексы должны стоять строго на своих местах и быть размечены (подстрочные помечаются дугой сверху, надстрочные — снизу). Символ не должен сливаться с надсимвольным элементом.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо давать их расшифровку.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы оформляется в порядке ссылок на нее по тексту.

Рекомендуется использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Необходимо указать:

— для **книг**: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;

— для **периодических изданий**: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;

— для **материалов конференций, школ, семинаров**: фамилию и инициалы автора, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;

— для **электронных ресурсов**: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

— информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;

— e-mail для публикации в Интернете.

Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно по каталогу «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать» в любом отделении Почты России

Этические нормы публикационного процесса

Редакционный совет и главный редактор научного журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» (ЭСГИ) придерживаются принятых международным сообществом принципов публикационной этики, отраженных, в частности, в рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (*Committee on Publication Ethics, COPE*), Совета по этике Ассоциации научных редакторов и издателей, а также учитывают ценный опыт авторитетных международных журналов и издательств.

Во избежание недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиат, изложение недостоверных сведений и др.), в целях обеспечения высокого качества научных публикаций, признания общественностью полученных автором научных результатов, каждый член редакционного совета, автор, рецензент, издатель, а также учреждения, участвующие в издательском процессе, обязаны соблюдать этические стандарты, нормы и правила и принимать все разумные меры для предотвращения их нарушений. Соблюдение правил этики научных публикаций всеми участниками этого процесса способствует обеспечению прав авторов на интеллектуальную собственность, повышению качества издания и исключению возможности неправомерного использования авторских материалов в интересах отдельных лиц.

Редакция оставляет за собой право отклонить публикацию статьи в случае нарушения указанных ниже правил.

Принципы, которыми должен руководствоваться автор научных публикаций

Автор (или коллектив авторов) осознает, что несет первоначальную ответственность за новизну и достоверность результатов научного исследования, что предполагает соблюдение следующих принципов:

- авторы статьи должны предоставлять достоверные результаты проведенных исследований; заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы;

- авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в предоставленной рукописи, полностью оригинальны, при этом заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника, а чрезмерные заимствования, так же как плагиат в любых формах, включая неофор-

перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы;

- необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования — в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования;

- авторы не должны предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале;

- качестве соавторов статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования, при этом среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании;

- если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Нарушения публикационной этики

При возникновении ситуации, связанной с нарушением публикационной этики со стороны редактора, автора или рецензента, требуется обязательное расследование. Это распространяется как на опубликованные, так и неопубликованные материалы. Редакционный совет обязан потребовать разъяснения без привлечения лиц, которые могут иметь конфликт интересов с одной из сторон.

Редакция журнала ЭСГИ защищает репутацию авторов и внимательно относится ко всем случаям обнаружения плагиата в статьях. В целях обеспечения объективности редакция тщательно исследует каждый случай и рассматривает аргументы всех заинтересованных сторон.

Прежде чем предпринимать дальнейшие действия, редакционный совет стремится получить максимально точную информацию у авторов спорной публикации или владельцев авторских прав и изучает ее. Решение редакции беспристрастно, объективно и не зависит от третьих лиц.

Редакция журнала ЭСГИ оставляет за собой право не реагировать на обвинения в плагиате, если обвинитель предоставляет недостоверную персональную информацию либо действует в неэтичной или угрожающей форме. Редакция не обязана выносить на обсуждение случаи предполагаемого плагиата лицами, не имеющими к нему прямого отношения.

Ethical Norms of Publishing

Editorial Board and Editor-in-Chief of the journal *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* (ESGI) are committed to publication ethics principles adopted by international community, notably presented in Guidelines of Committee on Publication Ethics, COPE and of Russian Association of Science Editors and Publishers' Ethics Board; they also take advantage of valuable experience of respected international journals and publishing houses.

In order to avoid unfair practice in publication activities (plagiarism, statement of unreliable information etc.) and to ensure high quality of scientific publications and recognition of authors' scientific results by the public, each member of Editorial Board, author, reviewer, editor, and each of organizations participating in publishing process must observe ethical standards, norms and rules and take all reasonable measures to prevent their violation. The observance of scientific publication's ethical rules by all participants of this process contributes to assurance of authors' intellectual property right, to improvement of publications' quality and eliminates the possibility of author's materials unlawful use for the convenience of particular persons.

Editorial team reserves the right to decide against publication of a paper in the event that below specified rules are violated.

Principles to which the science publication author should comply

Author (or group of authors) is / are aware of his / her / their primary responsibility for novel nature and reliability of scholarly results, which is premised on the observance of following principles:

- the authors of a paper must provide reliable results of undertaken study; demonstrably wrong or fabricated statements are unacceptable;
- the authors must guarantee full originality of research results stated in the manuscript they provide, it being understood that borrowed fragments or statements must be presented as citations, with obligatory reference to primary author(s) and source, while excess borrowing, as well as any form of plagiarism, including text copying without source attribution, text recycling or misappropriation of other's research results, are unethical and unacceptable;

- the contributorship of all persons who influenced in some way or other the study progress, must be acknowledged; notably, the paper must contain references to works relevant to the pursuance of research;

- the authors must not provide to the journal a manuscript sent to another journal and being under consideration there nor a paper already published in another journal;

- all persons who contributed considerably to the pursuance of research must be listed as paper's coauthors, with that it is unacceptable to list among coauthors the persons who did not participate in the research;

- if the author detects significant errors or inaccuracies in the paper on the stage of its consideration or after its publication, he / she must notify the editorial team of that as soon as possible.

Publication ethics violations

Should there be situation related to publication ethics violation on the part of editor, author or reviewer, mandatory investigation is required. This is applicable to published as well as unpublished materials. Editorial Board must require explanation with no involvement of persons who might have conflict of interest with either party.

The ESGI journal editorial team protects authors' reputation and is attentive to all cases of plagiarism detection in the papers. For the sake of objectivity the editorial team investigates thoroughly each case and considers the reasons of all parties involved.

Before taking any future action the Editorial Board endeavors to obtain the most accurate information possible from the authors of publication at issue or from copyright holder and studies it. Editorial team's judgment is impartial, objective and not influenced by third parties.

The ESGI journal editorial team reserves the right to be without responding to plagiarism claims if the accuser provides unreliable personal information or acts in unethical or threatening way. Editorial team has no obligation to submit for discussion the cases of supposed plagiarism not having a direct relationship to it.

